ГРАНЬ

„GRAGNE"

REVUE TRIMESTRIELLE

№ 1

МАРТ-МАЙ

1939

ПАРИЖ

REVUE TRIMESTRIELLE

Кончено время игры,
Дважды цвѣтам не цвѣсти
Гумилев.

ГРАНЬ

ОТКЛИКИ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ И МЫСЛИ

Подъ редакціей:

С. В. ІЕГУЛОВА и И. Я. САВИЧА

№ 1.

МАРТ-МАЙ

1939

ПАРИЖ

СОДЕРЖАНІЕ.

В ПОХОДѢ.

(Отрывок из цикла «Легіон»).

«...За жар души, растраченной въ пустынѣ».
Лермонтов.

Чисто-чисто подметенная земля. Сухая, красновато-темнаго цвѣта. На ней аккуратно, как будто бы чьими-то заботливыми руками, разложены камешки: угловатые, круглые, черные, бѣлые в жилках, матовые, но больше всего отполированных, блестящих, блестящих и скользких. Один из таких камешков лежит у меня на языкѣ. Я сосу его и прижимаю иногда к пересыхающему небу. Я провожу языком по обожженным губам, с висящей кусками кожей. Я хочу пить, пить, пить. Все время хочу пить, уже много, много дней подряд. Хочу пить холодную, прозрачную воду, без привкуса селитры, без мути.

Эх, опять!.. Он все время отстает, и мнѣ приходится сдерживать моего Ќанара́. Вот и сейчас Канар, смотря серьезно своими прекрасными глазами, слегка ткнулся в спину Вирта. Этото блѣдный нѣмчик тает на глазах, изнемогая от дизентеріи. И все-таки он идет. Идет как автомат, быстро, быстро перебирая ногами, безучастный ко всему. Он даже не обернулся на толчек моего мула. Бѣдный Вирт, он не может ѣхать верхом: ему дѣлается сразу хуже и, вѣрный заповѣди легіона — «marche ou crève» — он идет. Мнѣ видна мокрая от пота парусиновая куртка, прилипающая мѣстами к выдающимся лопаткам, и запыленный чехол кэпи, со спадающим на плечи покрывалом, ставшим коричневым от пота и прилипшей — в видѣ мельча́йшей пыли — бурой охры.

Впереди Вирта идет, слегка покачиваясь, мой «дублер» Чіуно. Он думает, навѣрное, о красном терпком «пинарѣ» *)

*) Красное вино.

— единственном смыслѣ и украшеніи его жизни. Скоро моя очередь идти по этим раскаленным, сверкающим камешкам, а он, сидя в сѣдлѣ, так же будет сдерживать милаго Капара, всегда рвущагося вперед.

Давно-ли мы идем и ѣдем? Не все-ли равно? Я думаю, что так всегда и было — передо мной, на фонѣ голубоватой, легчайшей дымки горизонта, друг за другом движутся взводы. Впереди каждаго взвода бѣлыя фигуры быстро размахивают руками, по два в ряд, за ними — группа верховых. От каждаго взвода, поднятый подкованными ботинками легіонеров и копытами мулов, тянется бѣловато-золотистый шлейф мельчайшей пыли.

Кругом разстилается необъятное, мерцающее море. Каждый камешек, полированный дыханіем вѣков, сверкает в лучах бѣснующагося солнца сіяніем алмаза.

— Капрал, у вас есть спички? — спрашивает меня ѣдущій рядом Клейн. Я открываю патронташ, вынимаю коробку спичек и протягиваю руку. Он подъѣзжает вплотную ко мнѣ, его крупный, широко ступающій мул — Люлю — неодобрительно пофыркивает. Клейн берет коричневыми, горячими пальцами спички и закуривает. Снова Люлю недовольно покосил на меня черным глазом, принужденный опять приблизиться к моему Капару.

Впереди мѣрно колышатся плечи идущих гуськом в два ряда людей. Поблескивают на их спинах карабины. Пѣшіе иногда сходятся плечом к плечу ,иногда широко расходятся, обходя какую-нибудь рытвину. Мой Кана'р очаровательно постукивает своими стройными копытцами и в такт шагов потряхивает ушами. Это один из самых лучших мулов в нашем взводѣ, даже Жеметт нашего сержанта отстает от него. Я иногда подумываю, что Канар — лучшій мул в полуротѣ. Чіуно же увѣренно утверждает, что это самый лучшій мул в ротѣ, что лучшаго не было и не будет. Чіуно говорит, что когда Канар идет даже рысью, то можно, сидя в сѣдлѣ, писать письма самой красивой дѣвушкѣ. Правда, осторожно и мягко несет Канар свое красивое тѣло, пріятно поблескивает его песчано-серебристая шерсть, на которой рѣзко отдѣлятся черно-бархатная полоска, идущая вдоль хребта и спадающая по плечам.

«С крестом на спинѣ — это самые лучшіе мулы», — часто любит говорить Чіуно... Милый, милый Канар!

Млинек, идущій вторым в правой колоннѣ, усиленно размахивает руками. Его спина совсѣм сѣрая от пота. Вот он оглянулся, взглянул на меня, и бѣлые зубы сверкнули не то в улыбкѣ, не то ь мучительной судорогѣ рта. С нарочи-

той безшабашностью, он затянул любимую нашим взводом нѣмецкую пѣсню, про шестнадцатилѣтнюю красотку Лору.

Это значило, что его силы подходят к концу, и он хочет подбодрить себя и других. Пѣшіе его товарищи, поняв это, подхватили припѣв, сначала неувѣренно, потом все сильнѣй и сильнѣй, и шаг их сдѣлался бодрым и увѣренным.

Припѣв, вѣющій какой-то печалью, печалью или тоской по идеалу, несся и разсѣивался в шири пустыни.

Верховые тоже подхватили припѣв, и звуки неслись в раскаленном, прозрачном воздухѣ, под аккомпанимент постукивающих копыт, по сухой, воспаленной почвѣ.

«Ло-о-ора, Лора, Лора, Л-о-о-о-ор-а...» — дружно лились звуки. Пѣли нѣмцы, французы, итальянцы, поляки, португальцы, бельгійцы и еще многіе... Пѣл один наш взвод.

...«Лора, Ло-о-ра...» Большіе голубые глаза и тяжелыя косы цвѣта спѣлой ржи — на фонѣ яркой зелени. Сквозь зелень блестят воды Рейна. От Рейна вѣет холодком, его воды чисты и прозрачны... Боже, как я хочу пить... И есть ли на самом дѣлѣ такой рай, гдѣ много холодной воды, гдѣ падает на мягкую зеленую траву тѣнь от деревьев, гдѣ по небу плывут облака?..

«Лора, Лора, Ло-о-о-ор-а... Halte ! Aux mulets ! . Из пріятнаго полусна я сразу возвращаюсь к дѣйствительности: натягиваю поводья ,поднимаю правую руку вверх и затѣм рѣзко опускаю вниз — это сигнал ѣдущим сзади.

Я останавливаю Канара. Пѣшіе быстро подбѣжали к своим мулам. Вот Чіуно уже держится за правое стремя.

« Descendez ! » — кричу я и, забирая назад слегка затекшую правую ногу, чтобы не задѣть свернутых одѣял и шинелей, приторoченных к задней лукѣ сѣдла, соскакиваю на раскаленную почву. Я стою около тяжело дышающаго Канара и быстро просовываю пальцы под подпругу — туго, значит ,не нужно подтягивать. Смотрю на его раздувающійся, потемнѣвшій от пота живот и провожу рукой под шинелью, у крупа, гдѣ висят фляги: Только два глотка — разрѣшаю себѣ — и, вытащив толстую пробку с каемкой дорожной пыли, приставляю горлышко фляги к пересохшему рту и быстро дѣлаю два глотка. Горячая ,соленая, пахнущая желѣзом, вода увеличивает жажду. Больше пить нельзу — впереди еще цѣлый день.

Вирт не подошел к своему мулу. Он сначала сѣл на землю, потом лег на бок.

— En avant... marche ! — и снова шлейфы пыли потянулись за взводами.

Камешки мерцают, сверкают, переливаются. Я широко

размахиваю засученными по локоть руками. Справа от меня идет Клейн с вѣчно потухшей папиросой в зубах. Камешки хрустят под гвоздями ботинок. Впереди, за облаком пыли, шевелится идущій взвод. Кажется, что он только шевелится, но не двигается с мѣста.

Мы идем и идем, почернѣвшіе, худые, с пересохшими, обожженными губами. Идем быстро, быстро передвигая ногами, еле успѣвая касаться почвы. Иногда лишь кажется, что мы летим, — иногда, что не движемся, а только быстро перебираем ногами в этом сверкающем морѣ. Голова начинает кружиться, легкая тошнота подступает к горлу. Я знаю — это опьяненіе свѣтом и блеском. Я превозмогаю себя, но немного погодя — снова впереди и кругом начинает покачиваться воздух и сверкающіе камни. Я снова впадаю в эту страшную, ослѣпительную тоску. Блѣдное, раскаленное небо, жгущая через подошвы почва и мерцаніе, мерцаніе, мерцаніе — в пустотѣ пустыни. Все умерло на этой планетѣ, и лишь мы — уцѣлѣвшіе — потерянная рота, несемся куда-то в послѣднем безуміи. Спѣшим... Куда? Когда? Часы, дни, годы, все перемѣшалось, все слилось в ослѣпительном огнѣ. Мы идем — нѣт. Мы сгораем, мы гибнем: нас пожирает свѣт.

Я оборачиваюсь назад — много в никуда глядящих глаз, много машущих рук, много пересохших ртов на осунувшихся ,почернѣвших лицах. Я послѣдним усиліем воли увеличиваю шаг и когда чувствую, что сзади начинают отставать, то оборачиваюсь и кричу: «Alors, quoi? Pas de moyen?» И этот крик сразу дает мнѣ силы. Я чувствую, что головокруженіе прекратилось, и твердо иду, широко размахивая руками, и боюсь оглянуться назад. Там, в концѣ строя, на меня взглянут страшные в своей покорности глаза чудом идущаго Вирта.

От впереди идущаго взвода отдѣлился вьючный мул, окруженный тремя легіонерами. Мы поравнялись с ними. Это из пулеметной группы. Вот сержант Брок отстегивает со злостью ремни, легіонеры стягивают на землю часть пулемета. Затѣм они снимают вьючное сѣдло, навѣрное лопнула подпруга. Сержант Брок взглянул на меня ненавидящими глазами. Я замѣтил, что он в послѣднее время на всѣх и на все смотрит взглядом, полным ненависти и тоски.

Мы идем и идем. Тѣни стали черными. Уши Капара похлопывают в такт шага, и уши его тѣни — громадныя уши — тоже. Между ушами видно мое кэпи, с развѣвающимся покрывалом. И также — в такт — покачивается за моей спиной дуло карабина — на мнѣ и внизу, на тѣни.

Почва раскалилась еще больше: снизу пышет невидимое пламя, а солнце, большое и тяжелое — шлет страшные ударяющіе лучи в спину. На горизонтѣ давно уже маячит сѣровато-темный утес, похожій на утюг. Туда мы идем.

По синим волнам океана плыл однажды сверх-дредноут, и вот, на полном ходу, он врѣзался в песчаную отмель, врываясь мощным килем в глубь тяжелаго, мертваго песка. Винты в послѣднем усиліи вскружились и навсегда зарылись и замерли. Корабль застыл неподвижной глыбой.

Прошли тьмы вѣков, океан высох, корабль покрылся трехсаженным слоем песчаника.

К нему, однако, громоздящемуся на фонѣ однообразной безконечной равнины, подходила наша рота. Уже виднѣется глинобитная башня, с зубчатыми краями, прилѣпившаяся к одной из боевых рубок умершаго корабля. Около кормы, вмѣсто кипящей, морской пѣны — мирно толпились пальмы. За пальмами виднѣлись сѣрые, кубическіе дома и опять зубцы башен.

Как хорошо лежать на спинѣ! Как хорошо смотрѣть в прозрачную, густую синеву неба сквозь черныя, перистыя вѣтви пальм, когда оттуда проглядывают только что появившіяся звѣзды. Солнце только что зашло, и в этот короткій момент блѣдное, жгучее небо дѣлается синим, синим — синѣе синьки. Потом, оно станет черным, и звѣзды во всей красѣ гордо выступят в ночной парад. Аллах эту скудную и страшную землю покрывает ночью траурным, расшитым золотом, ковром — самым дорогим, какой у него есть.

Было душно. Спина сквозь подстеленное одѣяло чувствовала жар почвы. Сзади меня стояла наша палатка, в ней, в кажущемся безпорядкѣ, были свалены грудой чрезсѣдельныя сумки, уздечки, фляги, мѣшки с ячменем, сумки — все готовое к тому, чтобы сразу лечь и пристегнуться к своему мѣсту — по сигналу — в любую секунду ночи. Около палатки рядами стояли сѣдла, прикрытыя потниками — за сѣдлами стелили одѣяла, так как всѣ спали на открытом воздухѣ. В серединѣ карэ, образуемаго рядами палаток, стояли привязанные по-взводно мулы. Они жевали ячмень, пофыркивали, переступали с ноги на ногу. Нѣкоторые из них лежали, поджав под себя ноги. Шум, производимый мулами, и говор легіонеров рѣзко нарушали торжественную тишину пустыни. Около моей головы послышались чьи-то осторожные шаги и кто-то присѣл на корточки.

— Капоралэ, — послышался таинственный шопот Чіуно. Я облокотился на локоть: Чіуно бережно наливал что-то из фляжки в аллюминіевую кружку. — Капоралэ, — продол-

жал он со своим невѣроятным итальянским акцентом, и в его голосѣ появилась гордость, торжество и умиленіе, — «капоралэ», — произнес он наконец, протягивая мнѣ кружку. — Ун кар де пинар.

Какая это была жертва с его стороны! Вино. Здѣсь и вино... Это значит, гдѣ-то эта заповѣдная фляга в глубинѣ вьючных мѣшков ѣхала с нами в продолженіе девятнадцати дней. Чіуно берег ее, как зѣницу ока, мечтал о ней. В ней был смысл и украшеніе его жизни — знаменитый пинар.

В первый момент я хотѣл было отказаться, но почувствовал, что это было бы страшной для него обидой. Я молча и бережно взял наполненную до краев кружку и медленно отпил глоток терпкаго и теплаго вина.

Вдруг, совсѣм близко, грохнул выстрѣл. Сейчас — «к оружію», сверкнула мысль и, пользуясь еще секундой до ожидаемой команды, я залпом допил вино, готовый вскочить на ноги.

— Фельдшера! — раздался чей-то взволнованный голос. Затѣм мимо пробѣжал дежурный капрал, придерживая за спиной болтающійся приклад карабина. Он, узнав меня, бросил на ходу: «Сержант Брок...»

«Остаться по мѣстамъ!» — раздалась увѣренная команда, передаваемая по лагерю. Забѣгали лишь караульные — в палаткѣ капитана зажглась свѣчка.

— Мон капитэн, — вбѣгая в палатку, докладывал аджюдан, — мон капитэн, сержант Брок..

— Есть ли здѣсь кладбище? — прервал капитан.

Борис Алексѣев.

ПОСМЕРТНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ ИВАНА САВИНА.

***

Все медленнѣе караваны
На запад вышедших годов.
Все тяжелѣй их груз нежданный.
Все чаще на гребнѣ песков
Я в сердце вспрыскиваю пряный,
Тягучій кокаин стихов.

О, капли звонкія отравы,
О, пѣвчія мои слова!
Когда вас в выжженныя травы
Бросает сердца' тетива, —
Как ласков шум песчаной лавы,
Какая в мірѣ синева.

Оазис. Блещет над шатрами
Звѣздами затканный ковер.
Родник хрустальными губами
Ведет о прошлом разговор
С уставшими идти годами,
Под пальмами цвѣтет костер...

Не потому-ль с недавних пор
Я даже думаю стихами?

1925 г.

* * *

Я был рожден для тихой доли.
Мнѣ с дѣтства нравилась игра
Мечты блаженной. У костра
В тѣ золотые вечера
Я часто бредил в синем полѣ,
Гдѣ щедрый мѣсяц до утра
Бросал мнѣ слитки серебра
Сквозь облачные вѣера.

Над каждым сном, над пылью малой
Глаза покорные клоня,
Я все любил, равно храня
И траур мглы, и радость дня,
И долго берегла меня
В душѣ мерцавшей небывало
От копій здѣшняго огня
Неопалимая броня.

Но хлынул бунт. Не залив взора,
Я устоял в крови. И вот
Мнѣ, пасѣчнику лунных сот,
Дано вести погибшим счет
И знать, что безпощадно скоро
Вселенная, с былых высот
Упав на черный эшафот,
С ума безумнаго сойдет.

1925 г.

У ЧЕРТЫ.

По дюнам бродит день сутулый,
Ныряя в золото песка.
Едва шуршат морскіе гулы,
Едва звенит Сестра-рѣка.

Граница. И чѣм ближе к устью,
К береговому янтарю,
Тѣм с большей нѣжностью и грустью
Россіи: «Здравствуй...» — говорю.

Там, за рѣкой, все тѣ же дюны,
К волнам такой же лѣс сбѣжал,
Все тѣ же древніе Перуны
Выходят, мнится, из-за скал.

Но жизнь иная в пѣнѣ бьется,
И тишина еще слышнѣй,
И на кронштадтскій купол льется
Огромный дождь иных лучей...

Черкнув крылом по глади водной,
В Россію чайка уплыла,
И я крещу рукой безродной
Пѣнистый слѣд ея крыла.

Оллила. 1925 г.

ГРАВЮРА НА ДЕРЕВѢ*).

Гравюра.

Гравюра на деревѣ.

Матерь Божья стоит посередкѣ. На руках Младенец играет. По бокам не то свѣчки горят, не то перья стоят павлинія. Сверху два херувима на облачках, гласы ангельскіе поют предивно.

Голова Богоматери платком покрыта. Нарисовано черным, а видно пестрым, рязанским. И платье на Ней крестьянское, на подобіе сарафана.

А Младенчик в одной распашоночкѣ, ножками голыми дрыгает, ручечки раскарячил, точно обнять кого хочет. И держит Его Мать под тутуньку, качает: тату, тату.

Там, гдѣ сердце у Богородицы, пламя пылает, вѣнчик сіяет пламенный. А лицо у Ней тонкое, строгое, очи, как звѣзды ночныя. Смотрит Она на Сына и Сад Гефсиманскій видит.

А ноги у Ней босыя. И не видно, на чем стоит. Видно только цвѣтов разных множество. А в самом низу не то солнца горят, не то большіе подсолнухи. И подписано в уголку: Перхотин.

— Гравюра! За такія гравюры в Соловки надо гнать. А особенно пролетарских студентов, да таких, как товарищ Перхотин.

— Видно, не нюхал еще, гдѣ красный перец родится? Пролетарій, батрак! Сколько лѣт в подпасках-то бѣгал? Рисовал бы гравюры при царском режимѣ, как же!

Захлебываясь, говорит Кисляковскій. Требует сжечь гравюру. Сам боится, а говорит: хитрую политику проводит. Расчет: если сейчас не сожжет, то уж вѣрно не сожжет и послѣ. Тогда ее можно найти при обыскѣ. Главное, чтобы улика была.

— А ну, выйди-ка, брат, отсюда! — свел вмѣстѣ брови Перхотин. — Можешь писать, куда хочешь, до меня это не касается.

Ничего не сказал Кисляковскій. Вышел и написал: «Секретарю ячейки ВКП (б) Московскаго Политграфинститута. Настоящим довожу до свѣдѣнія, что студент III курса тов.

*) В слѣд. № Редакція выскажется по поводу этого разсказа.

Перхотин Н. С. держит у себя гравюры религiознаго содержанiя и сам таковыя рисует.

Так, мною видѣн у него вполнѣ готовый к печати рисунок так называемой божьей матери с младенцем и аттрибутами.

Классовый смысл подобных явленiй ясен.

С компривѣтом Ян Кисляковскiй.

Потом подумал немного и дополнил:

«Довожу также до свѣдѣнiя, что в бытность свою батраком у кулака Тимофеева в селѣ Бѣдном, Зарайскаго округа, тов. Перхотин неоднократно чай пил с попом».

II.

Донос лежит на столѣ, пока здѣсь, в комнатѣ у Кисляковскаго. Завтра он ляжет на стол к секретарю ячейки тов. Коломейцевой. Потом протаранят его скрѣпителем и засадят в картонную папку. Пока одного, в ожиданiи дальнѣйших дѣйствiй. Папка «Н. С. Перхотин» станет рядом с другими в плотно закрытый шкап. «Секретное». «Личныя дѣла сотрудников».

Через нѣсколько дней (Кисляковскiй позаботится о том, чтобы это случилось скоро), Коломейцева раскроет ее на собранiи, ровно, спокойно, безстрастно прочтет и спросит: «Ну, как же, товарищи? Надо рѣшать это дѣло». Товарищи торопливо закурят, затянутся, выпустят дым, подумают и начнут диктовать протокол. Протокол присоединится к доносу. За ним послѣдуют справки, от домкома, от сельсовѣта, от мѣсткома, от командировавших Перхотина учрежденiй. Рядом с ними ,безжалостно пронзенныя скоросшивателем, безсильно замрут заявленiя, объясненiя и извиненiя самого Перхотина, а на них, накапливаясь, как слои, из года в год улучшаемой почвы, будут ложиться дополнительныя наблюденiя и свѣдѣнiя Кисляковскаго и, может быть, только бы достигнуть этого, убѣдительно талантливая гравюра, почти готовая к переносу на матрицы.

Затѣм дѣло перейдет в Наркомвнудѣл. Перхотина вызовут на Лубянку. Он, Кисляковскiй, когда-то открывшiй гидру, теперь уже аспирант Ванюковича, продолжает интересоваться дѣлом. Он изслѣдует среду, выносившую классоваго врага. Он находит у Ванюковича (чѣм он, между прочим, занимался до революцiи?) цѣлое гнѣздо подобных гравюр, не только гравюр, картин, цѣлых огромных полотен, укрываемых до поры под тонким слоем портретов вождей и трудовых процессов...

Открывается цѣлый заговор. Дѣло идет к прокурору Республики. Доносы, окруженные справками, объясненіями и дополненіями, цвѣтут как алые маки среди луговых цвѣтов. Они устилают дорогу к званію академика. Кисляковскій шагает по ней...

Смѣло вперед, Кисляковскій! Главное, бодрость, упорство и поменьше буржуазной щепетильности!

Смѣло вперед, Кисляковскій!..

Только что это у тебя с сердцем? Дрожит и падает сердце. И звон в ушах, и трубные гласы. Ноги слабѣют, в колѣнях будто подкашиваются. И кружится, кружится бѣдная голова...

И падает ниц Кисляковскій, бормочет, лепечет что-то, не то бред, не то молитву какую-то, вродѣ той, что в дѣтствѣ от няньки выучил.

— Матка Бозка! Ах, Матка Бозка!

Падает ниц Кисляковскій, и лежит так, длани простерши... Сколько? минуту?.. вѣчность? ночь эту лѣтнюю, краткую, до блѣдных лучей разсвѣтных?..

Видит: идет к нему Матерь Божья. Младенца к нему несет. Видит рѣющих серафимов и хор их небесный слышит. И лежит, лицом в пол лежит: «Грѣшен! Грѣшен!» взывает, трепещет ужасом смертным...

А Младенчик у Матери с рук стремится. Спѣшит, бѣжит к нему ножонками слабыми. Ротиком беззубым смѣется. Ручонками пухлыми тянется... «Утѣшителю!»... Лапоньки его дѣтскія Кисляковскій вкруг шеи чувствует. Волосенки, что пух голубиный, щеку ему щекочат. Глазки, как звѣзды в водах Іорданских, в сладкой слезѣ купаются...

И взвыл, зарыдал Кисляковскій. Нестерпим ему стыд Іудин. Возопил от тоски безмѣрной, от счастья неизрѣченнаго. Забился на жестком полу, как тварь водяная из мокрых пучин извлеченная...

— Матка Бозка! Ах, Матка Бозка!

На крик прибѣжали люди. Видят, лежат: на полу Кисляковскій, на столѣ донос. Кисляковскаго шубой прикрыли, нехай парень проспится, а донос снесли Коломейцевой. Заслужиться хотѣли перед ячейкой.

III.

А утром встает Кисляковскій. Первая мысль: Перхотин. «Что Перхотин? Зачѣм Перхотин? Аа!»

Встал дрожа. Протащился по коридору. Робко в дверь постучал.

— Войдите!

Вошел.

— Ну?

— Прости.

— Бог простит. Я тобой не обижен.

Подошел большой богатырь ,нагнулся, поцѣловал в уста трижды.

— Давай лучше Ее смотрѣть. Думаю в угол повѣсить. Как бы икону. Пусть смотрят.

Вынул гравюру из папки. Низко согнулся над ней. И Кисляковскій сбоку. Смотрит и чует, как слезы бѣгут из глаз.

IV.

А донос между тѣм лежал в секретном. «Личныя дѣла сотрудников». Папка: «Н. С. Перхотин».

Ловко скрѣпленный скоросшивателем, он увѣренно поджидал товарищей. Протокол засѣданія ячейки, дополнительных свѣдѣній Кисляковскаго, заявленій, объясненій и извиненій Перхотина. Наконец, резолюціи засѣданія ячейки и передачи в высшія инстанціи или, в худшем случаѣ, прекращеніе дѣла с заклеймленіем позором, выговором и предупрежденіем...

Коломейцева радовалась интересной работѣ и, тайно мечтая о славѣ, обдумывала возможности дальнѣйшаго продвиженія.

Тут-то и вошел Кисляковскій. Блѣдный и свѣтлоглазый, он потребовал донос обратно.

— Что ты бузишь? — удивилась на него Коломейцева. — Начал дѣло и, здрасте-пожалте, назад. А гдѣ гражданское мужество? Гдѣ пролетарская дисциплина?.. Вы, товарищ, буржуазныя штучки бросьте. Революція есть борьба. Закон борьбы: все на достиженіе цѣли. Большевицкая этика... И скажу тебѣ напрямик, Кисляковскій, этого еще мало. Мнѣ нужна дальнѣйшая помощь. У тебя сейчас нѣт нагрузки, — возьмись-ка, раскрой это дѣло. Имѣй в виду, что с уходом Перхотина освобождается мѣсто у Ванюковича. У тебя есть для него данныя. Обдумай и дай мнѣ завтра отвѣт.

Ушел Кисляковскій, а в сердцѣ так радостно стало, точно не то подсолнух огромный, не то цѣлое свѣтлое солнце в дальній путь ему просіяло.

V.

У Коломейцевой чорт не брат. Провела засѣданіе, да сама и пошла к Перхотину.

— Мнѣ, — говорит, — извѣстно. Покажи-ка ее сюда.

Посмотрѣл ей в глаза Перхотин и с улыбкой на стѣну указал:

— Что ты, слѣпая, что ли? Вот же Она висит!

Посмотрѣла Коломейцева на гравюру. Подошла. Еще посмотрѣла. Ну, довольно, снять и приложить к дѣлу.

Подняла только руку, а пальцы уж сами сложились. Осѣнила себя крестом, поклонилась и вышла в страхѣ.

А на доносѣ уж протокол лежал.

VI.

Пролежал протокол всю зиму. А весной пришла из райкома бумажка.

«По дѣлу Перхотина 27. III. назначается засѣданіе. Явка членов исполбюро обязательна. Секретарь райкома Блюменталь».

А на обратной сторонѣ карандашем приписка: «Тов. Коломейцеву прошу подготовить отчет о причинах задержки в дѣлѣ. Секр. райкома см. выше».

Хорошо, засѣданіе собралось. Сѣли. Закурили. Затянулись и приступили к дѣлу. Слово товарищу Коломейцевой.

Вот она, минута, — пришла.

— Коломейцева, начинай, пожалуйста. Нечего долго обдумывать, — все свои люди, не митинг.

Обдумывать! Все уж давно обдумано. Встала Коломейцева, хотѣла сказать:

— Товарищи! То, что мы здѣсь дѣлаем, — ужас. Наша борьба преступленіе. Наши идеалы — зло.

Товарищи! Если бы вам дано было читать в душѣ человѣческой, если-б вы знали, что было со мной в эти пять долгих мѣсяцев! Если-б знали мой стыд, мою боль, мои слезы... Отчаяніе безпредѣльное и муку неутолимую... Если-б слышали мои мольбы, видѣли бы мои поклоны, мои ночныя стоянія... На колѣнях, в пустой темнотѣ, в одиночествѣ неизреченном, в страхѣ, в тоскѣ несказанной. В одиночествѣ от людей, перед строгим ликом Ея.

Нѣт, нѣт. Не то, это я не то говорю. Если-б знали вы только, как осенью, в слякоть, в грязь, когда мокрый снѣг падает, падает и тут же тает, стыда земного прикрыть не в силах... Как я в тот день домой возвращалась. Во всем позорѣ моем... Что проститутка, не тѣло свое, душу живую для мрази земной предавшая... В мір Его дивный свой гнусный закон...

Нѣт, и не то, не то. Если-б только вы лик Ея видѣли... Видѣли-б, как на Него, на Младенца, Она взирает. Знали-б, как руки Ея дрожат, как сердце Ея трепещет. Знали-бы муку Ея материнскую, Его для Креста родившей... Если-б видѣли вы Младенца. Личико Его свѣтлое. Ликованіе Его дѣтское на цвѣты, на людей, на ангелов... Видѣли-б херувимов. Тѣх, что перья павлинія держат...

Нѣт, если-б свѣт Его видѣли.... Только свѣт от больших подсолнухов... И узнали бы крест Его страшный. Терновый вѣнец, и распятіе, и любовь, и муку живую.. «Отдай нам Варраву!», Пилата, и смерть, и толпу на Голгофѣ...

Хотѣла сказать Коломейцева, а взглянула и поняла, что Россія — толпа на Голгофѣ, а здѣсь, перед ней мудрецы, тѣ, что Іуду к Нему послали...

Взглянула и сказала только:

—Отчитываться мнѣ здѣсь не перед кѣм. От веденія дѣла Перхотина я отказываюсь. А тот, кто на себя это дѣло возьмет, сатанист и богоубійца!

Сѣла, взяла всѣ бумаги, сложила вчетверо и изорвала в клочки.

VII.

Разорванныя бумаги иногда возможно подклеить, а дѣло в Совѣтской Республикѣ не всегда возможно прекратить. Секретарь райкома Блюменталь польстился на званіе богоубійцы. Многообѣщающій протокол прикрыл изуродованных соратников. Пепельница, с лозунгом «Покупай в кооперативѣ», наполнилась изжеванными трупиками папирос. Трудолюбивое засѣданіе затянулось далеко за полночь. Рѣшеніе: Коломейцеву послать к психіатру, Блюменталю лично заняться дѣлом.

VIII.

Весна, весна! Московская волшебница-весна!

И зима собственно еще не кончилась, а всѣ уж почувствовали себя людьми: высовывают из окон перины, ходят по солнечным сторонам улиц, улыбаясь, разстегивают пальто, точно вовсе никогда не мерзли...

А в магазинах появляются валенки. Вешнія воды журчат в калошах...

Осознавшіе свои потребности коты каждую ночь устраивают революціи...

Безпризорные бѣгут на курорты, на встрѣчу им отвѣтственные работники...

Начинаются мечтанія о дачѣ, о любви, о костюмѣ, о славѣ...

Шел Блюменталь по улицѣ. Пѣл от радости Блюменталь.

Ах, весна, весна! Что ты дѣлаешь с секретарем райкома! Как сумѣла сдружить ты с лирой идейную его душу? Ах, весна, весна! Что ты дѣлаешь с секретарем райкома? Вертинскій, опролетаризованный Александр Вертинскій тает у него на устах:

Тихо тянутся тощія дроги,
Трудовой, пролетарскій обоз,
И нахально глядит на дорогу
Буржуазный мерзавец Христос...

Так с пѣсней и вступил в общежитіе. Вспомнил: «Так. Разрожденіе в-бога-матери, веселый, хи-хи, сюжетик».

Только дошел до двери, а перед ней Перхотин.

— Ну, здорово живешь, Перхотин. Покажи свою в-бога-матерь. Не вредный, хи-хи, сюжетик. Не позволишь ли посмотрѣть?

— Нѣт, не позволю. Да и в гости я тебя вродѣ не звал.

— Брось бузить. Неужели не звал? А я думал чайку напиться. Ну, да ладно, я, вѣдь, главное, ради гравюрки. Покажи мнѣ рисунок-то этот. Уж очень медицински интересуюсь: как это у ней, так сказать, небесными силами происходит.

— Тебѣ сказано раз, что не покажу. И, знаешь, я человѣк горячій, не можешь ли избавить от присутствія?

— Ай, ну, зачѣм же, видишь, весна на дворѣ, вот и настроеніе поднимается. Я понимаю. Не только, что рисовать, а и сам только бѣгаешь, ищешь, как бы гдѣ-нибудь «спасителя» задѣлать, хи-хи!

Нахмурил брови Перхотин:

— Эй, уйди до грѣха, Блюменталь!

Взглянул на него, да сверкнул глазами: видно, не все стерпѣть человѣку можно.

Запищал Блюменталь:

— Ах, так! Ну, тебѣ же хуже.

Поблѣднѣл и задом на улицу вышел.

А на улицѣ, только попал в толпу, задрожал вдруг всѣм тѣлом от страха.

В испугѣ поймал такси, да скорѣй на Лубянку, 14: «Ой, если здѣсь не спасут, тогда только бѣжать заграницу...»

IX.

На Лубянкѣ ребята стальные. Только ночи дождались, и марш. Сейчас пріѣхали: «Гдѣ тут гидра находится? Предъявите, гражданин ,документы. Пожалуйте в «чернаго ворона».

Гравюру вот только нашли не сразу, — очень уж, видно, в углу на стѣнѣ висѣла.

А увидали — обрадовались: «Вот она, гидра. Снимите, товарищ Желѣзный».

— Руки прочь! — подошел Перхотин. Взял Желѣзнаго товарища за ворот, одной рукой приподнял, другой поддержал, гдѣ надо, да и высадил за окно, как котенка...

А Стальной с испугу палить пустился. Семь зарядов, и все в Перхотина: «Караул! Возстаніе! Бунт!»

Рухнул Перхотин на пол, — прими, Боже, грѣшную душу.

X.

Чиста перед Богом кровь мучеников. Свѣтлой расплатой за смертную муку Сына к престолу Его возносится. В ужасѣ мрази земной росою сіяет пламенной...

Ангела свѣтлаго, вѣсть Ей благую принесшаго, Божья Матерь к слугѣ Своему послала.

Да умолил его чистый дух, только-что смерть пріявшаго, образ Ея пресвѣтлый крыльями заслонить своими.

И невидима стала Гравюра, неберома для рук нечистых...

Пришла послѣ за ней Коломейцева, понесла ее по Россіи, по безчисленным селам и градам, чтобы видѣли ее люди.

И трепещут людскія души. Воскресает живая вѣра.
И страданіем осмысленным наполняется вѣчная мѣра.
Озаряется Лик нетлѣнный. Прорастает тайное сѣмя.
Слышен Голос преображенный. Близок час. Наступает время.

Роман Редлих.

НА ЧЕРТѢ.

Февральская революція застала Олега Ивинскаго в Н-ском кадетском корпусѣ.

Как прекрасно врѣзались в памяти первыя свѣдѣнія, дошедшія о ней через высокія корпусныя стѣны!

Вошел в классное отдѣленіе, как обычно, на вечернія занятія, худенькій офицер-воспитатель, подполковник Бенедиктов. Кадеты сразу же обратили вниманіе на его озабоченно-сумрачный вид: ходит в проходах между классными партами и пристально вглядывается в лица своих питомцев.

Молчаніе нарушил страстный наблюдатель за фронтовыми дѣйствія, кадет Рѣзников 2-ой.

— Господин полковник, почему сегодня не получено «Русское Слово»?

Бенедиктов вздрогнул, точно опомнился от охвативших его тягостных размышленій, и сразу заговорил, обращаясь ко всѣм. По слухам, в столицах происходят большія народныя волненія, объявлено осадное положеніе, и вот уже вторыя сутки как нарушено желѣзнодорожное сообщеніе.

На другой день, утром, вмѣсто обычной пятнадцатиминутной прогулки, строевая рота была выстроена в своем ротном залѣ. Торопливыми шагами, не вошел, а скорѣе вбѣжал, директор корпуса и, забыв поздороваться, чего никогда с ним раньше не случалось, — взволнованно начал говорить о приблизившихся для Родины испытаніях. В Петроградѣ революція. Государь Император на фронтѣ. Военным, как всегда, необходимо помнить свой долг, быть честными воинами и защищать свою Родину и Царя.

— «Боже, Царя храни»! — крикнул он, обращаясь к кадетам, и в отвѣт из полутораста душ полились величественные звуки народнаго гимна.

В этот день на уроках Ивинскій не присутствовал, так как был назначен в наряд дежурным по лазарету; тотчас же послѣ команды «разойтись по классам» он пристегнул штык, взял фуражку и отправился в лазаретный покой.

Поздоровавшись с дежурным фельдшером, молодым кандидатом на классную должность, он обратил вниманіе, что обычно привѣтливый фельдшер как будто испытывает нѣкоторую неловкость и стѣсняется с ним разговаривать.

Не задерживаясь у него в дежурной комнатѣ, Ивинскій

направился в лазаретную библіотеку, но в дверях столкнулся с аптечным фельдшером, маленьким прыщавым унтер-офицером с лихо зачесанными вихрами на лбу.

Дѣлая вид, что совершенно не замѣчает дежурнаго кадета, он, в сторону как будто, бросает фразу:

— Чорт знает что, контроль какой-то учредили... Скажите, пожалуйста, дежурный по лазарету...

Задѣтый за живое, Ивинскій остановился и спокойно отвѣтил, что не его ума дѣло критиковать корпусныя правила.

В отвѣт на это из уст фармацевта безудержной рѣкой потекли шедевры революціоннаго краснорѣчія. Это был какой-то сплошной надрыв ущемленнаго самолюбія недоучки; смѣсь какого-то кухаркинаго задора с выбрыкиваніями сорвавшагося с привязи теленка, который, задрав хвост, вдруг, ни с того, ни с сего, начал носиться по двору, описывая в воздухѣ свои замысловатые четвероногіе пируэты.

Прыщавый кандидат не говорил, а выплевывал фразы без какого бы то ни было единства мысли или содержанія.

Это был не фонтан, а просто грязный ушат краснорѣчія.

Ивинскій поторопился уйти, чтобы поскорѣе избавиться от одновременно охватившаго его стыда и жалости, безграничной, искренней жалости к этому расхарахорившемуся маленькому человѣчку.

Во время обѣда в лазарет вошел дежурный по корпусу, просил быть внимательным и немедленно сообщать о всякаго рода случайностях, могущих произойти в связи с совершающимися в городѣ событіями.

В чем заключались послѣднія, Ивинскій никак не мог добиться.

Однако, вопреки предостереженію, день прошел спокойно и, когда послѣ вечерняго чая Олег возвратился к себѣ в роту, там его ожидал цѣлый ворох всякаго рода извѣстій.

Строго говоря, о революціи, как о нѣкотором государственном событіи, почти ничего не говорили; всѣ новости и свѣдѣнія касались исключительно наблюденій за офицерской и преподавательской средой, — как и кто из них реагирует на разворачивающіяся событія.

Но самым обидным в этот день было то обстоятельство, что никто из руководителей не мог ничего сказать сколько-нибудь удовлетворявшее их желанія разобраться в происходящем. Одни вдруг сразу как-то поглупѣли, обезличились, другіе — наоборот, стали выглядѣть по меньшей мѣрѣ китайскими мандаринами...

— Что такое революція?

— Бунт черни.

— Но почему же пугачевскій бунт не называли революціей?

— Потому что в нем не принимали участія рабочіе...

— Нѣт, принимали: например, Бѣлорѣцкій завод...

Так пытался неудачно разъяснить строевой офицер....

Но вот отвѣт доцента Дерптскаго Университета, волею войны попавшаго в корпус в качествѣ преподавателя космографіи:

— Революція — прогресс человѣческаго разума.

По поводу подобнаго опредѣленія в подпольном кадетском журналѣ было выражено опасеніе, чтобы господин Параллакс (так было прозвище почтеннаго космографа) не кончил счетов с земной юдолью при помощи... прогрессивнаго паралича.

Но не болѣе понятными и не менѣе многосложными были и другія поясненія со стороны новоиспеченных корпусных революціонеров:

— Неизбѣжное и необходимое зло... подобно войнѣ...

— Справедливое возмездіе народа...

— Жизненная энергія страны...

А окончившій по второму разряду Академію Генеральнаго Штаба подполковник Бославскій, между прочим, с первых дней революціи поторопившійся украсить свою грудь красным бантом, не задумываясь опредѣлил:

— Революція есть свобода, равенство и братство.

Подпольный журнал резюмировал: не сложно, но мало понятно — абракадабра XX-го вѣка.

Манэ... Тэкэл... Фарес...

Революція ширилась.

Отреченіе Государя Императора и послѣдовавшая за ним присяга Временному правительству, в особенности поспѣшность ея, вызвала брезгливое чувство среди кадет.

Из всѣх корпусных командиров только один отказался принести присягу, заявив, что он не имѣет права, как воин и гражданин, 30 лѣт воспитывавшій и подготовлявшій Царю и Родинѣ вѣрным сынов.

Кадеты приняли это, как примѣр истинной доблести и гражданскаго мужества, педагогическій же персонал, не исключая и офицеров, не только осудил, но и крайне возмутился дерзким поступком своего коллеги.

Это — первый водораздѣл между персоналом и кадетами.

День памяти жертв революціи в Н-скѣ ознаменовался всеобщим городским торжеством — по городу должны были дефилировать соорганизованныя массы рабочих и воспитанников средне-учебных заведеній.

День второй революціоннаго календаря — памятен для кадет.

И памятен он был по многим причинам, в особенности же из-за всеобщаго корпуснаго совѣщанія, в котором наряду с начальством на равных основаніях приняли участіе и кадеты строевой роты, причем голос их оказался рѣшающим.

Дѣло в том, что по постановленію городского комитета празднеств корпус должен был принять участіе в организуемых торжествах — об отказѣ не могло быть и рѣчи; возник вопрос — как быть, брать с собою красный флаг или нѣт?

Большинство офицеров, в угоду комитету низших служащих, успѣвшему организоваться под водительством аптечнаго фельдшера, настаивали на красных знаменах; другіе же, глубоко презиравшіе в душѣ все совершавшееся, сохраняли благоразумное молчаніе. Зато кадеты в категорической формѣ заявили, что ни красных флагов, ни алых розеток не возьмут и не надѣнут — ни под каким видом.

Трудно сказать, чѣм была вызвана эта категоричность их отказа.

Пожалуй, больше всего презрѣніем к растерянности своих руководителей.

Как бы то ни было, но разумѣется — никто из них толком не мог себѣ уяснить ,что такое революція; всеобщее ликованіе народной массы проникло и за стѣны корпуса и, больше того, нервной волной прошлось по молодым сердцам, но одновременно этот трепет всеобщаго веселья рождал какую-то глубокую обиду и страх.

За что? — За все. За трусость, за лицемѣріе, за растерянность тѣх, кто так недавно безоговорочно вѣрил, учил и всячески выявлял свою непоколебимость.

С другой стороны, наростало какое-то смутное, подсознательное чувство безпокойства.

Обида искала выхода — жертвы для своего оправданія и удовлетворенія ,память услужливо возстанавливала мелочи быта: год тому назад, шептал микроб революціи, ротный командир на боевой стрѣльбѣ в тирѣ ударил по лицу горниста-солдата за то, что тот ошибся подачей сигнала, а вот сейчас этот бравый полковник нацѣпил во всю ширь богатырской груди красный бант и по-пріятельски пожимает руки всѣм ротным служителям...

(Продолженіе слѣдует). Эсвен.

РОЖДЕНІЕ ДОКТРИНЫ.

I.

Современнику обычно очень трудно судить о событіях, проходящих перед его взором.

«Можно многое не сознавать, а лишь чувствовать. Можно очень много знать безсознательно» — говорил Достоевскій. («Дневник Писателя» за 1873 год).

«Спросите какого угодно психолога, и он объяснит Вам, что если вообразить прошедшее событіе, а особенно давно прошедшее, завершенное, историческое, — то событіе непремѣнно представится в законченном видѣ, т. е. с прибавкой всего послѣдующаго его развитія, еще и не происходившаго в тот именно историческій момент». Достоевскій. (Там же).

Текущія событія исторически незакончены. И если современник наш, отмѣчающій объективно, как лѣтописец, поток современных явленій, не вырвется из круга «сознательнаго знанія», то ему грозит опасность — перед судом исторіи — оказаться глухим и слѣпым.

Он, конечно, отмѣтит в своем дневникѣ и паденія звѣзд, и землетрясенія, и голод, и войны, и революціи, в особенности «міровыя». Но он может не замѣтить всего того, что окрашивает по-новому эпоху, того, что именно создает новую грань исторіи.

Г р а н ь эта — чисто психологическая: все тѣ же явленія, только иначе окрашены... То же небо, тот же пейзаж: но их облик зависит от угла освѣщенія, т. е. зависит от освѣщающаго их взгляда души.

Событія нынѣ иначе оцвѣчиваются.
Они проходят сквозь иную призму...

Человѣк стал иначе судить...
Что-то измѣнилось в человѣкѣ...
Новый человѣк знаменует собой новую эпоху.

И эти измѣненія, это «новое» выражается в новом же мiроощущенiи, в поисках новой доктрины.

Да, было отчего за эти годы измѣниться и мiровоззрѣнію! Не тѣ времена, когда могла мирно вызрѣвать и нормально развиваться общественная доктрина! Эпоху нашу ея современники опредѣляли весьма различно, но по существу однородно. Что же произошло в дѣйствительности? Одни называли событія, положившія начало нашему времени, солдатским бунтом, другіе — «политической», третьи — «соціальной» революціей. Одни ограничивали эти явленія территоріей Россiи, другіе видѣли в них двигатель перманентных мiровых потрясенiй. П. Б. Струве в «Русской Мысли» (1922 год) говорил о величайшем, не только политическом, экономическом или соціальном, но и о кризисѣ національной стихiи. В этих событіях видѣли революціонное крушеніе, которое, быть может, ярче и правильнѣе всего было окрещено «геологическим переворотом».

Особенно интересно уже позже высказанное («Костер», 1936 г., № 2): «В 1917 г. все было проиграно из-за того, что ни лѣвые, ни правые руководящіе политическіе слои равно не поняли ни смысла нашего вѣка, ни психологiи революцiи. Произошла «мiровая революція». Но не политическая, не соціальная, а психологическая революція...»

Дѣйствительно, мы уже с 1917 г. перешли в эпоху катаклизмов: изверженная, расплавленная лава своею тяжестью и своим стремленіем погнула всѣ устои. Часть зданiй обвалилась, не выдержав напора. Но часть стоит в обломках, — и искажен, — и это главное, — до неузнаваемости, самый замысел архитектора, воздвигавшаго эти зданія. Этот шквал отразился в каждой душѣ, и, дѣйствительно, тогда наиболѣе сильная и глубокая революція была революціей психологической — революціей в человѣческих душах.

Потому подорваны самыя вѣрованія — «общественные идеалы», потому особенно глубоки трещины прежних мiровоззрѣнiй.

Идеологія до 1917 года — стала идеологіей времен Очакова и покоренія Крыма... Она болѣе никого заразить не

может и фактически не заражает никого, тѣм болѣе молодых и активных. Это уже «музейная» доктрина относительной цѣнности, музеев, гдѣ собраны идолы и фетиши давно ушедших времен. И мы, сторонники прогресса, счастливы, что эти экспонаты мысли XIX вѣка покоятся уже на полках музеев, и болѣе не способны тревожить умы и души.

Демосоціалистическій динамизм стал равен нулю, и то, что, с натяжкою, еще недавно, в эпоху «безвременья», могло казаться дѣйствующим, — за эти годы получило свое упокоеніе в каталогах современных кунсткамер: соціалисты-революціонерв от героических дней «Народной Воли» докатились до темных и позорных дней Учредительнаго Собранія, когда один матрос свел в могилу «революціонную демократію», повторявшую совѣтскіе зады. Тогда же русскій либерализм не мог противостоять натиску большевицкой стихіи.

Так растаяла — в болотах грязи — идея... Грязь была непролазная, темная, какой не сыщешь на самых узких, самых непроходимых переулках столь ненавистнаго средневѣковья.

Идеологія эта подрывала и рушила государства. Не говоря уже о Россіи, достаточно примѣра: высочайшій образец демогосударственности — масариковско - бенешевская Чехія — рухнула и погибла в нѣсколько осенних дней... Ею же была уничтожена и идея международной справедливости, международнаго арбитража, провозглашенная в Гаагском трибуналѣ и сведенная на-нѣт в — вавилонскаго стиля — Лигѣ Націй.

Рушились не только государства и учрежденія, коснувшіяся тлетворнаго духа. Все содержаніе, всѣ глубочайшіе принципы прежняго идеала, разлагались на атомы и из когда-то живых обращались в прах.

Основаніе прежней доктрины было вырвано большевиками у демосоціалистов и доведено до логическаго тупика их идеала. «Как соціалисту, Бѣлинскому п р е ж д е в с е г о слѣдовало низложить христіанство. Он знал, что революція н е п р е м ѣ н н о должна начинать с атеизма». С атеизма и начала доктрина XIX вѣка и, увидав, что «сильнѣе звѣря», чѣм большевики, нѣт, сдала ему свои позиціи и подчинилась ему. Проповѣдовать атеизм чуть-ли не в теченіе вѣка и возмущаться потом Емельяном Ярославским — нелѣпость ума и сердца!

Всѣ слагаемыя прежняго міровоззрѣнія: интернаціона-

лизм, соціализм, все «лѣвое», условныя настроенія и тенденція подчинились дѣйственной струѣ, исходившей от истинных реализаторов вскрывших несостоятельность их сокровенных мечтаній.

Практическія воплощенія этого духа? Парламент, столь жизненный в Англіи? Но правильно говорит Салазар: «Одной из больших ошибок XIX вѣка было представленіе, будто и англійскій парламентаризм, и англійская демократія способны приспособиться ко всѣм европейским народам». «Всюду, кромѣ Швейцаріи и скандинавских стран, — продолжает Салазар, — она превратилась во владычество партій над истинной націей».

Соціализм же оказался вездѣ нежизненным. В наши дни доказывать этого уже не нужно.

Все это доктрины неорганическія, да и вообще, можно ли назвать это — доктринами?

«Хлѣба и зрѣлищ» — вѣдь не доктрина! Не хлѣбом единым, не только зрѣлищами, жив человѣк!

Как ни парадоксально покажется на первый взгляд, но:

доктрина соціалистов — не соціальна.

а доктрина демократов — не народна.

И обратно:

народны — доктрины, построенныя на антидемократическом идеалѣ,

соціальны — воззрѣнія, исходящія из противосоціалистической идеи.

На дѣлѣ: «демократіи» не сдѣлали для народа того, что сдѣлали «не демократическіе режимы». «Либеральныя» правленія не охраняли общественных свобод. Мы — антилибералы — потому, что хотим обезпечить свободы, которых лишил нас либерализм. Мы — анти-демократы — потому что «демократія», говорившая о том, что представляет народ, вспоминала о нем лишь в дни выборов: «Мы же хотим поднять народ и вырвать его из рабства плутократіи...» (Салазар).

Большевики же — крайнее выраженіе противосоціальнаго, противонароднаго противоестественнаго эксперимента над народным, соціальным, человѣческим организмом. Прежнее «крѣпостничество Герцена» (слова Достоевскаго) родило современный стахановско-колхозный,

коммунистическій крѣпостной строй Сталина.

Из головастиков демосоціализма родилась жаба....

Не это странно! А странно то, что нѣкоторые «прогрессивные» умы были столь наивны, что воображали, что из головастиков рождаются бабочки!

Искусственно выращиваемая в теплицах псевдо-либерализма (как называл его Достоевскій), прежняя идеологія зачахла, когда над Россіей подул суровый вѣтер 1917 года. И в Европѣ остались от нея бурые стволы и опавшая листва. Умерли не только идеи политическія, но распались и сгнили самыя основы их. «В планѣ философическом (Салазар) либерализм — противорѣчіе, будучи просто ложью в планѣ политическом».

Умер не только соціализм, подчинившій себѣ остальныя воззрѣнія. Изжиты не только демократическіе «идеалы». Подорвана философская мысль, лежащая в их основаніи. Создался клубок логических и философских противорѣчій. — Клубок этот — клубок аморальности.

Распутать этот клубок — Достоевскій предчувствовал это — в плоскости разума нельзя: выхода из этих противорѣчій разуму нѣт.

Эти противорѣчія умирают только пред мыслью, рожденной сердцем, преодолѣть можно их в плоскости только нравственной.

Умирает духовное, аморальное крѣпостничество Герценов, и отмирает то, что произошло от него, — разрыв с родной землей и с ея идеалами. Отцы этих внѣ-національных идей так и «родились эмигрантами» (Достоевскій). «Они всѣ, ему (Герцену) подобные, так и рождались у нас эмигрантами, хотя большинство их и не выѣзжало из Россіи». И Достоевскій продолжает: «Истлѣли послѣдніе корни, расшатались послѣднія связи с русской почвой и с **русской правдой».**

Гордая доктрина, нѣкогда смѣло шедшая на завоеваніе міра, «пред кѣм дышать едва лишь смѣли» — нынѣ прах.

За нѣкоторою гранью — все пусто. «Пустое ничто». За этим предѣлом, —от соленой соли остались лишь бѣлесые кристаллы, без вкуса, без силы, без запаха. Мертвые камни!

Русская правда отлетѣла от них...

И в пустой ночи 1917 года бродили одни призраки. Их тогда принимали за реальность.

Этим воздухом больной фантастики досель еще дышат и живут: и все рухнувшее «правое» ,и весь погибающій «лѣвый» мір.

Ими владѣют только привидѣнія и призраки...

II.

«Еле на ногах стоит человѣк»... Этим блоковским образом обрывается одна грань смутной эпохи русской исторіи XX вѣка.

А началом новой эпохи ,гранью между наклонной плоскостью 1917 года и грядущим подъемом, является тот момент, тот день, когда «еле на ногах стоящій» человѣк, колеблемый бурею, отказывается подчиниться ея вѣянію.

— Когда он стоит на ногах не потому, что его еще не свалил вѣтер, а потому, что он уже стоять хочет.

Хочет стоять! Хочет стоять крѣпко! Не на зыбкой почвѣ. Хочет двигаться и жить! В этом психологическая революція наших дней. Начинается сопротивленіе, борьба со смертью...

На новую, трудную дорогу из прошлаго, из общественных идеалов вчерашняго дня, ему взять со собой — нечего, ибо от них осталась лишь горькая пыль.

Когда больной ,послѣ долгой и опасной болѣзни, впервые встает — под ногами его колеблется почва. Но этот колеблющійся мір — нов; ново — острое ощущеніе вновь обрѣтенной жизни, стремленіе — никогда болѣе не болѣть.

Складывается простое міровоззрѣніе: здоровье ощуща-

ется, как благо; жажда жить растет, обостряется инстинкт жизни.

Тот, кто сам заглянул в бездну, кто увидѣл шевелящійся на днѣ ея хаос, тому ясна уже гибельность отмирающих идей. А кто пытался, чтоб не упасть, удержаться за перила прежних идеологій, тот остро ощутил их шатаніе, их несуществованіе, их мнимость.

Эта острота — лежит в основѣ новых воззрѣній.

Однако, без претворенія этих ощущеній в доктрину не может быть мыслимо истинное оздоровленіе и сопротивленіе старому міру. И новая государственность мыслится и создается только на основѣ идеологической.

Она, говорит Салазар, принимает и защищает доктрину.

Утвержденіе и оборона идеологіи является характернѣйшей чертой современности.

Прежде «идеологія» и «доктрина» были монополіей «общественности», оппозицій, «лѣваго» лагеря. Государство же считало доктрину излишней, чѣм-то второстепенным и подчиненным. А когда заколебалась земля, государства без доктрины не выдержали ударов. Будущее — требует принятія и защиты идеи.

«Без цѣли», пишет проф. И. А. Ильин, «и без идеи Россію не спасешь. Необходима идея. Идея долгаго, волевого дыханія. И созданіе этой идеи лежит на нас... Нельзя отрывать тактику от программы, а программу от идеи. Мы должны заранѣе, теперь же понять, что несет с собой безидейная реакція....».

Свершилась идейная революція, и новая государственность создает свою доктрину.

Не в тиши кабинетов родилась она, а в смертельной тревогѣ и борьбѣ. Она родилась естественно.

Опытный садовник, — говорил Гете, — видит в побѣгах молодого кустика — и будущее его цвѣтеніе, и будущіе его плоды.

Современная живая доктрина исходит из естественнаго

человѣческаго порыва, она сильна страхом испытанной смерти и жаждой жизни. И опытный садовник — политик — может предвидѣть заранѣе ея тусклое или буйное цвѣтеніе, ея безплодіе ,или богатство ея урожая.

В эмиграціи была сдѣлана попытка созданія идеологіи, и попытка эта закончилась провалом.

Весьма удачно П. Б. Струве объединил под одним названіем «гибридных форм идеологіи» два безплодных теченія: націонал-большевизм и евразійство *), как доктрины, пытавшіяся найти общее между двумя несовмѣстимыми потоками мысли.

В статьѣ же бывшаго евразійца Г. В. Флоровскаго «Соврем. Зап.» № 34) отмѣчены основныя черты «евразійскаго соблазна» порочности этого идейнаго опыта, и проанализированы достаточно полно причины его крушенія. Г. В. Флоровскій вполнѣ правильно замѣчает, что евразійство развивалось «по старой интеллигентской манерѣ».

«Сложную и трудную задачу религіозно-творческаго возрожденія евразійцы размѣняли на суемудріе идеологических упражненій».

«В евразійствѣ снова оживает худшая и самая опасная черта старой интеллигентской психологіи — дѣлить все на «правое» и на «лѣвое», под новыми обозначеніями «старое» и «новое».

Хотя в этой фразѣ сам Г. В. Флоровскій (по недосмотру?) употребляет слово «старый» («старая интеллигентская психологія»), несмотря на эту логическую неувязку, мысль его о евразійствѣ, как об идеологіи «стараго» пошиба — сужденіе правильное и трудно опровержимое. У евразійцев «психологическій тип — остается прежним», евразійство есть послѣднее интеллигентское направленіе, совмѣщающее в себѣ всѣ прежніе пороки».

Для нас евразійство интересно потому, что на опытѣ показывает, какая доктрина жить не может.

Евразійство, дѣйствительно, плоть от плоти того стараго духа, порожденіем которого явился большевизм.

Всякая доктрина «гибридная», которая не оторвется от стараго, которая сохраняет еще какія-то нити с прошлым идеалом, обречена на засыханіе, на проклятую гибель.

Демо-соціализм не отрекся от большевизма! Наоборот, он связан и связывает и теперь свою судьбу с ним.

---

*) Младороссы доктрины не создали, но «гибридность» их помыслов ясна; достаточно прочитать в сборникѣ «К Молодой Россіи» (1928 г.!): «не ясно ли, что большевики держатся у власти не против воли націи, а с ея согласія!...».

Он сдѣлал свой выбор. Судьба его потому связана с судьбой большевизма. Он погибнет вмѣстѣ с ним.

Выживет «новое»... «Новое»? Как боятся этого слова! Однако, вопрос этот чисто психологическій: «новы» и древнія, в вѣках оправданныя мысли. «Стары» — и воззрѣнія недавно родившіяся. Новое — то, что преодолѣвает и преодолѣет умирающее, старое: большевизм и братьев его.

Цѣпь высказываній И. А. Ильина резюмирует этот вопрос:

— «Нам нужна новая постановка и новое разрѣшеніе все тѣх же вѣчных проблем, но из новаго, національно-трагическаго опыта исторіи...

— Мы должны готовить не реставрацію, а новую Россію.

— Нѣт больше былой Россіи. Нѣт ея и не будет. Будет новая Россія. Попрежнему Россія, но не прежняя.

— Новое цѣнно не новизною своею, а цѣлительной вѣрностью.

— Наивно думать, что кто-то другой откроет и выговорит идею Новой Россіи...

— Возродить Россію может только новая идея. Ее могут возсоздать только обновленныя души.

— И кто хочет жить старыми, отжившими трафаретами — тот не имѣет ничего сказать міру! Новое же добывается лишь через духовный опыт и творческое созерцаніе...

— Ибо тѣ новыя идеи, и новыя слова, которыя необходимы Новой Россіи, будут, вѣроятно, лишь вновь открытою, но зато по-новому постигнутой древнею мудростью...»

Новое міровоззрѣніе может быть жизненно лишь постолько, посколько оно смѣло отречется от вчерашняго дня, от того дня, когда над умами властвовали и когда побѣдили теперь уже побѣжденныя воззрѣнія.

И новая доктрина, т. е., прежде всего, осознаніе органически необходимаго, логически претвореннаго в жизнь,

может родиться тогда, и тогда только, когда готова почва.

Когда перегнили всѣ прежнія идеологіи, когда истлѣвшій их прах образовал новую землю.

III.

«Національное» — «національизм» — есть единственное лекарство для міра «духовно больного» и единственное противоядіе от идейнаго отравленія; лишь степенью осознанія національнаго опредѣляется жизненность міровоззрѣнія. «Національное» лежит в основѣ всякаго народнаго оздоровительнаго порыва, не претворяясь часто еще в чеканную доктрину:

«Можно многое не сознавать, а лишь чувствовать. Можно очень много знать безсознательно»...

В самом понятіи — «нація» заложено столько органическаго, здороваго, что через пріятіе національнаго міроощущенія народ страхуется от болѣзней общественнаго тѣла.

Самой идеей «націи» преодолѣвается всякій матеріализм, через «націю» происходит освобожденіе от пут матеріальной мысли и облегчается расцвѣт народнаго творческаго духа.

Понятіе «нація» — многіе пытались опредѣлить: уже Л. Тихомиров (т. III) видѣл в націи «общество с установившейся внутренней логикой развитія», «с извѣстной преемственной традиціей — с тѣм, что и составляет д у х н а р о д а» и указывал на «с о л и д а р н о с т ь» отдѣльных поколѣній в ц ѣ л о с т н о й жизни націи».

Нація и есть объединеніе людей в неразрывное цѣлое, гдѣ неразрывность основана на общности не только экономических или государственных интересов, но и на единствѣ культурных, духовных цѣнностей — на единствѣ историческаго прошлаго и устремленія в будущее.

«Національизм» опредѣлить труднѣе. Это, вѣдь, новый облик живого развивающагося міровоззрѣнія. Ш. Моррас («Политическія идеи») подчеркивает, как и всѣ новые по духу мыслители, необходимость положительной доктрины — ф и л о с о ф і и н а ц і о н а л и з м а.

Для опредѣленія національзма, он так разграничивает его от патріотизма:

«Эти два слова и этимологически, и смыслом своим, и прошлым своим, имѣют совершенно различное значеніе».

«Патріотизм — уваженіе к землѣ народа, к землѣ предков». Патріотизм рождает національзм, но національзм имѣет иной, болѣе широкій и глубокій смысл; он затрагивает не только матеріальное наслѣдство предков, но и их моральное наслѣдство, их духовное достояніе.

«Патріотизм требует защиты государственных границ. Національзм же должен защищать всѣ сокровища націи, даже тогда, когда нѣт угрозы извнѣ, даже когда нѣт физической, матеріальной угрозы родной землѣ».

Поэтому вполнѣ современно опредѣленіе національзма, как осознаннаго и естественнаго ощущенія принадлежности к націи, и не только принадлежности к ней: в древнем, прежде не столь еще осознанном понятіи, выросшем, расцвѣтшем послѣ бурь наших дней, наполнившемся новым содержаніем, — кроется безусловное требованіе — служенія націи.

Подлинный національзм — есть служеніе.

Служеніе родной землѣ — древне-русская идея. Служеніе — не только государству, не только племени, расѣ или «народу», а вѣчным и высшим цѣнностям, идеям духовным и соціальным, «націю» создающим, «націю» ведущим, и от «націи» неотдѣлимых.

В этом реальном, воплощенном россійской исторіей в дѣйствительность, стремленіи «служить землѣ» — намѣчается преемственность с грядущим воплощеніем новых идей россійскаго, національнаго служенія.

Ибо, прав еще раз И. А. Ильин: «службу» надобно превратить в «служеніе». «Національзм есть воля к творческому расцвѣту — народа, в земных дѣлах и небесных свершеніях». «Національзм» — есть система поступков, вытекающих из любви и вѣры, из этой воли и — этого созерцанія». (И. А. Ильин).

«Система поступков» в лучшем выраженіи своем — есть служеніе. Національзм — дѣйствительно, — служеніе націи.

Служеніе это неотдѣлимо от ощущенія, сознанія, испо-

вѣданія *Правды*. Національное служеніе есть *осуществленіе* осознанной *правды*.

Русская истина — корни которой «истлѣли» в темныя времена XIX вѣка, связь которой и с властью, и с «интеллигенціей» была расшатана — обрѣтена *вновь* новыми поколѣніями — в Россійской трагедіи.

Всѣ «крѣпостники», всѣ слѣпые и глухіе, всѣ не понявшіе сути психологической революціи этих лѣт — не могут понять и того, что рождающійся національизм россійскій — есть выявленіе самой сути народной стихіи, оформленіе ея духовнаго *строя*, ощущеніе, и осуществленіе ея «*мечты*» — *правды россійской*.

Россійскій новый, обновленный національизм — національизм *соціальный* и *имперскій*. «Правда» россійская лежит в основѣ исторической, традиціонной и органической Россійской доктрины, рожденной в глухіе годы и долженствующей неудержимо развиться в грядущіе дни возрожденія національной стихіи.

Потому соціальное содержаніе нашего національизма превысит, как и прежде, политическую его оболочку.

Національизм Россійскій по преимуществу — *соціальный* національизм, связывающій «служеніе» с «правдой».

И сила величія и отличія Россійской имперіи вовсе не в том (как матеріалистически думали евразійцы), что существует особый склад «русской равнины»; не в «материкѣ» дѣло, а в духовной стати, в духовной напряженной направленности строителей этой имперіи, строивших ее не ради одного строенія, а *правды ради*.

И не географическими условіями спаяно единство народов имперіи, а пріобщеніем их к иного порядка, не-матеріальнаго, двигателю — пріобщеніем к моральной и соціальной *мечтѣ*, провозглашенной народом Русским.

Мечта, созданная народом Русским, — стала мечтой всѣх Россійских народов.

Спаянная идеей, Россійская имперія — не пустой звук, не формальное объединеніе, не юридическая федерація, а особый организм, гдѣ в слушаніи имперских пѣсен Пушкина сочетаются и русскій, и татарин, и калмык, поющій каждый на своем языкѣ, — свою пѣснь и хранящій, каждый, свою вѣру и правду. Но от запада до востока, от Ледовитаго океана до южных границ, всюду было живо и живо будет ощущеніе принадлежности к единым, общим поискам правды. Всѣ народы, «всѣ языки» — связаны не только землею, а служеніем правдѣ.

Имперскій, Россійскій націонализм — соціален. Соціальность эта не отраженіе экономических факторов, а — требованіе идеалистической нравственности, взращенной религией. Соціальность эта — преобладаніе над повседневной заботой — идеи общественной и Божьей Правды.

И культурный, религіозный мір, мір христіанской культуры, не может, если не отречется от себя, не признать, что этою своею соціальной сутью, своим имперским и національным содержаніем, новая россійская мысль возвышается — несоизмѣримо — над аморальным, противокультурным, арелигіозным и антихристіанским демо-большевицким варварством, пытающимся вернуть мір к временам, не только «средневѣковья», но к крѣпостничеству, к рабовладѣльчеству первобытнаго дикарства.

Таковы элементы и движущія силы новой доктрины, имѣющей родиться и рождающейся в бурные дни.

Хрупкое и ложное зданіе «старой» мысли раздроблено. Выкованы новыя основы:

в душах отстаивается новое міровоззрѣніе, рождается новая доктрина: россійская, имперская, соціальная, живые корни которой, в глубинѣ душ, в их религіозном строеніи.

И. Я. Савич.

ОБЛИКИ РУССКАГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА.

I. Интеллигенція начала XX вѣка.

В настоящее время уже прочно установились два обособленных значенія понятія «семья»: 1) как бытовой (органической) единицы, и 2) как общественной или соціальной величины.

Первыя образуют многовѣковую твердь народов и націй; вторыя, составляя собой общества, выявляют временныя духовныя настроенія одного или нѣскольких слоев народа или націи в опредѣленный промежуток исторіи.

Цѣлью настоящей главы является попытка установить общественный облик большей части русской интеллигентной «семьи» начала XX-го столѣтія.

Без особой погрѣшности можно утверждать, что главной руководящей идеей этой среды являлся парламентаризм, который, — да не будет звучать это парадоксом, — оставил историческій слѣд, т. е. осязаемый результат их духовнаго труда, в видѣ воцарившагося в Россіи большевизма.

«Так иногда в томительной пустынѣ
Мы видим образы далеких, чудных стран,
Но это только призраки, и снова небо сине,
И вдаль бредет усталый караван»...

Да, караван русскаго интеллигентнаго общества начала XX-го столѣтія создал себѣ не только иллюзію — мираж далеких чудных стран, но и пустыню, и синее небо, ибо бродил он по богатой и роскошной Россійской равнинѣ, невѣдомо зачѣм утомляя себя безцѣльным скитаніем и чаяніем «обрѣсти, наконец, неотцвѣтающій сад», в то время, как в Россіи назрѣвала буря.

Было бы по меньшей мѣрѣ несерьезно слагать всю вину за совершившееся в Россіи на одну только интеллигенцію, но можно с увѣренностью утверждать, что именно она в лицѣ своих передовых представителей была и повивальной бабкой, и кормилицей, и крестной матерью, и воспитательницей большевизма.

Большинство представителей того періода интеллиген-

ціи для опредѣленія собственнаго духовнаго содержанія (своего рода политическая родословная), поясняла: «Я,— имя рек, — принадлежу к семидесятникам» или к восьмидесятникам, или и к тѣм, и к другим сразу ,как, например, пишет П. Н. Милюков:

«Я был моложе семидесятников, но старше восьми и девяти-десятников»... или, иначе говоря, — «я опредѣлил свое положеніе между народниками и марксистами». («Русскія Записки», XI, ноябрь 1938 г., «Роковые годы»).

Кто такіе семидесятники, вполнѣ опредѣляет эс-эр В. А. Мякотин:

«Ярким воплощеніем настроенія русской молодежи семидесятых годов явился знаменитый кружок «чайковцев». (В. А. Мякотин. «Памяти ушедших», «Голос Минувшаго на чужой сторонѣ», № 4, 1926 г.).

И в той же статьѣ он рисует фигуру Н. В. Чайковскаго, который «духовный выход из своих сомнѣній находил в ученіи богочеловѣчества», а реальное его проявленіе было — «признаніе насилія против власти» и сбор матеріальных средств в Америкѣ для этой цѣли.

Кн. Е. Трубецкой в своих воспоминаніях («Русская Мысль», март-апрѣль 1921 г.) дает характеристику восьмидесятых годов, как «отрицаніе всѣх вѣковых устоев русской жизни, вѣры отцов и традиціонных устоев государственнаго бытія», которое «вылилось в практическую форму террористических покушеній».

Вот геркулесовы столбы, от коих, по собственному своему признанію, начинали свое духовное странствіе русскіе парламентаріи.

Итак, к девятисотым годам русская передовая интеллигенція еще не представляла собой строгой политической оформленности: прежде всего, отсутствовала партійная ортодоксальность, затѣм — не было ни единства мысли, ни ясной цѣли, хотя весьма смутно уже намѣчались идеологическія склонности.

Одна часть считала себя носительницей традицій народничества, которое, главным образом, выражалось в признаніи своим духовным вождем и бурным почитаніем стараго народовольца Н. Ф. Анненскаго. Слѣдует также отмѣтить, что заправляли здѣсь соціалисты-революціонеры во главѣ с В. А. Мякотиным.

Другіе именовали себя экономистами, увлекались закономѣрностью исторіи и превозносили превыше всего коллективную волю масс.

И тѣ, и другіе опредѣляли своей главной задачей, по

выраженію Милюкова, «сотрудничество интеллигенціи в едином революціонном процессѣ», а объектом своих чаяній обѣ группы считали русскій народ.

Для встрѣч и бесѣд народники облюбовали себѣ зданіе Литературнаго Фонда (Общество для пособія нуждающимся литераторам и ученым, основанное в Петербургѣ в 1859 г.), а отраженіем своих мыслей и вѣрованій считали журнал «Русское Богатство», кстати сказать, имѣвшій в рядах своих сотрудников немалое количество соціал-демократов.

Экономисты обосновались в зданіи Вольно-Экономическаго Общества (учрежденнаго при Екатеринѣ Великой) и признавали своим журналом «Новое Слово» под редакціей П. Б. Струве.

Насколько подобное подраздѣленіе было поверхностно, можно судить хотя бы из того обстоятельства, что признанный вождь народников, Н. Ф. Анненскій, руководил в то же время одной из групп экономистов.

Подобная внутренняя безпринципность среди передовой интеллигенціи в тѣ времена являлась весьма характерной особенностью.

Один из ея ярких представителей, П. Н. Милюков, в своих воспоминаніях (уже ранѣе цитируемая статья — «Роковые годы») говорит:

«Я был признан своим в обоих центрах легально-общественнаго движенія».

Кстати, своеобразно было и пониманіе слова «легально»: предсѣдательствуя на одном из легальных собраній того времени, «Милюков дал понять, что нанесеніе ударов, расшатывающих правительство, старыми, испытанными народовольческими средствами, встрѣтило бы с его стороны самое сочувственное отношеніе». (В. Чернов, «Воспоминанія», т. I.).

Как на другой образчик умственнаго соціально-политическаго шатанія можно указать на В. Чернова, исповѣдывавшаго идеологію соціалистов-революціонеров и одновременно заявлявшаго, что «в политической экономіи он — марксист».

«Умѣренный» юрист, Н. В. Тесленко, также называл себя народовольцем, что являлось «легальным» термином для обозначенія своей политической принадлежности к соціалистам-революціонерам.

Однако, в послѣднем случаѣ, украшеніе себя романтическими доспѣхами революціонера-террориста уже указывает на царившія среди тогдашней интеллигенціи своего рода правила приличія, ну, что ли, вродѣ англійскаго признака

хорошаго тона быть, гдѣ положено, во фракѣ или смокингѣ.

Другими словами — неприлично не быть революціонером-террористом.

Точно так же звучат и слова полу-оправданія Милюкова:

«Учащались и полицейскія мѣры, ставшія постоянной чертой в біографіях сколько-нибудь видных о б щ е с т в е н н ы х дѣятелей столицы. В такой средѣ нельзя было оставаться н е й т р а л ь н ы м». («Роковые годы», «Русскія Записки»).

Иначе говоря, интеллигенція, еще не разбираясь в духовном содержаніи, предъявляла требованія и расцѣнивала своих сочленов по особым внѣшним признакам, из которых, выражаясь иносказательно, наибольшую роль играли ношеніе политическаго фрака — ярлыка и слѣды административной палки.

Иначе нельзя было сдѣлаться видным общественным дѣятелем...

Это печальное явленіе усугублялось еще болѣе тѣм обстоятельством, что передовые круги совершенно игнорировали дѣйствительно интеллигентныя силы, не обладавшія вышеприведенными отличительными признаками.

В статьѣ «1905 — 1906 годы» (Сборник, посвященный памяти М. М .Винавера) В. А. Маклаков пишет:

«Только нельзя забывать, что для «опытных и дѣльных людей» вход в законодательную палату мог быть только через н а з н а ч е н і е. Наш «старый режим»» поэтому и назначил в Государственный Совѣт— Таганцева, Кони, Витте, Сабурова, Манухина и многих других, которые не были д р у з ь я м и режима. А ни один из этих «опытных и дѣльных людей» по выборам пройти бы не мог. Не было шансов надѣяться, чтобы «народная воля» оцѣнила «опыт и знаніе».

Можно ли не признать т р а г и ч е с к и м приведенное выше самопризнаніе виднаго парламентарія?

Не время и не мѣсто нам здѣсь выражать свое сочувствіе, и не ради упрека цитируется весь этот опыт неудавшихся общественных трудов наших интеллигентных предшественников...

Мы учимся, а не обвиняем.

Учимся, но нѣсколько по-иному...

Сначала вынужденые испытать на собственных плечах весь тлетворный результат их достиженій, а затѣм уже принявшись за внимательное изученіе их полуоправданій, полупризнаній, а подчас и неумѣстных утвержденій.

Для болѣе яркаго представленія облика предреволюціон-

ной передовой интеллигенціи необходимо уяснить себѣ окружающую их обстановку.

Каково было внутреннее состояніе Россіи?

«Время это было замѣчательное...

Напряженной, полной духовных интересов жизнью жила вся русская интеллигенція....»

Спустя страницу уточняется:

«Стачки, демонстраціи, убійства представителей власти чередовались с какой-то наростающей послѣдовательностью».

Вот какова эта замѣчательная жизненная полнота передовых революціонных и лѣвых кругов.

Середина, т. е. «оппозиціонные круги» — «пассивно созерцали»...

«Впрочем, состояніе нѣкоторых элементов этой середины было не вполнѣ «созерцательным»: пассивные в своих собственных дѣйствіях, они были весьма активны в содѣйствіи самым крайним актам революціи; террористы могли найти укрытіе в весьма фешенебельных квартирах так называемой буржуазіи.

Спрятать нелегально прокламаціи, или дать квартиру под ультра-тайное собраніе — сколько угодно, в этом революціонеры никогда не испытывали недостатка.

Деньги? Пожалуйста, сколько угодно. Только убивайте людей, нам надоѣвших и мѣшающих «прогрессу» страны и нашим собственным устремленіям...» (Ек. Кускова. «Человѣк того времени»).

Дальше слѣдует подтвержденіе уже ранѣе сказаннаго о полной духовно-политической нищетѣ интеллигенціи, а затѣм автора начинает восхвалять революціонныя заслуги в тѣ времена образовавшагося «Союза особожденія», с цѣлью — «чтобы люди просто оппозиціонно настроенные» и которые «не умѣли найти друг друга, ни связаться для вящаго дѣйствія», могли объединиться. Автор цитируемой статьи, все та же Екатерина Кускова, один из организаторов этого «легальнаго» Союза, перечисляя его задачи, одновременно пытается утвердить как бы террористическую безпорочность его, но в то же время подчеркивает и приводит полностью декларацію редакціи союзнаго органа (кстати, подпольнаго), гдѣ говорится о единой революціонной борьбѣ.

Из многочисленных разсказов сыпнотифозных больных врачи установили, что в процессѣ этой изнурительной эпидемической болѣзни у человѣка происходит какое-то внутреннее духовное раздвоеніе личности.

Вот именно подобное духовное раздвоеніе являлось

неизбѣжным спутником русской интеллигенціи, как в цѣлом, подразумѣвая дѣятельность ея корпорацій, так и в поступках видных ея представителей.

Этото разлад наблюдался: и между их мыслью, и их словом, и между словом и дѣлом, и, наконец, иногда даже доходил до разтроенія — все по-разному: и мысль, и слово, и дѣло.

Как иначе объяснить: «легальное» общество, призывающее к революціонной борьбѣ при помощи выраженія своих мыслей в нелегальном журналѣ, издающемся заграницей.

Искренно убѣжденные в отрицательном дѣйствіи террора лица, в то же время организовывают с этой цѣлью общество и одновременно лично сами призывают к террору... Так было с тою же общественницей Кусковой.

В концѣ прошлаго столѣтія в Саратовѣ вспыхнула эпидемія холеры. На этой почвѣ темная масса простого народа начала избіеніе медицинскаго персонала; по личному свидѣтельству В. Чернова, стали происходить избіенія полиціи за то, что послѣдняя «самоотверженно защищала врачей и предотвращала дорогу к погромам».

И вот —

«Е. Д. Кускова с подругой начала было уговаривать бить не докторов, а полицію». (В. Чернов. «Воспоминанія», т. I, стр. 95).

(Продолженіе въ слѣдующем номерѣ).

С. Іегулов.

ПОНЯТІЕ A PRIORI У КАНТА И ШОПЕНГАУЭРА.

(Краткое введеніе в критическую философію).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вильям Джемс, в началѣ своего Прагматизма, чрезвычайно остроумно дѣлит всѣх философов на «мягких» и «жестких», относя к первому типу ,напр., идеалистов, спиритуалистов, раціоналистов и оптимистов, а ко второму — реалистов, матеріалистов, эмпиристов, пессимистов и т. п. Реальнаго опредѣленія этих групп он не дает, т. к. это подраздѣленіе у него скорѣй психологическое, нежели логическое. Что объединяет перечисленныя группы — сказать трудно, нельзя, однако, не признать, что в установленіи этих двух групп Джемс обнаруживает рѣдкую наблюдательность. Эти двѣ группы в теченіе вѣков находятся в постоянном антагонизмѣ, причем нужно подчеркнуть, что само различіе этих многочисленных направленій и их названій опредѣляется тѣм фактом, что платформа этой борьбы с теченіем столѣтій все время мѣняется, или, вѣрнѣе, как бы передвигается. Перемѣщеніе этой платформы и ея поступательное движеніе в одном направленіи есть, помоему, несомнѣнный факт — и в этом явленіи и обнаруживается истинная эволюція философской мысли человѣчества. Так как философское развитіе ест один из аспектов общаго развитія человѣчества, то в этой области вполнѣ умѣстно пользоваться для иллюстраціи образами, взятыми из других областей эволюціи. Я люблю в подобных случаях примѣнять термины англійскаго парламентаризма. Дѣйствительно, в англійском парламентѣ, этом образцѣ органическаго развитія, все время наблюдаются двѣ партіи ,находящіяся в борьбѣ, причем их программы и названія все время мѣняются, а платформа их борьбы непрерывно перемѣщается. Если не быть участником этой борьбы и смотрѣть на нее со стороны, то становится совершенно очевидным, что ни одна из партій никогда не говорит, так сказать, полной «истины», и что «истина» и эволюція обнаруживаются в каком-то третьем — меж-

дупартійном и «діагональном» — направленіи, даваемом самим Сущим, т. е. жизнью.

Возвращаясь к философіи, я укажу теперь на то всѣм хорошо извѣстное обстоятельство, что в XVII и XVIII вѣках платформой философской борьбы был вопрос об источникѣ познанія, и что тѣми «партіями», которыя осуществляли в то время развитіе философской мысли, были раціоналисты и эмпиристы. Дальнѣйшая эволюція, как извѣстно, вызвала синтез этих «партій» в критицизмѣ. Этот синтез как бы положил конец двум предыдущим направленіям и выдвинул новый вопрос. Эта новая проблема, являясь тоже платформой борьбы, создала уже новыя двѣ «партіи», которыя своим антагонизмом в свою очередь двигают развитіе человѣческой мысли еще дальше — на новыя позиціи в том же направленіи.

Теперь спрашивается, каковы же эти новыя «партіи»? Я думаю, что при всем разнообразіи направленій современной философіи, всѣ они могут быть сгруппированы в два лагеря: лагерь автономистов в области познанія и лагерь гетерономистов. Первые полагают, что принципы познанія должны быть обоснованы на самих себѣ, и что всякое, напр., психологическое или біологическое их оправданіе — нелѣпость. По их мнѣнію, в выводѣ не может быть матеріала, уже не заключеннаго в посылках, а потому ни из каких законов существующаго нельзя вывести принципов познанія, т. к. послѣдніе не существуют, а довлѣют. Что же касается гетерономистов, то они, в противоположность автономистам, полагают, что познаніе есть как бы функція жизни, и что поэтому оно подчинено, как и все другое, законам Сущаго.

Не поняв идеи этого антагонизма, нельзя понять ни критицизма, ни вытекающей из него современной философіи. Поэтому, в связи с высказанными мною мыслями, мнѣ и пришла идея дать небольшое, элементарное введеніе в критическую философію, указав на упомянутый выше антагонизм автономіи и гетерономіи в самых истоках и зачатках критицизма, причем постаравшись это сдѣлать на одном из самых основных его понятій. Хотя в этой моей работѣ нѣт по существу (в научном отношеніи) ничего особо новаго, она все-таки, по-моему, имѣет своеобразную (педагогическую) цѣнность — именно своей элементарностью и простотой постановки проблемы. Благодаря этому, я надѣюсь, она сможет оказать нѣкоторую услугу начинающим.

РАЗЪЯСНЕНІЕ.

§ 1.

Перед тѣм как начать излагать содержаніе данной работы, сдѣлаю нѣсколько замѣчаній, которыя, полагаю, не будут лишними.

1) Объясню сперва заглавіе ««Понятіе a priori, у Канта и Шопенгауэра», чтобы не дать мѣста двусмысленности.

Дѣло в том, что оно может быть понято в двояком смыслѣ: как сравненіе у Канта и Шопенгауэра апріорных элементов нашего познанія вообще, и как сравненіе у них апріорных элементов нашего сознанія, поскольку они относятся только к разсудку. Как извѣсто, Кант отличал чистыя разсудочныя понятія от апріорных форм чувственности, пространства и времени. Спѣшу замѣтить, что я имѣю в виду первый, а не второй смысл. Вѣдь кромѣ того, хотя заглавіе не должно давать знанія (об этом заботится обыкновенно содержаніе сочиненія), но оно не должно по крайней мѣрѣ вводить в заблужденіе. Из второго же смысла можно сразу подумать, что Шопенгауэр говорит гдѣ-либо о понятіях a priori Но он этого никогда не дѣлает и, хотя его закон основанія должен был замѣнить кантовскія категоріи, он никогда не прилагает к нему термина понятіе, имѣя в виду всегда закон, т. е. сужденіе.

2) Затѣмъ, хотя на моей обязанности лежит разсмотрѣніе только апріорных элементов у Канта и Шопенгауэра, но, что касается перваго, мнѣ придется затронуть и другіе элементы его философіи (теоретической) отчасти оттого, что вѣдь вся она и заключает только выведеніе этих апріорных элементов и доказательство их примѣнимости только к опыту (Критика, Введеніе, стр. 42), отчасти благодаря свидѣтельству самого Канта, который неоднократно указывает на то, что разум есть органическое цѣлое, в котором нельзя затронуть одну часть, не всколыхнув и других. Так, в Пролегоменах (в Предисловіи), на стр. 12, он говорит: «Чистый разум есть такая обособленная .внутри себя солидная сфера, что нельзя тронуть ни одной ея части, не коснувшись всѣх прочих». В Критикѣ же, на стр. 13 и 21, он указывает на то, что в разумѣ все существует только для цѣлаго, т. е. может быть понято только из отношенія к этому цѣлому.

3) Теперь я укажу на тот способ, при помощи котораго я могу надѣяться достигнуть полноты в этом сравне-

ніи понятія а пріори у Канта и Шопенгауэра. Казалось бы, это очень легко сдѣлать: поискать у того и другого философа опредѣленія понятія а пріори, и разница в их пониманіи сразу бросится в глаза. Но дѣло вот в чем. Опредѣленія понятія могут быть двух родов: реальныя и номинальныя (проф. Введенскій, Логика, гл. XVIII, § 4, стр. 454, изд. 1911 г.). Опредѣленіе перваго вида указывает содержаніе понятія, второго — объем; первое опредѣленіе производится через подчиняющее понятіе, род (genus proximum), единство, второе — через виды, многообразіе. И то, и другое отвѣчает своей цѣли, если хотят только указать мѣсто, занимаемое понятіем в системѣ субординированных понятій. Логика имѣет в виду только реальныя опредѣленія. Проф. Введенскій в своей Логикѣ (гл. XVIII, § 4, стр. 455) говорит, что всякое реальное опредѣленіе есть в то же время и номинальное, и, по-моему, он имѣет здѣсь в виду то, что в реальном опредѣленіи заключается достаточно данных, чтобы при его помощи найти то, что подходит под данное понятіе. Но в психологическом отношеніи — каковую сторону профессор по вполнѣ понятным мотивам принципіально игнорирует в Логикѣ, — выходит нѣчто другое: два человѣка могут согласоваться между собой относительно реальнаго опредѣленія понятія и расходиться относительно того, что нужно под это понятіе подводить, — что неоднократно можно видѣть в жизни. Дѣйствительно, реальное опредѣленіе есть правило, с помощью котораго можно опредѣлить всю полноту подходящих под данное понятіе предметов, но, как всякое правило, оно требует для своего примѣненія того, что Кант и Шопенгауэр называют способностью сужденія, чѣм люди весьма отличаются между собой. Кант на стр. 134 Критики (Транс. анал., кн. II, гл. I) говорит: «Если разсудок вообще опредѣляется как способность правил, то способность сужденія есть способность подводить под правило, т. е. рѣшать, подходит ли нѣчто под данное правило (casus datae legis), или нѣт». Если примѣнить все сказанное к понятію апріори, то можно замѣтить, что Кант и Шопенгауэр расходятся относительно его опредѣленія и реально, и номинально. Что касается реальнаго опредѣленія, то Шопенгауэр в нем постоянно присоединяет один предикат, котораго Кант старательно избѣгает; в номинальном же отношеніи Шопенгауэр отчасти расширяет объем понятія а пріори, подводя под него то, о чем Кант совсѣм не говорит, отчасти сокращает его, исключая из подчиненія понятію апріори то, что у Канта занимает надлежащее мѣсто. Отсюда вывод такой: понятіе а пріори

нужно у них сравнивать и реально, и номинально, т. е. не ограничиаясь тѣм, что каждый из них мыслит в этом понятіи (разсудок), но обращая вниманіе и на то, что каждый из них под него подводит (способность сужденія).

4) Что касается плана и способа изложенія, то он отчасти будет исходить из того положенія, что перед тѣм как сравнивать что-либо, нужно имѣть то, что подлежит сравненію. Это настолько важно, что иногда бывает достаточно ясно представить то, что желают сравнить, чтобы разница сама бросалась в глаза. Но обыкновенно (особенно студенты в просеминаріях) держатся другого мнѣнія и сравнивают или указывают, как одно «отразилось» (характерное слово!) на другом, когда слушатели сидят и, упорно моргая глазами, абсолютно не имѣют никакого представленія ни о том, что отразилось, ни о том ,на чем оно отразилось. Нѣкоторые, желая сохранить ореол квази-самостоятельности, не желают излагать ученія великих людей, находя это слишком низким для себя, а предпочитают произвольно сопоставлять тексты и цитаты и говорить, как один автор повліял на другого. Но по этому поводу я замѣчу, что в правильном изложеніи ученія можно проявить столько же самостоятельности, как и в произвольном сопоставленіи текстов, если не больше.

Раз вы беретесь представить на сравнительно небольшом количествѣ страниц ученіе какого-либо философа, то дѣло здѣсь никогда не ограничивается простым повтореніем его мыслей: будучи принуждены с о к р а щ а т ь, вы поневолѣ должны в ы б и р а т ь и излагать наиболѣе характерное и цѣнное, и тут-то и обнаруживаются ваша самостоятельность и ваши способности.

В правильном пониманіи великаго ученія уже кроется великая заслуга, так как ученіе, не имѣя возможности до вас опуститься, принуждает вас хоть на время до него подняться. Д-р Отто Вейнингер по этому поводу образно выражается, что для того, чтобы понять человѣка, нужно носить его в себѣ, а Шопенгауэр, негодуя против ненавистных ему софистов, говорит: «Поистинѣ какое-от проклятіе тяготѣет над двуногими существами: благодаря своему сродству с извращенным и дурным, они даже в твореніи великих умов больше всего восхищаются именно самым скверным, прямо ошибками, их они хвалят и превозносят, тогда как подлинно изумительное терпят лишь между прочим». (О ч е т в. к о р н ѣ, гл. V, § 34, стр. 106).

В связи со всѣм сказанным мнѣ желателен был бы такой способ изложенія: а) реальное опредѣленіе понятія

а пріори у Канта, б) изложеніе Кантовой философіи (теоретической), или о номинальном опредѣленіи у него этого понятія. То же и относительно Шопенгауэра. Но этот порядок не может быть вполнѣ соблюден благодаря одному мнѣнію Канта. В Крит. чист. разума, на стр., 58, он говорит, что в философіи нельзя, подобно математикѣ, предпосылать дефиницій изложенію. Вот его слова: «В философіи дефиниція, как полная ясность, должна скорѣе заключать дѣло, чѣм начинать его». При этом он затрагивает вопрос об адэкватных и неадэкватных опредѣленіях, который до нѣкоторой степени встрѣчается уже и Локка (Опыт о человѣческом разумѣ, стр, 364, перевод Савина), но скорѣй именно намѣчает его, чѣм его разрѣшает. Этот вопрос о полном опредѣленіи, о существенных и несущественных признаках очень важен и касается даже возможности раздѣленія сужденія на аналитическія и синтетическія, — этого, по выраженію проф. Введенскаго, краеугольнаго камня Кантовой философіи (Логика, гл. VII, §, стр. 106).

Но, повторяю, он скорѣе затрагивает этото вопрос, нежели рѣшает. Для нас же важно в данном случаѣ только то, что Кант держался подобнаго взгляда и сообразно с этим изложил Критику чистаго разума: в началѣ он дает предварительное опредѣленіе и только в концѣ дает возможность представить его во всей полнотѣ. Шопенгауэр же не дает совсѣм реальнаго опредѣленія и всюду предполагает знакомство с Кантом. Поэтому в своем изложеніи я поступаю слѣдующим образом: приведя кантовское предварительное опредѣленіе, я излагаю ученіе Канта, затѣм — Шопенгауэра (как бы номинальное опредѣленіе, т. е. указаніе на то, что эти философы подводили под понятіе а пріори), и ищу в этих ученіях элементов для болѣе полнаго реальнаго опредѣленія у каждаго из них понятія а пріори.

5) Первоисточниками я пользовался в слѣдующих изданіях:

а) **Критика чистаго разума,** в пер. Н. М. Соколова, СПБ, 1902 г.
б) **Пролегомены ко всякой будущей метафизикѣ,** в пер. В. С. Соловьева, Москва, 1905 г.
в) **О четвертом корнѣ закона достаточнаго основанія,** в пер. Ю. И. Айхенвальда, Москва, 1900 г.
г) **Міp, как воля и представленіе,** I том, в пер. А. Фета, Москва, 1888 г.

Что касается Соколова и Соловьева, то они очень сход-

ны в переводѣ важных терминов. Отличіе же перевода Фета от Айхенвальда касается только слова Verstand и легко усваивается. Кромѣ того, Фет Urtheilskraft иногда называет, в отличіе от ума (Verstand) и разума (**Vernunft**), разсудком. Но и это не препятствует пониманію. Взял же я только необходимое потому, что, имѣя цѣлью здѣсь, главным образом, отчетливость и элементарность своего изложенія, предпочел лишній раз внимательно проштудировать эти книги, чѣм пользоваться многочисленными комментаторами. Что касается послѣдних, то я счел достаточными Куно-Фишера и Виндельбанда. Кромѣ того, Кант неоднократно указывает на то, что познаніе чистаго разума есть система, а не аггрегат, т.е. нѣчто такое, гдѣ даже части могут быть познанными лишь постольку, поскольку онѣ имѣют отношеніе к единству цѣлаго. А подобныя вещи предпочтительно получать из однѣх рук и изложенныя одним способом. Шопенгауэр очень удачно, говоря о слогѣ Канта, приводит слова Декарта: quo enim melius rem aliquam concipimus, eo magis determinati sumus ad eam unico modo exponedam (Крит. Кантовой философіи, пер. Черниговцева, стр. 28). Даже начавъ читать (много лѣт назад!) послѣ Критики-Пролегомены, я испытал в началѣ непріятное впечатлѣніе, как будто бы готическій собор, с коим Шопенгауэр сравнивал Кантовскую философію, хотят перевернуть: ажурные шпили сдѣлать основаніем, а основаніе — шпилями. Но это отличіе Пролегомен от Критики оказывается в концѣ концов не столь значительным. Сказав все предыдущее, я могу приступить к изложенію самого предмета.

(Продолженіе в слѣд. номерѣ*)

Д-ръ фил. Н. А. Реймерс.

---

*) **Всѣ права сохранены за автором.** Мы сожалѣем, что вынуждены печатать труд д-ра фил. Н. А. Реймерса по частям, но думаем, что даже подобное «искалѣченное» изданіе будет полезно.

Ред.

Библіографія

В. СИРИН. «Приглашеніе на казнь». (Изд. «Дом Книги», Париж).

Темой новаго романа В. Сирина является душевная болѣзнь, героем — больной, страдающій навязчивой идеей (больница для него — тюрьма, в которой он ожидает предстоящей казни), круг дѣйствія — мір, отраженный его воображеніем, мѣсто дѣйствія — камера, рамки которой то расширяются, включая в себя образы, воспоминанія и видѣнія претворенной им реальности, то съуживаются — до тѣсных стѣнок, вмѣщающих только одно человѣческое сознаніе.

Книгу эту скорѣе всего можно было бы назвать опытом построенія больного сознанія, этюдом, а не романом. Как во всяком этюдѣ —яснѣе творческій процесс и виднѣе пріемы художника, так и эта книга болѣе других приближает нас к методам работы Сирина, вводит в его «лабораторію», вскрывает сущность его художественных пріемов.

Конструкція его книги та же, что и других. Разложенная на составныя части реальность явленій,, по-новому увидѣнная, показанная в различных «разрѣзах», новых поворотах, искусных освѣщеніях, дающих часто неожиданные эффекты.

Как в микроскопѣ, мы видим поражающій нас кажущейся новизной мір, открытый усиленным зрѣніем; как система выпуклых или вогнутых зеркал способна вернуть нам измѣненную реальность, так и Сирин в основаніи реальных явленій усматривает невидимое нами, постигает незримыя простому глазу детали, возвращает нам эту реальность, прошедшую через анализ его творческаго наблюденія, заключенную в схему его художественнаго построенія — измѣненной и переработанной.

Эти его схемы обычно убѣдительны, так как онѣ основаны на дѣйствительности, их содержаніем является доступная нам реальность. В них вѣришь, их принимаешь.

Тема, взятая в новой книгѣ, — труднѣе. Это непроницаемый мір, подвластный только нашему внѣшнему наблюденію.

Вскрыть реальность психически-больного воспріятія — значит перенестись в другой мір, не подчиненный нашей логикѣ и нашим законам. Это — область интуитивнаго постиженія, а не логическаго построенія.

Раціональному творчеству Сирина поставлена трудная задача.

Чтобы понять область «чудеснаго», говорит Гофман в одном из своих мистических разсказов, — надо обладать шестым чувством, «которое включает в себѣ не только то, что имѣют всѣ другія чувства, но гораздо больше, чѣм всѣ они вмѣстѣ взятыя». И «больное» воображеніе Гофмана создает иную реальность, которая спорит с нашей, вытѣсняет ее, овладѣвает иногда ею и заставляет вѣрить в свое существованіе.

«Здоровое» воображеніе Сирина ключа к этому міру не находит. Нужна «нуждающаяся в другом климатѣ мысль», употребляя выраженіе из его же книги.

Несмотря на огромную находчивость, неожиданность образов и положеній, новых оборотов дѣйствительности, творческаго ея искаженія, несмотря на большую работу, продѣланную в этой

книгѣ, на систему «оптических обмановъ», так искусно примѣняемую автором, — эта созданная им «реальность» не становится для нас убѣдительной, не владѣет нами. И часто кажется, что автор книги только нарушил цѣпь связи явленій и, сложи он поиному разрѣзанныя им картины дѣйствительности, докончи он умышленно оборванный образ, по-другому распредѣли свои художественныя «купюры», иначе употреби факты, которыми он так искусно жонглирует, — все станет на свое мѣсто, уложится в рамки нашего нормальнаго воспріятія. Все станет понятным нашему разуму, не выйдет за предѣлы нашей логики.

Эту книгу можно назвать этюдом, т. к. в ней творческій процесс не закончен, мы присутствуем при исканіях и попытках автора — угадать и подчинить себѣ мір новых ощущеній. Окончательной формы эти исканія еще не приняли. Сирин дает «тысячи едва примѣтных пересѣкающихся мелочей» (говоря его словами), законченных очертаній в ней меньше.

«Из свѣтлых очертаній, как бы не совсѣм дорисованных, но мастером из мастеров тронутых губ, из порхающих движеній пустых, еще не подтушеванных рук, из разбѣгающихся и сходящихся вновь лучей в дышащих глазах» — не встает яснаго образа героя романа. Это только «переплетенный в человѣческую кожу», но еще не живой человѣк. Он сам говорит в другом мѣстѣ: «Все разобранное и разсмотрѣнное еще не могло истолковать образ Цинцинната». — «Это было так, словно одной стороной своего существа он неуловимо переходил в другую плоскость, как вся сложность древесной листы переходит в тѣни и блеск, так, что не разберешь — гдѣ начинается погруженіе в трепет другой стихіи».

И в эту другую плоскость перенестись Сирин не может, эта стихія ускользает от его воспріятія, на экранѣ его творчества остается только раздробленная, разложенная, но все та же, наша дѣйствительность.

Больной мір, как «нѣчто чуждое ея составу и строю» — остается за границами его постиженія. Его мысль, дѣйствительно, нуждается в другом «климатѣ».

Б.

ИРИНА КУНИНА. «Красная феска». (Изд. «Дом Книги», 1938 г. Париж).

Сборнику присвоено названіе наибольшаго из вошедших в него разсказов.

Случайно или предусмотрительно, но «Красная феска» — единственный разсказ, написанный «внѣ времени», всѣ остальные датированы годом их написанія.

И это, быть может, нечаянное обстоятельство послужило естественной границей между ним и остальным содержаніем книги.

Восемь разсказов представляют собою какое-то психологическое цѣлое, несмотря на свою полную обособленную внѣшность — различность не только по содержанію, но даже и по способам передачи. Это как будто отдѣльные эпизоды из личнаго дневника автора, совершающаго свое «странствіе» по Европѣ.

Причем слѣдует замѣтить, что сюжеты не зарисованы, а скорѣе начерчены, — искусный литературный репортаж.

Всѣ литературные элементы налицо, но что-то отстутствует.

Точно попытка поставить на сценѣ Гоголя без декорацій, на подобіе метерлинковских драм, — на фонѣ черных сукон...

Кстати, Гоголь несомнѣнно владѣет мыслями автора...

Юмор сквозь печаль... — характерная особенность, я бы сказал, всѣх восьми, скорѣе психологических этюдов, а не разсказов, этого сборника.

Что же касается девятаго, одноименнаго со сборником, «Красная феска», то он несомнѣнно является попыткой автора к созданію, а не отраженію жизни. Творческій синтез пережитаго.

И что же вышло?

Душа синеглазой сѣверной дѣвушки была облачена волею литературнаго каприза в турецкое обличье Мустафы Сули-ага (в транскрипціи автора — Сульяга), революціонера - художника и террориста.

И в этом главная ошибка автора.

Экзотика не всегда украшает. Грозди бананов на пышных еловых вѣтвях — при всѣх обстоятельствах неестественны, а иногда и просто убоги.

В заключеніе хотѣлось бы замѣтить, что, право, не слѣдует внѣдрять в русскую рѣчь такія слова, как «всамдѣлишный»; не согласится ли также автор, что разсказ «Ландрат» нисколько не потерял бы, если бы сократился на нѣсколько строк, посвященных собачьей тайнописи?

С. І.

К. В. ОЗОЛС. Мемуары посланника. (Изд. «Дома Книги», Париж, 1938 г.).

Не только одно любопытство должно привлечь вниманіе русскаго читателя к этой нѣсколько необычной книгѣ.

Из краткаго предисловія автора, чрезвычайнаго посланника в СССР Латвійской республики, можно установить три побудительных мотива, руководивших им при опубликованіи своих мемуаров: 1) протест против тайной дипломатіи; 2) желаніе способствовать миру между народами и, наконец, 3) «к опубликованію моих мемуаров меня толкнула сама Совѣтская Россія».

Предваренный подобным авторским указаніем, читатель будет нѣсколько разочарован, так как вряд ли из почерпнутаго в книгѣ матеріала установит пагубность тайной дипломатіи в общепринятом смыслѣ этого понятія.

Приведенное в книгѣ дѣло эстонскаго посланника Бирка, как и ряд других подобных ему попыток, совершенных НКИД (Народный Комиссаріат Иностранных Дѣл) и ГПУ, с цѣлью скомпрометировать отдѣльных представителей иностраннаго дипломатическаго корпуса в Москвѣ, слѣдует причислить не к дѣлам тайной, а просто черной «дипломатіи».

Мало убѣдительна и панацея, творцом которой является сам автор, для умиротворенія Европы... Я здѣсь подразумѣваю его мысль о «Союзѣ государств средней зоны Европы», состоящаго из «16-ти малых и средних государств»... От Финляндіи до Греціи... Нѣчто утопичное на подобіе малой европейской Лиги Націй...

Зато очень много безусловно интереснаго и цѣннаго можно почерпнуть из его описанія и характеристик совдипломатов, крас-

ных владык, их взаимоотношеній, вообще всего, касающагося жизни и быта в СССР.

Есть весьма цѣнное и для эмигрантов.

Приведу полностью:

«Часто в этих заграничных учрежденніях ГПУ является болѣе важной и отвѣтственной отраслью, чѣм НКВД. Заграничная армія агентов ГПУ, конечно, во много раз больше, чѣм число оффиціальных дипломатических представителей, вмѣстѣ взятых. Наивно думать, что эти агенты занимаются только шпіонажем. Против этого всѣ государства могут и умѣют бороться и защищаться. Одно из важных заданій агентов — другое: они должны дискредитировать, деморализировать, децентрализировать. Для этого они обязаны пользоваться всякими разногласіями политических партій, искусственно создавать столкновенія и обостренія. При помощи женщин этим агентам удается бросать тѣнь на нежелательных лиц, дискредитироать их, убирать с постов, и эта тактика проводится ими легко и ловко»...

Снова повторяю: эта книга имѣет большой интерес, как живой матеріал об СССР.

С. I.

И. А. ИЛЬИН. «Основы борьбы за Національную Россію». (Изд. Н. Т. С. Н. П. 1938).

Когда прервал свое существованіе «Русскій Колокол» — журнал волевой идеи, издаваемый проф. И. А. Ильиным, всѣ мы, россійскіе націоналисты, ощутили пустоту; нѣкоторые из нас пытались эту пустоту заполнить, конечно, не таким интеллектуальным блеском, какой являл нам «Русскій Колокол», но столь же горячим и искренним словом.

Прошли годы, и новыя брошюры И. А. Ильина *) заполняют пробѣл. В них, кромѣ горячей вѣры, чувствуется смык с новой идейной и волевой порослью, родившейся за эти годы.

В новых словах И. А. Ильина — тот раскаленный дух, который один может преобразить Россію.

Мы вѣрим, что снова скоро зазвучит «Русскій Колокол», высокаго національнаго напряженія, развивающій основы реальной борьбы за Россію.

Ввиду значительности этой брошюры И. А. Ильина, мы помѣщаем полностью ея оглавленіе:

*) 1937 г. — «Творческая идея нашего будущаго» (Изд. Н. Т. С. Н. П.).

13. О характерѣ предметности.
14. Церковь и государство.
15. Любовь к родинѣ.
16. Семья.
17. Что есть истинный націонализм.
18. О здоровом правосознаніи.
19. О политической дѣятельности.
20. О власти.
21. О сопротивленіи злу силою.
22. О вѣрном компромиссѣ.
23. О свободѣ.
24. О равенствѣ и справедливости.
25. О частной собственности.
26. О національной территоріи.
27. Національная армія.
28. О монархіи и республикѣ.
29. Россія спасется творчеством.
30. Заключеніе.

Т.

ГЕНЕРАЛ А. И. ДЕНИКИН. «Міровыя событія и русскій вопрос». Изд. Союза Добровольцев. 1939.

Очень трудно в положенных предѣлах дать исчерпывающій отзыв о брошюрѣ ген. А. И. Деникина, тѣм болѣе, что тема эта и прежде освѣщалась автором и что многое в этой оцѣнкѣ корнями уходит и в славные дни начала Бѣлой Борьбы, и в мрачныя времена конца ея.

Внѣ этой эпохи и современныя положенія ген. Деникина будут мало понятны. Поэтому, касаясь высказываній ген. Деникина в 1939 году, мы отвлечемся от личности автора и будем лишь судить о точках зрѣнія и утвержденіях политика, излагающаго свое мнѣніе о «міровых событіях и русском вопросѣ» — в началѣ 1939 года.

К сожалѣнію, автор пользуется «словечками», внесенными в эмигрантскую рѣчь совѣтской пропагандой. К числу их принадлежит и «пораженец». Сам автор брошюры, конечно, с совѣтской точки зрѣнія, типичный «пораженец»:

— он характеризует франко-совѣтскій договор, как прямую поддержку совѣтской власти.

— он сомнѣвается в том, что СССР выполнил бы свои обязательства в дни чехословацкаго кризиса,

— он полагает, что разгром командного состава обезсилил красную армію и флот,

— Он утверждает, что судьбами Россіи управляет чуждая народу, преступная власть, которая охранить страну не сумѣет, но предать и продать ее может в любой момент,

— его симпатіи и пожеланія успѣха всецѣло на сторонѣ Испаніи Франко.

Послѣднее, конечно, является вѣрнѣйшим признаком «пораженчества», ибо Красная Испанія, если не «юридически», то морально, — является составной частью СССР и, слѣдовательно, всякое пожеланіе успѣха ея врагу является покушеніем на предѣлы соціалистическаго отечества.

Русской эмиграціи уже давно слѣдовало бы отказаться от употребленія этих «словечек», которыя возникают в Москвѣ и распространяются в эмиграціи совѣтскими подголосками.

Эти «словечки» пущены в оборот не только для русской эмиграціи, но их стремятся привить и в прессѣ других стран.

Нѣкоторые, независимые конечно, иностранные журналисты точно такими же «оборонческими» словами обвиняют иностранныя правительства в «пораженчествѣ» и измѣнѣ за недостаточную помощь Сталину в Испаніи. Цѣлая группа подобных журналистов жонглирует термином «пораженчество». Это должно было бы призвать к осторожности русских политических дѣятелей.

Автор отстраняет от себя упреки в нереальности. Но защита его от этих упреков — чисто эмоціональная. «Вѣрую и исповѣдую» — вѣдь не доказательство. А логическое развитіе вопроса о защитѣ Россіи приблизительно слѣдующее в устах «оборонцев»:

Защищать Россію надобно теперь, а не завтра. Сейчас СССР, завтра — Россія?.. Но оружіе защиты Россіи надо ковать сейчас. Нужно, чтобы заводы работали полным ходом. Слѣдовательно, нужна стахановщина — и трудовыя книжки. Надо помогать снабженію арміи, надо защищать спеціальные заводы от саботажа. Кто лучше сдѣлает это, чѣм ГПУ?

В будущей борьбѣ огромную роль сыграет психологическій фактор: единство населенія с властью. Пытаясь подорвать сейчас власть в СССР — ослабляют защиту — будущей — Россіи...

Этим рѣчам можно дать отпор только **точными, четкими** формулами:

> **защита властителей СССР — подготовка пораженія Россіи.**

Поэтому слоган: «сверженіе совѣтской власти и защита Россіи» — лозунг **туманный, нереальный, нединамическій.**

Россійская эмиграція страдает одним общим недугом: она, — и это естественно для «эмиграціи извѣстнаго возраста» — живет отдѣленная какою-то пеленою от истинной Россіи, живет так, как будто «жизнь начинается завтра»:

> Завтра произойдут событія...
> Завтра нас позовут..

«Все в будущем»? Нѣт, вѣрнѣе: «все в прошлом». Ибо это «завтра» уже наступило. Этой реальности не хотят видѣть.

Живут также туманною условностью: «если». «Если» громоздится на «если»... Отсюда и у автора нѣсколько условных положеній: если красная армія сбросит власть, если она разложится под ударами извнѣ, если она отложит счеты с врагом внутренним... Отвѣтом служит: «я не могу повѣрить».

На зыбких этих песках в наше время нельзя строить дѣйствія. Поэтому формула автора:

> Сверженіе совѣтской власти и защита Россіи —

кажется нам неясной и не побуждающей к дѣйствію.

Мы, конечно, не сомнѣваемся, что автор хотѣл дать ясный, реальный и дѣйственный лозунг. Его формулы, однако, легко преобразовываются слабой мыслью в нѣчто иное.

Как же эти положенія толкуются? Кускова в «Послѣдних Новостях» не скрывает своего воспріятія: для нея ясно, что и при совѣтской власти русскіе люди будут сражаться за рубежи. Кусковы полагают, что наступит момент, когда совѣтская власть будет действительно защищать интересы страны. Кускову мы, конечно, можем оставить при ея мнѣніях и не снисходить до полемики с ней. Но автор рецензируемой брошюры — лицо, чье имя не будет стерто со скрижалей русскаго лихолѣтья, и мы обязаны

сказать, что его точка зрѣнія способна смутить нѣкоторых «малых сих».

Мы полагаем, что формула автора замѣнима ясной, реальной, дѣйственной:

защита Россіи через сверженіе совѣтской власти.

Защищать Россію можно и должно не завтра, а сейчас. А для этого: всѣ силы направлять к **сверженію власти — для защиты Россіи.** Единственный способ **защиты** Россіи: обслуживаніе растущей національной революціи, помощь внутри-россійским освободительным процессам. Участіе в этом движеніи не «завтра», не тогда, когда все созрѣет, а сейчас, когда готовится оружіе для сверженія чуждой власти.

Не столько мы, сколько подсовѣтскіе россіяне, могут очутиться в трагическом положеніи. Им придется разрѣшать вопрос: защищать границы русской земли под водительством **перваго** врага Россіи? Вопрос этот в сердцах народа разрѣшен:

защищать Россію можно только свергнув власть.

Оріентируясь на Россію, только на Россію ,только на подсовѣтскія, противосовѣтскія настроенія, мы должны положить конец всѣм «фильствам» и «фобствам» Достаточно жить эмоціями 1914-1920 годов! Отдавая отчасти дань «фобствам», автор брошюры, однако, выражает то, что должно быть близко и понятно всей эмиграціи, поскольку она не оторвалась окончательно от русской жизни. Как противоядіе для измалодушествовавшагося зарубежья, его патріотическая проповѣдь, его патріотическое бичеваніе всѣх ставящих «ставки» на иностранных лошадей и на отечественных политических ослов несомнѣнно полезно. Всѣ государства для нас могут быть друзьями — но друзьями станут **лишь тогда,** когда будут думать о Россіи, об освобожденіи ея от совѣтскаго ига, **когда будут реально способствовать этому освобожденію.** Задача же наша — утверждать это перед иностранцами; говорить державным языком будущей Россіи, а не языком безродных просителей.

Через сверженіе власти — к защитѣ Россіи — лозунг не только патріотическій, но и лозунг дѣйственно-національный. Призыв же «По-то-ро-пи-тесь» должен быть обращен не только «туда», но и к эмиграціи.

Поторопитесь совлечь с себя ветхія одежды, **поторопитесь** развѣять туман мыслей и лозунгов, **поторопитесь** дѣйствовать — не «завтра», а сегодня, ибо **сегодня уже идет «там»** бой за Россію!

И. Я. С.

Assignment in Utopia. By EUGEN E LYONS. London, George G. Harrap and Co.

«Назначеніе в Утопію» — так можно перевести заглавіе книги, занимающей несомнѣнно одно из первых мѣст среди всего, написаннаго иностранцами о СССР. Автор книги — американец, коммунист ,назначенный в 1927 году московским корреспондентом агентства «Юнайтед Пресс» (по рекомендаціи представительства ТАСС в США, в котором он прежде служил).

В Москву он ѣдет убѣжденным коммунистом, намѣренным воспользоваться возможностями, предоставленными ему, для распространенія совѣтской пропаганды под видом «объективной информаціи». Он остается в Москвѣ до 1934 г. Заглавія отдѣлов кни-

ги отражают внутреннiй переворот, происходящiй в нем за время его жизни в Совѣтском Союзѣ: «Аллилуя» — «Сомнѣнiе» — «Разочарованiе».

От многих других отчетов об «обращенiях» коммунистов в СССР, так часто слишком явно отражающих неудачу личных честолюбивых планов, как главнаго мотива «обращенiя», книга Лайонса выгодно отличается той глубокой и безжалостной к самому себѣ искренностью, которой вся она дышет. Особая же цѣнность книги состоит в том, что Лайонс постоянно задает себѣ вопрос: «Что дает Совѣтам возможность так беззастѣнчиво втирать очки всему мiру, скрывать от него ужасы, творящiеся в СССР, и внушать ему ту картину «соцiалистическаго строительства», которая является господствующим представленiем о СССР в миллiонах умов Европы и Америки?» Положенiе Лайонса в Москвѣ дает ему возможность отвѣтить на этот вопрос болѣе исчерпывающе, чѣм это дѣлалось до сих пор кѣм-либо из заграничных наблюдателей в СССР. Главы, посвященныя работѣ представителей мiровой печати в Москвѣ, объясняют многое, что нам, русским, казалось непостижимым в успѣхах совѣтскаго «очковтирательства». Л. описывает, как эти «представители мiрового общественнаго мнѣнiя» (впрочем, за нѣкоторыми похвальными исключенiями!) по соображенiям личной выгоды — то ли для сохраненiя хороших отношенiй с цензором, во избѣжанiе опасности высылки и потери доходной заграничной командировки, то ли в угоду большевизану-редактору в Лондонѣ или Нью-Iоркѣ, а иной раз просто от нежеланiя выбраться из баров Метрополя и Гранд-Отеля и взглянуть на совѣтскую дѣйствительность, — передавали дословно, без попытки критики или поправки, тот информацiонный матерiал, который им поставляли ТАСС или Наркоминдѣл.

Одна из глав Лайонса — «Как представители печати замолчали голод» —останется тяжким обвинительным актом против этих «освѣдомителей», которые ради своих шкурных интересов стали союзниками большевиков в утаиванiи от мiра гибели миллiонов русских жизней.

Всѣ жуткiе эпизоды эпохи, пережитой Лайонсом в Москвѣ, передаются им исключительно ярко и честно. Раскулачиванiе, голод, террор ГПУ ,процессы «вредителей» — в описанiях всѣх этих событiй, русскому читателю, казалось бы, достаточно извѣстных, все-таки на каждой страницѣ встрѣчаешь новыя детали, новыя мѣткiя наблюденiя и правильныя сужденiя.

В США, гдѣ книга Лайонса уже выдержала нѣсколько изданiй, она вызвала огромный интерес и несомнѣнно сыграла существенную роль в том измѣненiи отношенiя к СССР части американской интеллигенцiи, которое проявляется за послѣднее время.

О. В. Гефдинг.

«ПОДКОЛОДНЫЙ ЯГНЕНОК».

В № 61 «Новой Россiи» под редакцiей А. Ф. Керенскаго, появилась статья Г. Федотова, озаглавленная «Барселона и Россiя».

Можно было бы пройти мимо этой статьи, не отличающейся ни убѣдительностью излагаемых в ней взглядов, ни яркостью их выраженiя. Но в ней есть нѣчто «новое», выдѣляющее ее из ряда

подобных же статей — соглашательских и большевизанствующих. Это «новое» — в неожиданной «христіанской» защитѣ коммунизма и в, поистинѣ, «новом» патріотизмѣ, видящем в побѣдах Сталина — побѣду національных интересов Россіи. Смѣсь смиренія и цинизма — удивляет даже теперь, послѣ всѣх обманов и лжи, к которым пріучила нас совѣтская печать.

«Паденіе Барселоны заставило содрогнуться много сердец» — начинает автор, т. к. — «в Испаніи затронуты жизненные интересы Россіи». «Об этом свидѣтельствует военная помощь, которую Сталин оказал Кабаллеро». — «Конечно, не из пристрастія к испанскому соціализму», спѣшно поясняет он.

«Испанія (республиканская) нужна Россіи, как возможная союзница Франціи». «Сам франко - русскій договор (автор нигдѣ не употребляет слова СССР, не без основанія полагая, вѣроятно, что это обезцѣнило бы его «патріотическіе» доводы) — мог ослабѣть». «При всѣх возможных поворотах политики паденіе Барселоны есть пораженіе Россіи...» Побѣда Франко — только побѣда Германіи и Италіи, залог их будущей гегемоніи. На Франко лежит вина: он поднял меч гражданской войны, его жестокость только «безсмысленна» и она только «инстинкт мести и классовой ненависти».

«Конечно, и красные запятнали себя преступленіями» — мягко допускает он, но это была самооборона. «Какая разница в нравственной вмѣняемости» (восклицает Федотов) этих двух враждующих сил! Республиканцы, «сражаясь за свою свободу, сами того не зная, — сражались за свободу Россіи». И, главное, «не прикрывались (как Франко) именем Христа».

И вот, в защиту коммунистической СССР, будто бы охраняющей національные интересы Россіи, отрекшейся от ея имени, за побѣду тѣх, кто первые возстали на Христа и сами объявили себя богоотступниками, — выступает г-н Федотов в статьѣ, которая осталась бы пятном на его совѣсти, если бы таковая имѣлась, и кладет тѣнь на издателей журнала, допустивших ея появленіе.

Один остроумный русскій мыслитель назвал Федотова «подколодным ягненком». Федотов доказал заслуженность этой клички.

«РОССІЯ ПОД ИГОМ», № 4 и № 5. Изд. Н. Т. С. Н. П. Париж.

Это изданіе Національно - Трудового Союза Новаго Поколѣнія «на правах рукописи» — заслуживает широкаго распространенія.

В прежнія времена такія тетрадки, отпечатанныя на ротаторѣ, не удостаивались обычно вниманія в обзорах печати. Нынѣ значительная часть «эмигрантской» прессы сознательно замалчивает здоровыя и полезныя начинанія, но не потому, что это «тетрадки», а вслѣдствіе нежеланія создавать «рекламу» явно антибольшевицкому **вольному слову.** Гнет подобной «эмигрантской цензуры» направлен в ту же сторону, что и цензура совѣтская.

В № 4 «Россіи Под Игом» наряду с документаціей (выдержки из совѣтских газет и журналов, мало вообще доступных нам), полной и показательной, мы обращаем вниманіе на статью «Наканунѣ ж.-д. катастрофы».

В № 5 начинаются печатаніем «Записки участника противосовѣтской организаціи X».

«Россія Под Игом» — изданіе своеобразное и, в первую очередь, могущее быть полезным тѣм, кто, пытаясь сорвать маску с совдостиженій, ведет антибольшевицкую работу среди иностранцев.

Всѣ статьи этого журнала обоснованы цитатами из совѣтской прессы: в одном № 5 использовано восемь совѣтских изданій: «Труд», «Извѣстія»,«Индустрія», «Бакинскій рабочій», «Правда», «Соціалист. Земледѣліе», «Большевик», «Комсом. Правда». Ни один эмигрант-одиночка не имѣет возможности охватить такую гамму совѣтских изданій. К тому же, часто совѣтская пресса читается неумѣло и тенденціозно, в результатѣ чего получается то, что случилось с младороссами, преклонившимися перед словесными достиженіями, выбирающими из большевицкой прессы похвальбу Сталина и не замѣчающими истиннаго лика непримиримости настоящей Россіи — под игом совѣтов.

К изданію этому придется еще возвращаться и пользоваться его выдержками из коммунистической прессы. Пожелаем же ему необходимаго, широкаго распространенія среди русских эмигрантов, желающих знать правду о своей Родинѣ.

Т.

Л. Н. ШИШКОВ. «Почему мы вѣрим в Россію». Изд. автора.

Политическая литература нашего времени бѣдна книгами, пропитанными настоящим національным духом, или страницами, могущими возбудить національную мысль.

Хотя с опозданіем, мы отмѣтим брошюру Л. Н. Шишкова «Почему мы вѣрим в Россію». Эта скромная книжка дает, несомнѣнно, достаточно вѣрную оцѣнку и настроеніям подъяремной Россіи и возможностям нашим, русских націоналистов, поскольку мы сможем и сумѣем отбросить от нас все совѣтское.

Брошюра Л. Н. Шишкова должна быть в библіотекѣ ищущаго русскаго патріота, думающаго послужить Россіи.

Нѣсколько мыслей автора дадут читателю понятіе об интересных темах, поднятых им:

«С точки зрѣнія философско-исторической, русская проблема вызывает обширную **идеологическую** проблему».

«Ключем к пониманію русской души является особый и своеобразный **«этическій динамизм»**, свойственный русскому человѣку и воспитанный в нем религіей».

И. Я. С.

ОТ РЕДАКЦІИ.

Не принято было, да и сейчас по традиціи не принято отмѣчать газеты в журнальном обзорѣ печати. Однако, условія нашей дѣятельности за рубежом своеобразны: во многих странах разсѣянія газета замѣняет и журнал. Соотвѣтственно этому, желая дать возможно болѣе полное отраженіе русской жизни в эмиграціи, мы — со слѣдующаго выпуска нашего журнала — введем отдѣл: **Обзор газет россійскаго зарубежья.**

Газеты для отзыва слѣдует направлять на адрес:

Mlle E. Tamansky.

153, avenue Foch, Herblay (S. et O.), France.

Зарубежная жизнь

СЛОВА И ДѢЛА.

I. ОЧЕРЕДНОЙ «СЪѢЗД».

«Всѣм, всѣм, всѣм» разослано сообщеніе о таинственном, тайном «бѣлом» съѣздѣ в Румыніи и приложены его резолюціи («триста тридцать пять строк машинописи», проси́т отмѣтить их автор).

Мы порадовались, получив эту новость: значит, все же не иссяк еще порох в пороховницах, значит, нашлись средства и силы, чтоб созвать такой съѣзд, значит, нашлась и дружественная страна — Румынія, — которая не побоялась такого наплыва русских политиков!

Однако, по провѣркѣ, радость наша оказалась преждевременной: оказалось, «съѣзд» состоялся и не в Румыніи, да и «съѣзда», говоря откровенно, и не было, ибо, по одной версіи, «съѣзжался» всего один человѣк, который и предсѣдательствовал, и выносил резолюціи, по другой же информаціи, съѣхались все же не то двое, не то трое...

Однако, «съѣзд» создал мощное движеніе: «Эмиграція **должна** помнить, что в мірѣ имѣется русскій національный центр, раз навсегда укрытый от большевиков и внимательно слѣдящій за всѣми процессами в эмиграціи» (в этой цитатѣ: три и шесть десятых строки машинописи).

Нѣкоторыя резолюціи «съѣзда» были бы интересны, если бы не поверхностная освѣдомленность об СССР и атмосфера блефа.

«Народ «воздерживается» от здороваго участія в трудѣ», говорит, напримѣр, резолюція съѣзда. — Мы полагаем и могли бы документально это обосновать, что народ не только «воздерживается» а **борется** (саботаж и возстанія).

В современных же дѣлах, в русских **современных** теченіях мысли, а тѣм болѣе в новых движеніях «съѣзд» разбирается слабо и явно безграмотен.

Блефы в политикѣ **больше не нужны.** К тому же в них, конечно, болѣе опытны оборонцы и младороссы. Пора было бы дѣлать **настоящее дѣло!** И обидно, что почтенные люди не могли удержаться от странной выходки, не вызывающей ничего, кромѣ грустных размышленій у тѣх, кто хочет реально работать для Россіи.

II. ОЧЕРЕДНАЯ «ЗАПИСКА».

Пишут, пишут и пишут... Нѣкій Б. Петрович (14 страниц «машинописи») тоже не удержался и повѣдал о своем планѣ: «Всероссійскаго Національнаго Центра», «как прототип русской національной власти» — со схемой личнаго состава Центра и с 12 комментаріями».

Не знаем, принимал ли он участіе в вышеописанном съѣздѣ, но его «скромныя писанія» носят характер такого же, но, может быть. болѣе невиннаго и менѣе научнаго блефа.

«Схематическій проект» личнаго состава Центра подчинен принципам математической гармоніи и вводит, наконец (дости-

женіе совѣтской власти!) метрическую систему в строеніе политических организацій!

«Всего», пишет он, «групп 10, всего членов 100». Наконец, мы обрѣли порядок, наконец общественность расцѣнивается не на устарѣлые пуды, а на килограммы!

Б. Петрович является проповѣдником демократіи. Его мысли, несомнѣнно, порадовали бы сторонников «Эмигрантских Дум» вродѣ столь извѣстнаго в прошлом, настоящем и будущем профессора и адвоката... Б. Петрович предлагает 1 делегата от тѣх стран разсѣянія, гдѣ проживает от 1 до 10 тысяч русскаго народа.

Мы не хотим спорить с автором и выражаем свой восторг перед этой схемой. Что же касается «12 комментаріев», то мы просили 120 наших лучших сотрудников дать свой отзыв о них в слѣдующем номерѣ нашего журнала.

III. ОЧЕРЕДНАЯ «ГАЗЕТА».

Новая газета: «Единеніе» (Центральный Заграничный Орган Россійскаго Національнаго Единенія. Ежемѣсячная газета. Адрес (только для переписки): 14, рю Дюрантон.

— 14, рю Дюрантон?

— Там, гдѣ?

— Да, там, именно...

— И передовая подписана «Б. Шварц»?

— Тот самый?

— О, какое трогательное «Единеніе»!

В первом № этой трогательной газеты помѣщена и трогательная статья с приложеніем — на цѣлую страницу — трогательной карты Европы.

Статья касается современнаго плана перестройки Европы. План подписан «Императором Соединенных Германо - Славянских Имперій» — Зигфридом, «императором Германским и Русским (?), королем Финляндским, Литовским, Польским и Богемским, королем Готов, Саксонцев, Вендов» и прочая и прочая.

Мы предполагаем, что «прочая и прочая» включает и титул «Алжирскаго бея» (того самаго, у котораго под носом шишка), а также и титул «отца Народов» — Іосифа Виссаріоновича Сталина, который во всяком случаѣ, весьма радовался новому Единенію с улицы Дюрантон.

IV. ОЧЕРЕДНАЯ «БРОШЮРА».

6 декабря 1938 года (грустно, что не указан час), зарубежная литература обогатилась новым продуктом г-на Левитскаго под названіем: «Что же нам дѣлать?»

Мы не успѣли пересчитать печатных и непечатных строк этого труда...

6 декабря — день знаменательный для эмигрантской мысли. Но уже давно — в 1921 году — на страницах Россійской исторіи было отмѣчено появленіе на свѣт другого произведенія того же автора. По собственному и добровольному признанію г-на Левитскаго, он опубликовал тогда:

«План ликвидаціи русской смуты».

Почему же, — спросит читатель, — русская смута еще не ликвидирована, хотя 17 лѣт тому назад г-н Левитскій уже запатентовал свой план ликвидаціи русской смуты?

Но г-н Левитскій не унывает и продолжает давать практиче-

скія указанія для разрѣшенія проклятаго вопроса: «Что же нам дѣлать?»

Что же нам дѣлать: мы не хотим лишать читателя удовольствія от чтенія этой брошюры и потому не приводим из нея цитат. Горячо рекомендуем это новое средство г-на Левитскаго всем страдающим от безсонницы.

V. ОЧЕРЕДНАЯ «ИНФОРМАЦІЯ».

— Боеспособность и крѣпость патріотизма Красной арміи показана теперь всему міру — в пререканіях с японцами за холмы Безымянный и Заозерный.

— Армія проявила боеспособность ,а все русское населеніе свою солидарность с нею. Чан-Ку-Фен нанес сокрушительный и, возможно, послѣдній удар «бѣлой мечтѣ».

— **Впервые — за послѣднее пятидесятилѣтіе — русская честь** была отстоена.

— Народ смиренно терпит гнет сталинской власти, дабы не нарушить единства в сопротивленіи внѣшнему врагу...

Все это — не выдержки из московской печати ,а писанія младороссов, смиренно терпящих клеймо второй совѣтской партіи.

И. Туптало.

ВОПРОСЫ И ОТВѢТЫ.

Эта рубрика доказала свою необходимость. Мы рѣшили включить ее и в наш журнал, ведя ее так, как она достойно ведется в самых крупных органах печати, отвѣчающих на всѣ жизненные вопросы и умѣющих в трудную минуту придти на помощь читателю.

I.

Х. Х. из Вальпарайсо.

Вопрос. — Я прибыл сюда недавно. Не выдают паспорта, ссылаясь на то, что из-за научных, финансово - экономических и удачных дѣл я случайно жил с 1918 г. по 1938 год при Вѣнской тюрьмѣ. Это отчего-то служит препятствіем для выдачи нужных бумаг. Кому жаловаться? Что дѣлать?

Отвѣт. — Пока не жалуйтесь никому. Скажите просто, что Вы были в тюрьмѣ из-за политических треній с варварской властью.

II.

Я. Ц. с острова Х, близ Мальты.

Вопрос. — Я живу близ Мальты вот уже 15 лѣт. Кому подать заявленіе о награжденіи меня мальтійским орденом, хотя бы 1-ой степени?

Отвѣт. — Ряд видных и всѣм извѣстных русских дѣятелей, а также и журналистов, награждались орденами не только за 15-лѣтнее пребываніе. Мы совѣтуем обратиться лично к ним за справками.

III.

Иван Никифорович из Парижа.

Вопрос. — Сего 4-го января, в 23 ч. 12 м., в пылу литературнаго

спора на тему «Слова и дѣла», но в трезвом видѣ, на публичном собраніи общества «Эллипс», куда допускается только цивилизованная и европейская публика, без зонтиков, я назвал извѣйстнѣйшаго культурнаго литератора Х круглым гусаком, публично заподозрил его в том, что он происходит от обезьяны, а не от Адама, и вызвал его на дуэль. Теперь, тоже в трезвом видѣ, глубоко сожалѣю о нарушеніи цивилизаціи и о своих воинственных замыслах, вызванных фашистскими вѣяніями, носящимися теперь повсюду и в воздухѣ, и на землѣ. Как выйти из этого положенія?

Отвѣт. — Мы навели справки: сего 4-го января, в 23 ч. 16 мин. г-н Х. покинул Париж в неизвѣстном направленіи, но оставаясь в предѣлах цивилизованнаго мира. Если Вы поѣдете за ним мириться, то он, не зная о Вашем миролюбіи, несомнѣнно уѣдет дальше и может попасть за предѣлы цивилизованнаго міра. Вина тогда ляжет всецѣло на Вас. Общественное культурное мнѣніе «Эллипса» Вас никогда не оправдает.

Совѣтуем дать крупное объявленіе в ежедневной прессѣ, гдѣ сотрудничает Х., о том, что Х. не гусак, и не круглый. Что касается обезьяны, не берите слов обратно, ибо цивилизованная наука, начиная с Дарвина, подтверждает Ваше мнѣніе.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ

Дорогой г-н Редактор,

Если пишу Вам, то потому что узнала о выходѣ новаго журнала, что всякое новое печатное слово меня волнует, что я с ранних лѣт живу смиренным соприкосновеніем этому міру и вдохновенных дерзаніем. Вы — раз Вы мой ровесник — должны помнить (и не могло это изгладиться из Вашей памяти) первые мои шаги, робкіе, но в которых звучал уже будущій полет всей моей жизни. Я говорю о звучащих строчках 18 мая 1906 г., за которыя уже тогда мои сверстники прозвали меня «золотым сердцем». А затѣм ... поэзія меня поглотила... О, для чего пишу об этом, для чего вспоминаю! Оранжевый туман столицы... — вспоминается так многое, непередаваемое...

Как не разсказать, как я всегда стремилась к знаменитостям, как удавались лишь разговоры в передних, как сидѣла не раз с мистическими переживаніями, безрезультатно у Блока на лѣстницѣ, как, наконец — меня принял Адамович... С ним вмѣстѣ рвем при свѣтѣ камина фотографіи Штирнера; вмѣстѣ с ним возвышаемся над проблемой пола и находим ключ тайны и тайну ключа. Вмѣстѣ сознаем, что в нашей средѣ сосредоточилась вся культура міра. Мы были тогда музеем вселенной. В жизни — мы были циничны и нецѣломудренны, в области же духа вялы и бездѣйственны. Пока Россія спала во тьмѣ, а мы бодрствовали в сіяніи нашей неизбывной тлѣнности, наступила революція, прекратив нашу дѣятельность. Не стало больше ночных споров о Христѣ до утренней яичницы, остались однѣ опаляющія воспоминанія...

«Безумных лѣт угасшее веселье
Мнѣ тяжело, как смутное похмѣлье,
Но, как вино, — печаль минувших дней,
В моей душѣ, чѣм старѣе, тѣм сильнѣй...»

Нам теперь осталось в удѣл одно искупленье добрыми дѣлами, и мой сан обязывает меня к молчанію. Но, услышав о рожденіи

Вашего журнала, не могу воздержаться от соблазна снова предаться моим воспоминаніям ,которыя всѣ не вмѣстились на страницах свободнаго общественно-политическаго и литературнаго органа, уже печатавшаго меня.

Надѣюсь, что Ваш журнал проявить такую же принципіальную и широкую терпимость, и что Вы душою понимаете, что не только, как говорят французы, одежда создает монаха.

Прошу вѣрить в задушевную искренность моих смиренных пожеланій успѣху Вашего дѣла. **Мон. Марта.**

П. С. Кстати, Вы, кажется, учились в гимназіи с моим вторым или третьим мужем? Не знаете ли, гдѣ он, при воспоминаніи о нем бѣшено бьется сердце... **Мон. Марта.**

ОТ РЕДАКЦІИ.

I. — **Редакція не придерживается правила:** «непринятыя рукописи — не возвращать» и **отказывается** от традиціи «по поводу их не вступать в переписку». Редакція будет возвращать рукописи и вступать в переписку с авторами — по мѣрѣ своих сил — и при условіи приложенія почтовых марок (во Франціи) или международных купонов. Редакція отвѣчает лишь за рукописи, присланныя заказными письмами и возвращает их только заказным же порядком, что слѣдует учесть при присылкѣ марок или купонов для обратной пересылки.

II. — Принимаются **объявленія** в № 2 журнала. Об условіях справляться в секретаріатѣ (адрес — ниже).

III. — Рукописи, всю переписку, почтовыя марки и международные купоны для отвѣта слѣдует направлять на адрес секретаріата журнала:

Mlle E. Tamansky.

153, avenue Foch, Herblay (S. et O.), France.

Всѣ денежные расчеты по журналу (почт. переводы и. т. п.) слѣдует посылать **исключительно** на адрес казначея журнала:

Monsieur Stephan Chabratzky.

17, rue Gauthey, Paris XVIIe, France.

КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ДЛЯ ОТЗЫВА:

до 15 февраля 1939 г.

1. «L'enlèvement du général de Miller par le général Skobline». Plaidoirie de *Me Maurice Ribet*.
2. **І. М. Бикерман.** «К самопознанію еврея». Париж, Склад. изд. «Дом Книги».
3. **Г. Газданов.** «Исторія одного путешествія». Изд. «Дом Книги», Париж.

Книги, брошюры и журналы для отзыва слѣдует посылать на адрес:

Mlle E. Tamansky.

153, avenue Foch, Herblay (S. et O.), France.

Le Gérant : Nicolas Sergueeff.

Imprimerie VAL, 124, rue Compans. Paris 19.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Цѣна отдѣльнаго № (без пересылки):
Во Франціи : 6 франков.
Въ другихъ странах : 20 амер. центов.
Принимается подписка на 1939 год:
— Четыре № в год. —
Съ пересылкой:
Во Франціи : 24 франка.
Въ другихъ странах : 80 амер. центов.

— Пересылка по оффиціальному почтовому тарифу. —

Складъ изданія:

Librairie «La Renaissance»
73, av. des Champs-Elysées
Paris 8e

ГРАНЬ

„GRAGNE"

REVUE TRIMESTRIELLE

№ 2.

ІЮНЬ-АВГУСТ.

1939

ПАРИЖ

REVUE TRIMESTRIELLE

Кончено ьремя игры,
Дважды цвѣтам не цвѣсти
Гумилев.

ГРАНЬ

ОТКЛИКИ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ И МЫСЛИ

Подъ редакціей:

С. В. ІЕГУЛОВА и И. Я. САВИЧА

№ 2.

ІЮНЬ - АВГУСТ.

1939

ПАРИЖ

СОДЕРЖАНІЕ.

ПОѢЗДКА.

Этот человѣк, богатый и безрадостный, уроженец Вѣны, осьмого бецирка, иногда, часа в три ночи, на собственном длинном и очень поворотливом автомобилѣ, прiѣзжает ко мнѣ, будит, заставляет одѣваться, тащит вниз, сажает с собою, у руля, и отмыкает плоским ключиком мотор. Машина, как от кнута, вздрагивает и начинается наш безшумный „воровской путь".

На передней планкѣ рефлекторным свѣтом освѣщены часы с арабскими цифрами, изображенiе св. Христофора, кажущагося горбатым, скорости, кнопки, изящные рычажки и мѣдная карточка с именем хозяина, похожая на визитную.

Я знаю, что приводит этого человѣка ко мнѣ: он влюблен в русскую и та мучит его по всѣм правилам русскаго любовнаго этикета. Ради нее вѣнец выучил двѣ сотни наших слов и путает спряженiе со склоненiями.

От страданiя безмолвнаго, безслезнаго он не может спать; читая, не понимает смысла, вино не пьянит и даже кэпстэн с синим ярлыком не затуманивает крови. Клубная игра, отчаянная и крупная, не дает ощущенiй и приносит досадное счастье, связанное с непрiятным повѣрiем.

Он по-вѣнски романтичен, обожает Пратер, вальсы Iоганна Штрауса и Ланнера и считает Бург-Театр первым театром Европы.

Я знаю, что в припадкѣ ночных меланхолiй, если рядом с ним не будет живого человѣка, он способен вмѣстѣ со своим синим автомобилем влетѣть в Сену или очутиться у китайских опiофагов — и тогда пропала безхитростная человѣческая жизнь, испытуемая любовью.

Мы проносимся мимо продолговатаго и по-ночному неуютнаго лѣсного озера и я завидую спящим рыбам. Потом вырываемся к ипподрому, мчимся по сыроватому шоссе Сены, мимо аэропланных и парфюмерных заводов, мимо Голубого Павильона, вылетаем на булыжную мостовую, на которой начинаем чувствовать эластичность рессор и подушек,

и, не мѣняя скорости, пожираем пространство, отдѣляющее нас от Версаля.

Версаль спит. Единственной незагороженной дорогой пересѣкаем только с краев свѣтлѣющій парк и потом выбираемся на пути, мнѣ неизвѣстные. Всюду — узенькіе трехоконные ветхіе домики. В них на восемь часов притихли: гордость, жадность, тщеславіе, злоба и жажда счастья.

Изрѣдка, навстрѣчу нам, попадаются циклопическіе возы с овощами, плотно утрамбованные, или автомобили с запоздавшими гуляками, которые не зажигают сигналами и заставляют моего спутника ругаться вѣнскими площадными ругательствами.

Хромыя ноги циферблата незамѣтно ползут вокруг римских цифр — и вот начинается разсвѣт, милліоны лѣт ждавшій своей чреды: послѣдній для одних, первый для других. Он осторожен, этот разсвѣт, и старается не сразу обезпокоить спящее. Он знает, что сейчас работают милліарды сцен на которых подвизаются еще большіе милліарды диковинных и вѣщих актеров, в пьесах процвѣтают положенія, противоположныя дневным и на них непохожія: кролики пожирают удавов, на богачей ползет биржа с хвостом, постепенно превращаясь в одноглазую вѣдьму.

Потихоньку, одну за одной, сначала тѣ, что поближе, онъ тушит звѣзды. Потом, как тѣсто, он замѣшивает в одно цѣлое тучи и облака, припуская в них сначала темной, потом рыжей краски. Затѣм на востокѣ, гдѣ-то далеко, над Воронежом или Курском, он проводит первую цвѣтную линію и по ней уже можно догадаться, добрым или злым будет грядущій день. И пѣтух почтительно орет ему навстрѣчу прапрадѣдовское исполлаэти, составленное из четырех нот.

Автомобиль, не чувствующій безсмысленности нашего пути, продолжает по собачьи покорно нестись вперед, попирая свѣт собственных фонарей. Мы со спутником ни слова не говорим друг другу и думаем: я — по русски, он —по нѣмецки.

Наконец, в каком то угловом кафе вспыхивает газ и синевато освѣщает два окна: одно — послабѣе, другое — посильнѣе. Когда мы подкатываем к нему, то видим, что дверь уже отперта и за стойкой возится человѣк в ночном фланелевом бѣльѣ. Мы входим и трактирщик, еще не помывшій лица, встрѣчает нас сухо. Мы видим, как в цилиндр он засыпает три больших кулька цикорія и полфунта кофе от Феликса Потэна.

Мы садимся за стол, на котором перочинным ножом вы-

рѣзано ружье, и начинаем ждать, когда цилиндр закипит.

И вдруг на ломанном русском языкѣ, смѣшивая прошедшее время с настоящим, мой спутник говорит:

— Чтобы любить русскую женщину, нужно во-первых: вернуть ей все, что она потеряла во время революцiи, во-вторых, посылать ея мамашѣ на Одессу, в третьих, устроить ея братика на Парижѣ и, в четвертых, выстроить коллонаду, вокруг которой она могла-бы извиваться.

Произнося это, он зло смотрит на меня и поочередно загибает четыре пальца.

Я понимаю, куда он мѣтит, но мнѣ лѣнь говорить, голова полна сладкаго утренняго кавардака, все в мiрѣ мнѣ кажется простым и незначительным.

— И, в пятых, ти дурек. Загны мязинец на кольцо, отвѣчаю я, дразня его акцентом.

Очевидно, он чувствует какую то истину в моих словах, закрывает лицо ладонями и безсильно о чем-то думает по-нѣмецки.

Между тѣм, хозяин, видя, что клiенты прiѣхали в просторной и дорогой машинѣ, скрывается в жилую комнату, плескается там водой и выходит с мокрыми волосами, с посвѣтлѣвшей кожей на скулах и в бархатных штанах с спортивным поясом. Дыша в стаканы, он натирает их замшевой тряпкой, а под цилиндром горят покачиваясь огни с голубой каемкой и все больше безпокоят воду, цикорiй и кофе.

— Что же по твоему нужно по причинѣ любви? — спрашивает спутник и по моим глазам чувствует, что дѣлает грамматическую ошибку.

— Возьми имѣнiе твое и раздай нищим, отвѣчаю я.

— И что будет для этого? — снова спрашивает он, путая предлоги.

— Тогда ты, по крайней мѣрѣ, будешь знать, что тебя не обманут. Понял? Только бѣднякам не врут в любви...

— И это уже колоссальное счастье! — восклицает он.

Я улыбаюсь слову «колоссальное» и наставительно говорю:

— То то и оно то.

Он сочувственно кивает головой и снова думает по-нѣмецки.

В кафе входят полицейскiе велосипедисты и, подойдя к стойкѣ, протягивают лѣвыя руки хозяину, встрѣчающему их с нѣсколько искусственным радушiем. Полицейскiе, видимо, провели безсонную ночь, лица их — сѣры и скучны.

— Не жарко? — спрашивает хозяин.

— Не жарко! — отвѣчают полицейскіе и спеціальным, скользящим, но хорошо запоминающим глазом осматривают нас.

— Скоро начнется зима, — говорит хозяин, не отрываясь от работы.

— Скоро начнется зима, — невесело отвѣчают полицейскіе.

А мой спутник, вьет в головѣ свою нить дум и, не замѣчая ни полицейских, ни их коротких сапог и широких шаровар, по велосипедному перевязанных внизу, выкладывает мнѣ странное сплетеніе своих глаголов и винительных падежей.

— Кого я знаю? — спрашивает он сам себя и отвѣчает: — я знаю французов, я знаю нѣмцев, вѣнских, мюнхенских, берлинских, я знаю итальянцев, англичан, норвежцев...

— И ты не знаешь русских? — подсказываю я.

— Я знаю то, что вы чѣм-то отличаетесь от других людей, — глядя на рекламный плакат, отвѣчает он.

— Уж не хочешь ли ты знать, чѣм мы отличаемся от других людей? — спрашиваю я.

— Хотѣл бы кое-которое знать, говорит он.

— Мы не цѣним сытости, сказал я: — понял?

Этого он не понимает и вдруг, ни с того ни с сего, начинает ругать русских, меня, свою возлюбленную, министров, русскій рубль, революцію, Государственную Думу, — ругает ожесточенно, с надрывом, со скрежетом зубов, и, дойдя до эмиграціи, вмѣсто: «высунув язык», говорит, что она бѣжала из Крыма, уронив язык.

Утро наступает чудесное и через окно я вижу, как вдоль дороги ложится первый солнечный осенній свѣт и полоска отдѣляет траву в тѣни от травы на солнцѣ. Я понимаю, что, если я не начну отругиваться, то он начнет упрекать меня в славянской мягкотѣлости, и я в шутку говорю, что в вѣнском музеѣ нѣт ни одного подлиннаго Рубенса и что мюнхенское пиво — хуже калинкинскаго.

Хозяин подает нам кофе в низеньких чашках, сахар в желѣзной кастрюлькѣ, смотрит на меня подозрительно и думает, не обыграл ли я невзначай, по ночному дѣлу, своего товарища в карты?

Кофе обжигает пересохшіе рты и так горячо, что начинают ныть задніе зубы.

Мой спутник достает офицерскій портсигар со старо-

модным шнуром для зажиганія, предлагает мнѣ итальянскій экспортный джубек и мирно говорит:

— Перекурим это обстоятельство.

Табак отдает восточной пряностью и полицейскіе ощущают его с подозрительным любопытством. Дым нѣжен, с воздушной голубизной, переходящей у потолка в сѣрость.

Хозяин толкует дым по своему и, вѣроятно, думает, что знатным гостям было-бы не вредно сварить кофе болѣе обстоятельное.

Полицейскіе вышли на улицу и, запоминающее покружив около нашего автомобиля, поѣхали дальше нога в ногу. По направленію к Лувру промчался пустой автобус, номер первый. В кафе, открыв дверь головой, увѣренно вошел рыжій пес.

— Здравствуй, Бубуль, сказал ему хозяин: — как живешь-можешь? Как прошла ночь? Небось кушать хочешь?

Пес подошел к нему и счастливо мотал хвостом. Хозяин, перейдя в иной мысленный план, чесал у него за ушами, пес молча благодарил за ласку, смотрѣл горячими глазами, а хозяин с тѣм акцентом, с каким разговаривают с звѣрьми, продолжал:

— Бубуль работал всю ночь, Бубуль караулил, Бубуль никого не пустил, Бубуль проголодался, Бубуль сейчас получит хлѣба с патэ. Бубуль — молодец, замѣчательнѣйшій пес... Первый пес во всей округѣ...

Пес потянул носом в сторону дыма, неодобрительно посмотрѣл на нас и чихнул.

И. Сургучев.

***

Снова карты и шаль, и запястья.
Ворожи, милый друг, ворожи —
Предскажи мимолетное счастье
Для моей мимолетной души.
Разскажи, дорогая злодѣйка,
Что голубушка мнѣ невѣрна,
Что вино меня губит, — налей-ка
Ты в бокал мнѣ полнѣе вина.
Не ждала за гаданье подарка, —
Получай же его, получай!
Не заглушит гитара-гитарка
Этот наш поцѣлуй невзначай.
Вот оно — мимолетное счастье!
Не смогла ты его предсказать.
Ну, да я погадать тоже мастер,
Только было бы с кѣм погадать.

Николай Туровѣров.

***

Оттого ли, что весна близка,
Оттого ли, что тебя не вижу,
Город я все больше ненавижу,
И все чаще снятся мнѣ поля,
Заросли ольхи и лозняка...
Бѣдная... прекрасная земля...
Что это — весенняя тоска,
Или, может быть, предсмертная тоска,
Или это о тебѣ тоска,
О твоих словах, о твоих снѣгах.

Манит небо, голубая манит даль;
Ночью звѣзды... тѣ же, что над той землей...
Солнце встанет... то же, что над той землей...
Все бы бросил и в ту даль бѣжал...
По тебѣ тоска, как стальной кинжал.
Ничего не жаль... Никого не жаль...
Что это — весенняя печаль,
Или, может быть, предсмертная печаль,
Или это о тебѣ печаль,
О твоей душѣ, о твоей землѣ.

Владимір Бранд.

**
*

О тайном Сущем только вѣра
Дает отвѣт.
В наукѣ звѣздной наша мѣра
Лишь время-свѣт.

Потоки звѣзд, пути свершая,
Лучи струят,
Мерцанье свѣта излучая,
Полет стремят.

И в свѣтѣ ток непостижимый
Рождает звук.
От звука к слову искрой зримой
Замкнулся круг.

Вл. Дитерихс фон Дитрихштейн.

НОЧЬЮ И ДНЕМ.

(Отрывок из цикла «Легіон»).

«Attentif, longuement, j'ecoute
La grande voix du silence».
Лермонтов.

Пустыня распростерла свои крылья во всю ширь горизонта. Простор — манящій и волнующій. Русалочьим, холодным, серебристым блеском отливает необ'ятная равнина, осіянная лунным свѣтом.

Легкій, теплый вѣтерок коснулся моего лица. Я вспомнил, что мнѣ нужно продолжать обход и пошел вдоль наружной стѣны к таинственно-темнѣющей пальмовой рощѣ. Вблизи послышались гулкіе шаги: из черной тѣни вышел часовой. Серебряной молніей сверкнул лунный блик на его штыкѣ.

— Rien à signaler, caporal — тихо произнес он, словно не желая нарушить своим голосом торжественную тишину ночи.

Я возвращаюсь обратно. Двор рѣзко испещрен тѣнями: как будто около стѣн положили на сіяющій бѣлый песок куски черного сукна. Отсюда мнѣ видна тяжелая громада Атласских гор, закрывающая прозрачное ночное небо. Властная тишина царила всюду.

Я обхожу одно из глинобитных строеній, гдѣ помѣщается полурота. Между этим зданіем и зубчатой стѣной привязываются на ночь мулы. Я розыскиваю глазами Канара среди группы мулов нашего взвода. Вот он стоит, слегка опустив голову. Я пробираюсь к нему, раздвигая осторожно плечами его сосѣдей. Уши Канара дрогнули — он посмотрѣл на меня своими прекрасными глазами и потянулся ко мнѣ. Я провел рукой по его, слегка вздрагивающим, ноздрям и коснулся прохладных нѣжных губ. Канар слегка фыркнул, осторожно отстранился и затѣм мягко провел губами

— снизу вверх — по моей щекѣ, обдавая меня своим дыханіем.

Я вынул из патронташа кусок сахару и дал Канару. Сосѣдніе мулы, до сих пор мирно дремавшіе, сразу протянули ко мнѣ свои головы, но я, переступая через цѣпи и нагибаясь, уже выбирался из ночного «сектора».

Вернувшись в караульное помѣщеніе, я сѣл за стол. Желтый, унылый свѣт керосиновой лампы казался жалким и прозаическим, по сравненію с лунным. На столѣ тикал помятый, кривобокій будильник. Напротив, у стѣны ровным рядом стояли в стойкѣ карабины. В сосѣдней комнатѣ похрапывали легіонеры, лежа на земляном полу. Я сдѣлал необходимыя записи в караульной книгѣ и вдруг мнѣ захотѣлось спать. Заснуть, забыть все на свѣтѣ! Я почувствовал пріятную истому, охватывающую все тѣло. Какіе-то неуловимые отрывки полузабытых впечатлѣній закружились передо мной, но стоило сосредоточиться на чем-либо, как все исчезало. Есть воспоминанія, не выносящія прикосновеній, как узор на крыльях бабочки, превращающійся в тонкую пыль на пальцах.

Чтобы не заснуть, я скрутил толстую папиросу из грубаго табака и вскорѣ синеватый дым медленно поплыл около лампы, бросая тѣнь на раскрытую тетрадь. Я вспомнил про мое начатое письмо, и, взяв карандаш, вышел и сѣл на прохладный каменный порог. Я стал читать начало:

«Я пишу при лунном свѣтѣ и вижу тебя всю в ярких холодных лучах. Я вспомнил, что сейчас весна. Вѣрнѣе, там весна. На длинных тонких вѣтвях берез уже зеленѣют душистыя почки. В ложбинах лежит послѣдній умирающій снѣг, пронзенный нѣжнѣйшим стебельком подснѣжника. Знаешь, я промѣнял бы море пальм на одну березовую вѣтку!

Только что я пережил величайшую радость: мнѣ показалось, что страницей этого письма играет вѣтер с берегов Оки. Прохладный и весенній вѣтер.

Сейчас я чувствую на губах свѣжесть и аромат березоваго сока. Я сжимаю в моих руках, сквозь прохладный мѣх твоей шубки, упругое скользкое тѣло. Я вижу только тебя. — Беззвучно рухнули и растворились в воздухѣ скалы Атласа — зубчатая стѣна превратилась в туман — и лишь твое лицо цвѣтет, передо мной... твои глаза! В несуществующей теперь странѣ, в несуществующем отнынѣ мірѣ»...

Я прерываю письмо: пора смѣнять часовых.

Я отбросил папиросу, искры разсыпались по песку и погасли. Так гаснут воспоминанія — подумал я.

Протяжный рѣзкій крик прервал мои мысли. Меня всегда поражал этот зов. Так обыкновенно перекликаются арабы в пустынѣ. Это — утренній призыв к Аллаху — значит скоро будет разсвѣт; но развѣ сейчас не свѣтло?

В молитвѣ невѣдомаго мнѣ араба звучит абсолютная увѣренность в том, что голос его доносится до ушей Аллаха и его пророка, находящихся гдѣ-то здѣсь, поблизости.

Смѣнив часовых, я задержался в воротах: на востокѣ небо позеленѣло. Пустыня начала меркнуть. Я повернулся лицом в противоположную сторону: вершины гор загорѣлись ярким, красным огнем. Я взглянул на часы и разбудил горниста.

Немного погодя рѣзко пронеслись, разрывая тишину, мѣдные звуки побудки. Сразу же послышались голоса капралов, кричавших: «Debout!». Затѣм полуодѣтые дежурные побѣжали к кухнѣ, с металлическими кувшинами в руках.

Яркій лунный свѣт еще боролся с солнечным. Пламя пылало на вершинах Атласа, постепенно опускаясь книзу. Зеленая полоса неба стала шире и ярче. Пальмовая роща покрылась лиловатой дымкой — короны пальм слились в одну сплошную массу и только колѣнчатые стволы кое-гдѣ выдѣлялись какими-то уродливыми змѣями, тянущимися к небу.

Во дворѣ послышалось движеніе. Легіонеры начали выводить мулов на дневной «сектор», расположенный прямо в пустынѣ: перед воротами.

Дневной свѣт побѣдил. Ненужная луна большим снѣжным комом висѣла в нѣжно-синей прозрачности воздуха. Горы от вершины до подножія свѣтились раскаленной бронзой. Пустыня покрылась сиреневой тѣнью.

Огненная полоска солнца вспыхнула на горизонтѣ и лиловатый покров пустыни во многих мѣстах засверкал. Теперь стали видны искрящіяся возвышенности и темныя впадины.

Я стоял у ворот, лицом к востоку. Мимо меня изрѣдка проводили мулов. Они шли мелкой рысью, из под их копыт поднималась золотая, прозрачная пыль. Я обернулся на гулкій топот. Прямо на меня мчался молодой стройный мул — Сирокко. Он был без ошейника и без цѣпочки. Я преградил ему путь, разставив руки. Сирокко повернул обратно, затѣм снова приблизился ко мнѣ. Его глаза были устремлены на зовущую, сіяющую в утренних лучах солнца, даль. Он остановился около меня, ноздри его раздувались. Все его

существо жаждало свободы, шири, бѣга. Вдруг он мотнул головой, кинулся вбок и затѣм на одно мгновеніе двѣ сверкающія серебряныя подковы повисли в воздухѣ на уровнѣ моего лица. Я ждал, что он лягнет и, поэтому, успѣл во время откинуться назад.

Теперь уже я нападаю. Прохожу мимо, как бы не смотря на него и затѣм быстрым и рѣзким движеніем хватаю его за ухо. Сирокко ринулся было назад, но я изо всей силы, до боли в запястьи, скрутил винтом его нѣжное ухо и медленно подвел его к воротам; он взглянул на меня уже покорными и грустными глазами и только вздрагивающія ноздри говорили о его желаніи.

Внезапно выпустив ухо, я звонко хлопнул рукой по его, лоснящейся на солнцѣ, спинѣ. Мул бросился вперед бѣшенным аллюром. Длинная струя пыли потянулась за ним. Теперь он маячит вдали темной точкой. Я слѣжу за ним глазами, вѣрнѣе за хвостом пыли.

Сирокко описал нѣсколько больших кругов и сейчас несся обратно. Он дѣлал невѣроятные прыжки, поднимая заднія ноги выше головы, становился на дыбы. Мчался то сумасшедшим галопом, то вдруг рѣзко останавливался. Он наслаждался свистом вѣтра в ушах, свободой, и я завидовал ему. Вот он лег на песок и стал кататься с боку на бок, поднимая облака пыли. Потом встал, встряхнулся и снова помчался вдаль, едва касаясь ногами искрящейся почвы.

Когда дежурные, нагибаясь под тяжестью наполненных ячменем торб, направились к мулам — Сирокко крупной рысью подбѣжал к «сектору» своего взвода. Немного погодя, в ошейникѣ, привязанный за цѣпочку, засунув голову в торбу, он с наслажденіем жевал ячмень, под ворчанье дежурнаго, похлопывающаго его по пыльной спинѣ.

Солнце льет свои жгучіе и ослѣпительные лучи в сверкающую тишину пустыни. Я обошел мулов и медленно направился к воротам. Вынимая пакет табаку, я нашел в патронташѣ сложеный листок. Это было мое незаконченное письмо.

В это время налетѣл кружащійся столб пыли. Его вершина изогнутым рукавом касалась неба. Смерч надвигался прямо на меня. Я быстро разорвал письмо и, когда вдруг очутился в темном кружащемся вихрѣ, то зажмурился и раскрыл ладонь. Мгновеніе спустя я протер глаза — смерч был уже далеко. Я знал, что обрывки моего письма достигли до небес.

Борис Алексѣев.

СВИДѢТЕЛИ ВѢРНЫЕ.

(«НОВАЯ ТВАРЬ»)

Предисловіе.

Статья, предлагаемая вниманію читателей, есть двѣнадцатая глава готовящейся к печати книги: «Тайна святых — введеніе в Апокалипсис».

Чтобы понять пророчество ап. Іоанна о судьбах міра, необходимо созерцать сокровенную жизнь церкви Христовой. Эта жизнь раскрывается не через видимыя событія церковной исторіи (смѣну іерархов и их дѣйствій, рост различных учрежденій в церкви, исторію ересей, развитіе богословія и пр.), а через разсмотрѣніе различных духовных состояній церкви, в которых она пребывала в теченіе почти двух тысячелѣтій своей жизни на землѣ. Двѣнадцатая глава относится ко второй части книги: «Церковь в пустынѣ». (Первая часть называется: «Церковь в свѣтѣ»). В этой части изображается церковь в ея несовершенном состояніи, когда святые (иначе духовные, по апостольской терминологіи) являются по особой милости Божіей, а не рождаются самой церковью, как при ея совершенном состояніи (сказано в «Откровеніи Св. Іоанна»: «жена родила младенца мужскаго пола», «Откр.» 12, 5). В двѣнадцатой главѣ святые в церкви, убѣжавшей в пустыню («жена убѣжала в пустыню», «Откр.» 12,6), изображаются в их отношеніях к прочим членам церкви; их же особенныя черты, присущія духовным этого состоянія церкви, служат темой слѣдующей тринадцатой главы.

***

Смысл продолженія жизни человѣчества послѣ грѣхопаденія прародителей заключался в Божіем обѣтованіи Спасителя міра. Внутреннее состояніе людей, которые были

способны питать это чувство-мысль (грядущую правду, отсутствующую в мірѣ) даже не вполнѣ сознательно (напр., греческіе философы, вообще, язычники, не имѣвшіе обѣтованія, как Израиль) — внутреннее состояніе этих людей было дѣйствительностью тогдашняго міра. Все остальное, — разнообразныя событія жизни людей на землѣ: исторія, — не имѣло значенія; могло быть так, могло быть и совершенно иначе. В общем же шло строеніе царства земного, во главѣ котораго стоял дьявол, «князь, владычествующій в воздухѣ». Он не имѣл силы для созиданія, но он извращал, матеріализовал духовные (небесные) вкусы человѣка и направлял его творческую способность на свое дѣло.

Когда Христос основал церковь — свой род на землѣ, Он послал Утѣшителя — Духа Святаго, который преобразил всѣх членов Христовой церкви — они сдѣлались духоносными, новой тварью: «тот, кто во Христѣ — новая тварь; древнее прошло, теперь все новое».

Недолгое время церковь Христова состояла только из тѣх, кто именуется новой тварью, иначе духовными, совершенными: «Было время, —говорит Григорій Богослов, — что сіе великое тѣло Христово, церковь Его была народом совершенным».

Постепенно проникавшій в сердцевину церкви антихристов дух («в храмѣ Божіем сядет он, как Бог») охладил любовь братіи друг к другу, — т. е. то, без чего новая тварь не может существовать, как рыба без воды.

Но согласно Своему слову: «Я с Вами во всѣ дни до скончанія вѣка», Христос избирает вѣрных свидѣтелей Себѣ и посылает их в мір по чину Мелхиседека, дает им силы, которых лишены члены нелюбовной церкви.

Таким образом, новая тварь чудесной (вѣрнѣе сказать, непостижимой) милостью Божіей продолжает жить в церкви, гдѣ жить не может.

И дѣйствительность міра заключается в борьбѣ избранников Божіих с антихристовым духом в церкви, в их любви к ближним и в отвѣтной любви братій к ним. Их успѣх обозначает приближеніе человѣчества к цѣли христіанства, их неуспѣх — замираніе жизни на землѣ, угроза небытія.

Приблизительно наблюдаются три состоянія, в которых святые пребывают на землѣ. Первое — они на горѣ, явлены в славѣ Божіей. Второе — они удалены от міра, свѣтят

издалека. Третье — они в рабском видѣ, как бы скрыты от людей. Эти состоянія могут повторяться во времени.

«И мы видѣли славу Его».

Бывают времена, — вѣяніе счастья проносится по лицу земли. Святые живут среди людей, бесѣдуют с ними запросто, посѣщают семьи, принимают угощеніе; подобно Господу Іисусу участвуют в их скромных торжествах: свадьбах, именинах, крестинах. Утѣшают в скорбях. Сопутствуют на церковных службах. И чудным видѣніем становится человѣческая жизнь. Воистину переживают люди то чувство, о каком сказал Христос: «придите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные и я успокою вас».

Бесѣда со святыми! Вѣдь у них нѣт своих слов, они не в состояніи говорить праздно. Их рѣчи — это обращеніе Духа Святого к сердцам людей, бесѣда Христа.

В настоящее время нам знакома лишь фальсификація истинных чувств. Но, если мы попробуем выправить понятія, то скажем: в блаженныя времена прославленія Господом своих вѣрных свидѣтелей, люди могут общаться не с благовоспитанными, а с благостными, не с гуманными, а с любящими, не с умными (богатыми разнообразными идеями), а с просвѣщенными Духом Святым.

— Он был свѣтильник горящій и свѣтящій: а вы хотѣли малое время порадоваться при свѣтѣ его, — сказал Господь Іисус об Іоаннѣ Крестителѣ.

Тоже самое слѣдует сказать о каждом святом, прославляемом великими дарами, подвигами, ученіями, чудесами. Свѣтильники Божіи! Созерцая их, люди сами начинают святиться, сердца летят горѣ.

Но развѣ в состояніи мы представить себѣ, что дѣлалось с нашими счастливыми братьями, жившими в ту пору, когда человѣк Божій открыто предстоял міру! Мы привыкли в исторіи искать катастроф, героев, громоздящих одни событія на другія; великих дѣятелей, сотрясающих государства и народы и направляющих их будто бы по новым путям.

И мы не подозрѣваем, что лишь шумно-пустое и лживое вопіет к нам из дали прошлаго, а праведныя времена молчат, они исчезают из вниманія вѣка сего. Чтобы открыть истинную жизнь народа, слѣдует читать житія святых.

Вот говорит свѣтскій историк о XIV вѣкѣ: «то было порой всеобщаго упадка на Руси, временем узких чувств и мелких интересов, мелких, ничтожных характеров».

Но мы знаем, что никогда не горѣла столь великим огнем Московская земля, как в XIV вѣкѣ.

Святые митрополиты один за другим благовѣствовали в ней правду и мир. Ни один князь московскій ничего не предпринимал без благословенія святых. Торжественная тишина царила в малом городѣ, и Москва крѣпла, ширилась и святилась. Взоры всѣх были устремлены к ней, как к Божьему мѣсту и спасительницѣ. Св. Сергій Радонежскій приходил к св. митрополиту Алексію, как к другу. Сын Симеона Гордаго был святой (Михаил Клопскій). Жена Дмитрія Донского св. Евдокія творила чудеса. Явленіе святых или движеніе чудотворных икон Пресвятой Богородицы внезапно измѣняли неминуемый, казалось, ход событій. Когда в концѣ вѣка ужасный Тамерлан с безчисленными полчищами, как раньше Батый, появился на Руси и стал у недалекой границы, князь московскій (Василій I, сын Дмитрія Донского) отправился навстрѣчу ему с небольшим войском, просил у митрополита заступничества перед Господом. И вот большой крестный ход, предрося чудотворную икону Владимірскія двинулся из Владиміра в Москву. В тот день, когда далеко за городом народ московскій с великой радостью встрѣчал грядущую пресвятую Богородицу Владимірскія, Тамерлан вдруг снялся и ушел назад в свои степи, исчез навсегда*).

Как бы небесный мост раскинулся над Русью Святой и московской, и по нем текли туда и оттуда массы людей...

Конец XII-го вѣка и первая четверть XIII-го в Югославіи были чудесным временем; о нем сербы вспоминают, как о свѣтѣ, в котором зачиналась их родина. Великій жупан соединил под своею властью враждующія племена. Стефан (так звали этого правителя) торжественно принял крещеніе по православному обряду, усердно строил церкви и монасты-

*) Степенная Книга (приписывается митр. Макарію — 16в.) так говорит о переживаніи Тамерлана: Тамерлан дремал в своем шатрѣ, и вот точно на яву видит, будто он находится у подножія высокой горы. С вершин этой горы стремилось к нему множество мужей в блестящих одеждах, с жезлами в руках, а над ними он увидѣл Пресвятую Дѣву в лучезарном сіяніи, окруженную тьмами ангелов с пламенными мечами. Обратившись к Тамерлану, Она сказала: «Оставь русскую землю. Уходи — иначе я не в состояніи буду спасти тебя от бѣдствій». И на Тамерлана напали молніеносные воины, которые поражали его мечами. Он в ужасѣ проснулся. Не понимая сна, Тамерлан созвал старѣйшин — и тѣ предполагали, что, вѣроятно, Тамерлан видѣл Св. Дѣву, заступницу русских. «И так мы не одолѣли их» —сказал Тамерлан,и приказал отступленіе.

ри, был великодушен и нищелюбив. У него было нѣсколько дѣтей, но потом долго никто не рождался и они с женой дали обѣт: если родится третій сын, остаток жизни провести в чистотѣ тѣлесной. Родился сын. Семнадцати лѣт он тайно ушел на Афон и принял монашество (Савва). Между отцом и сыном происходит как бы любовное состязаніе. Отец, горюя, умоляет сына вернуться. Но сын зовет его к себѣ: «молитвенно взываю к тебѣ, пишет он отцу — ты устроил великое государство и апостольски подвизался в нем, проявил свое страннолюбіе и милосердіе, но теперь оставь все красное міра и послѣдуй моему примѣру, также и мать моя».

И отец отказался от власти и постригся сначала в Сербіи (передав престол старшему сыну), а затѣм отправился на Афон. Там отец и сын подвизались нѣкоторое время, и умер отец. Через год Господь прославил властителя ради любви к Богу, бросившему свое царство: во время утрени мраморный гроб Симеона (его иноческое имя) исполнился благовонным мvром, которое текло из него ручьями и все наполняло благоуханіем.

Старшій брат, правитель Сербіи, не в состояніи справиться с междуусобной войной, звал Савву на родину.

И прибыл Савва, неся торжественно прославленные останки отца. И с этого времени все измѣняется в Сербіи. Сначала простым иноком, потом первым Архіепископом сербским, Савва благостно преобразует родину. Двѣнадцать любимых его учеников епископов проходят по всей странѣ и вездѣ несут мир, правую вѣру, благоденствіе. Великій свѣт струится от Саввы не только по всему государству, но проникает и в сосѣднія земли. Всѣ враги покоряются любовью. Когда угорскій князь (Венгрія) собирается войной, Савва приходит к нему, сначала убѣждает словом, потом творит чудеса, и злобно настроенный князь угорскій не только прекращает вражду, но поучается у Саввы и становится тѣм королем Владиславом, котораго венгры доселѣ считают святым.

И текут счастливыя времена Сербіи и нѣт событій, царит тишина праведности, никто не хочет оскорбить память своего святого князя и огорчить любящаго архіепископа.

Вспомним еще непонятную для послѣдующих вѣков, исполненную любви, встрѣчу Карла Великаго и папы Льва III в Римѣ в 800 г. Как поверглись они друг перед другом ниц, горя благодарностью и счастьем взаимнаго служенія Христу, котораго любили всѣм сердцем. Это не были просла-

вленные святые, но время было святое. Великій христіанскій король распространял христіанство до предѣлов земли. И германскіе дикари приносили на лоно церкви горячую вѣру. Был вѣк чистосердечія, глубокаго покаянія, дѣтской набожности. Хотя не канонизированный, Карл долго жил в памяти народа, как святой.

И еще иное время: высшая католическая іерархія вступала на мрачный и безумный путь: приказывала во имя истиннаго ученія Хирста пытать вѣру, истязая людей утонченными пытками, и жечь всѣх непокорных. Тогда среди народа появляется великій святой, сіяющій любовью не только к людям, но ко всей твари земной и даже к деревьям, цвѣтам и камням — ко всему сотворенному Богом. Он покорен церкви и всюду проповѣдует святое послушаніе, однако живет не там, гдѣ земной церковный престол, а бродит среди народа. «И куда бы он ни пришел, сказано в лѣтописи, — у священников становилось весело на сердцѣ, колокола звонили, мужчины радовались, женщины ликовали, мальчики хлопали в ладоши, одни из них влѣзали на деревья, чтобы видѣть святого среди огромной толпы всегда окружавшей его, другіе устремлялись к нему навстрѣчу с хвалебными пѣснями». И в другом мѣстѣ лѣтописи: «Бѣжали мужчины, бѣжали женщины, спѣшили священники, чтобы видѣть и слышать Божьяго Святого», — вся Италія, и за нею весь мір озарился свѣтом солнца любви Христовой.

И память о нем, как о неизрѣченном счастьѣ, как об истинном образѣ Христа остается навсегда. Св. Франциска ласково звали: бѣднячок; но всѣ сердца видѣвших его исполнялась блаженством любви.

Вот не героическія, а святыя времена исторіи: святости Господь дает крылья обтекать мір, и чудный свѣт сіяет цѣлым странам.

«И мы видѣли славу Его».

«И свѣт во тьмѣ свѣтит,
и тьма не объяла его».

Но скудѣет любовь; благочестіе обращается в привычку. Ползет лицемѣріе. Худые помыслы гнѣздятся в сердцах.

И Дух уводит новую тварь в пустыню. Святые могут жить и среди общества, но вид их становится болѣе суровым, как бы непривѣтливым, иногда отталкивающим.

Между мірским обществом и святыми вырастает нѣкая стѣна. Господь не разрѣшает своим вѣрным свидѣтелям посѣщать братьев в міру запросто. Святые как бы уходят в себя. Двери их келіи не только притворены, но часто бывают заперты наглухо. Среди тяжких, аскетических подвигов праведники молятся о братіях христіанах; своей жизнью являют противоположность міру. Один из главнѣйших подвигов — безмолвіе.

Как бы уже в неприступной, но все еще видимой дали горит и поддерживается свѣт Христов.

Многіе еще имѣют чудные дары прозрѣній, исцѣленій, но все рѣже слышно о чудесах. Святые неохотно исполняют просьбы об исцѣленіях, рѣдко о позволеніи их повидать.

Вот типичные случаи такого рода из «Древняго Патерика».

Однажды блаженный Архіепископ Феофил с каким то начальником пришел к Аввѣ Арсенію. Старец спросил их: «исполните ли что скажу?». И на их обѣщаніе исполнить, сказал: «если гдѣ услышите об Арсеніи, не ходите к нему». В другой раз старец отвѣтил: «если придешь, отворю тебѣ двери; но если для тебя отворю, то и для всѣх отворю и тогда уже не останусь здѣсь».

Одна женщина, больная раком, искала Авву Лонгина и неожиданно встрѣтила его самого. На ея вопрос гдѣ живет Лонгин, Авва сказал: «не ходи к нему, он обманщик. Чего тебѣ нужно?». Женщина показала болѣзнь. Старец, знаменав крестным знаменіем больное мѣсто, сказал: «ступай. Господь исцѣляет тебя, а Лонгин не может помочь». — Женщина повѣрила и ушла, и вскорѣ исцѣлилась.

К Аввѣ Сисою пришел мірянин, имѣя на руках мертваго сына. И он припал к ногам старца, и затѣм вышел, оставив отрока у его ног. Старец же, думая, что отрок кланяется ему, говорит: «встань и иди вон». И тотчас же он воскрес и вышел. Отец прибѣжал благодарить старца. Но Авва Сисой, услыша о чудѣ, опечалился, ибо не хотѣл, чтобы так было.

Один человѣк, зная, что Авва Пимен откажет исцѣлить его больного сына, просил другого старца помочь ему. Тот, взяв на руки отрока пришел в собраніе старцев, гдѣ был и чудотворец, подошел к самому младшему брату и сказал: «знаменуй крестным знаменем отрока». И, заставив всѣх по порядку знаменовать его, послѣ поднес к Аввѣ Пимену. Он же не хотѣл знаменовать. Но вся братія просила: «сдѣлай, как и мы всѣ». И, вздохнувши, встал Пимен и помолил-

ся, говоря: «Боже, исцѣли созданіе твое». И знаменовавши его, исцѣлил.

«Вздохнувши» — значит, нѣт Божьяго благоволенія к творенію чудес. Как бы натуга нѣкая необходима для этого дѣла. Почему так?

Лукавое благочестіе было бы очень радо близко общаться со святыми. Но, вмѣсто пользы, такое общеніе приносит вред. Легкомысленные люди, погрязшіе в суетѣ міра, забывают о страшной отвѣтственности дерзающаго бесѣдовать с Духом Святым без глубокаго сокрушенія о своих грѣхах. При отсутствіи насилія со стороны святых (ибо Господь дает свободу и никогда не приводит к Себѣ не возжелавшаго) Божіи глаголы, не воспринимаемые сердцем, превращаются в пустыню слов.

Встрѣчи людей Божіих и людей міра сего становятся мукой для первых и пріятным развлеченіем (одним из многих развлеченій) для других.

В эту эпоху в населенных мѣстах появляется особый род святых — юродивых во Христѣ. Своим поведеніем, нестерпимым для общества, юродивый лишает возможности встрѣчных вступать с ним в обычныя человѣческія отношенія. Юродство, как броня, защищает, исполненный любви и радости во Христѣ, внутренній мір блаженных от льнущаго к Божьему человѣку сластолюбиваго общества.

Однако, благодатная сила любви, дѣйствующая в святом, производит глубокое впечатлѣніе на встрѣчных, еще не вполнѣ утративших истинное благочестіе. Сердца содрагаются при видѣ Христа, глянувшаго на них через юродство, и спѣшат покаяться и вернуться к любви.

Не простыя, трудныя отношенія между новой тварью и людьми міра сего в изображаемую эпоху, являют как бы видимый образ той пропасти, которая начинает разверзаться между Царством Божіим и царством міра сего.

Однако, эта эпоха принадлежит еще доброму, хотя и не святому, времени в жизни народов.

Свѣт Христов не в полной тьмѣ. Святые еще видимы на землѣ. Люди вѣрующіе знают, что гдѣ то живут великіе свѣтильники Божіи; время от времени міряне глубоко задумываются, начинают стыдиться своей суетной жизни.

«И свѣт во тьмѣ свѣтит, и тьма не об'яла его».

«Удрученный ношей крестной
В рабском видѣ Царь Небесный».

Разгорается злой пламень, похотливое марево об'емлет

души. Люди жаждут одних наслажденій и ненавидят все, напоминающее о крестѣ.

Между тѣм, праведность святого как бы вопіет ко всѣм ближним о необходимости отказаться от грѣха и принести покаяніе. Видимая праведность мѣшает свободѣ грѣха.

И постепенно ожесточаясь, люди начинают злобиться на праведников. Тогда Господь тушит свои свѣтильники. Нѣт ни подвигов, ни великих даров, учителя забывают о цѣли христіанской жизни, и неслыханным дѣлом кажутся чудеса. Ибо все это стало безполезным.

Свѣт Христов прячется в глубинѣ душ. Вѣрные свидѣтели не имѣют никакого отличія, кромѣ креста житейскаго, ставшаго непосильным. Сердца их горят Христовым состраданіем к братьям, но они безсильны помочь им, как безсилен Агнец среди тѣх, кто ничего не ищет, кромѣ наслажденій.

Не чувствуя теперь в праведниках силы Божіей, мір людской изливает на них злобу. Грѣшные высмѣивают праведников.

Апостолы на землѣ, еще не просвѣщенной свѣтом Христовым, были странники всюду несущіе благую вѣсть. Святые в мірѣ, потерявшем Христову любовь, странники отовсюду изгнанные и презрѣнные.

Злой мір радуется их униженію, а безчисленное количество малых сих, соблазненных антихристовым духом, мучающим церковь, не могут найти своих спасителей, ибо ослѣплены страшным дурманом жизни міра сего.

Труд этих святых самый тяжкій — долготерпѣніе, нескончаемое терпѣніе без просвѣта (любви братій).

В Апокалипсисѣ сказано, что когда Агнец снял пятую печать, то св. Іоанн услышал, как души убіенных за свидѣтельство Божіе, громко взывали к Богу: «доколѣ, Господи, не судишь землю?». Но им сказано, чтобы они успокоились, пока и сотрудники и братья их, которые будут убиты, как и они, дополнят число». (Откр. 6, 9-11).

Мы, живущіе в исходѣ второго тысячелѣтія христіанской эры видим, как долго длилось и продолжает длиться это дополненіе числа замучиваемых злобой міра святых.

В них живет Христос, удрученный крестной ношей, вновь и вновь распинаемый в лицѣ Его меньших братьев на землѣ.

«В рабском видѣ Царь Небесный».

П. Иванов.

УСЛОВІЯ ЭКОНОМИЧЕСКАГО ВОЗРОЖДЕНІЯ РОССІИ*).

Редакція «Грани» просила меня высказать свое сужденіе по этому вопросу. Охотно исполняя ея желаніе, я должен, прежде всего оттѣнить, что мой отвѣт будет носить **общій** характер, опредѣляющій **принципы**, но избѣгающій детализированія. Дѣлаю это потому, что мнѣ, как и всѣм, неизвѣстна та реальная обстановка, при которой произойдет крушеніе совѣтской власти; вслѣдствіе этого, было бы неосмотрительно и нецѣлесообразно развивать подробную экономическую программу, без подлиннаго ознакомленія с трагическим наслѣдіем большевизма.

Второе предварительное замѣчаніе: в своем отвѣтѣ я буду говорить о принципах **хозяйственной политики** будущаго національнаго правительства Россіи, о принципах, которые, на мой взгляд, должны обусловить ея экономическое возрожденіе. Конечно, эти начала выдвигаются опредѣленным экономическим воззрѣніем, вытекают из посильнаго анализа хозяйственной эволюціи нашего времени. Однако, развивать подробно свои взгляды в этом направленіи я не буду, так как заданіе, насколько я понимаю, носит практическій, а не отвлеченно-теоретическій характер.

С этой точки зрѣнія, вопрос сводится к слѣдующему: какими мѣрами національное правительство может и должно способствовать русскому народному хозяйству вступить на путь всесторонняго преуспѣянія.

I.

От правильнаго курса экономической политики, который усвоит національное правительство послѣ крушенія совѣтской власти, зависит его устойчивость и возможность мирной созидательной работы.

Казалось бы, что на вопрос, какова должна быть хозяйственная система возрожденной Россіи, можно было бы отвѣтить просто: как в области политической, так и эко-

*) Мы обращаемся к ряду научных и общественных дѣятелей с просьбой отвѣтить на нашу анкету: «Предпосылки возрожденія Россіи». С благодарностью печатаем здѣсь первый отвѣт — проф. М. В. Бернацкаго. Редакція.

номической — національная революція должна вестись под лозунгом **«раскрѣпощенія».** Слѣдовательно, на смѣну экономическаго рабства должна придти свободная форма хозяйства, вытекающая из начал частной собственности и личнаго почина. Окна и двери душных, загрязненных тюремных камер должны быть открыты настежь, чтобы свѣжій воздух свободы очистил тлетворную атмосферу.

Однако, по многим основаніям, режим экономическаго либерализма в чистом видѣ **не может** и **не должен** найти себѣ примѣненія. Не «может» — просто потому, что національная власть получит в наслѣдіе от большевиков «соціалистическую экономику», которую нельзя в одно мгновеніе превратить в свободную. Достаточно упомянуть о многих милліонах промышленных рабочих на фабриках и заводах, принадлежащих государству; волей неволей придется их питать и продолжать работу «обобществленной индустріи», по крайней мѣрѣ, в тяжелый переходный період.

Чистый экономическій либерализм **«не должен»** установиться в Россіи потому, что эта хозяйственная система в міровой экономической эволюціи уже изжила свое время и с конца 19-го вѣка стала преобразовываться в новый уклад.

В послѣвоенные годы хозяйственныя измѣненія приняли столь острый характер, что экономисты различных направленій стали говорить о переживаемой всѣм цивилизованным міром «соціально-экономической» революціи, и брать под сомнѣніе будущее капитализма. Однако, измѣненія, обостренныя военной эпохой, намѣтились задолго до нея. Чрезвычайное усиленіе предпринимательских объединеній (картели, тресты), сдѣлавшее иллюзорной конкуренцію на многих рынках; рост рабочаго движенія в различных формах; необычайное развитіе техники, преобразившее многія отрасли хозяйства, — **заставили государственную власть расширить и углубить свое вмѣшательство в экономику страны.** Обезпеченіе потребителей от гнета монополистов и всесторонняя охрана трудящихся обусловили новую «соціально-политическую» роль правительства. Основной процесс хозяйственной эволюціи можно было бы опредѣлить так: замѣна хаотическаго режима свободной конкуренціи, «игры хозяйственных стихій» — планомѣрной организаціей **самоуправленія** под наблюденіем и контролем государственной власти. В этом смыслѣ можно было бы новый этап экономической эволюціи назвать «организованным капитализмом».

Но если направляющая дѣятельность государственной власти сдѣлалась неизбѣжной, то, с другой стороны, с со-

вершенной очевидностью обнаружилась необходимость сохраненія и приложенія в хозяйствѣ «частнаго интереса», как могучей творческой силы. Это прекрасно понимает творец «корпоративной системы» Муссолини, в извѣстной мѣрѣ признает Гитлер, и совершенно отрицает Сталин. Вот именно поэтому всякія «достиженія» совѣтской власти являются мертвым грузом, придавливающим и истощающим производительныя силы страны. Современная культура требует экономическаго самоуправленія, а не бюрократическаго деспотизма. Но без личнаго творческаго начала самоуправленіе немыслимо.

Поэтому ближайшая основная задача экономической политики національной власти должна, на мой взгляд, заключаться в том, чтобы возможно скорѣе призвать к жизни индивидуальную хозяйственную энергію и постепенно разгрузить власть от непосредственнаго «хозяйствованія», стараться свое воздѣйствіе на экономику ограничивать общим направленіем и разумным контролем. В Россіи загнана и забита частная предпріимчивость: ее надо «вызволить»!

II.

Постараюсь болѣе конкретно представить ближайшее будущее русскаго народнаго хозяйства при установленіи національной власти. Мысль, прежде всего, обращается к многомилліонной крестьянской массѣ, столь жестоко обманутой революціей и впавшей в новую крѣпостную зависимость. Совершенно очевидно, что основной идеал крестьянина-земледѣльца — **частное свободное хозяйство.** Можно сколько угодно оспаривать выгодность для страны и для самого мелкаго хозяина такой системы — факт остается фактом: начало личной собственности неистребимо в психологіи населенія и утвержденіе этого начала придает соціальной структурѣ устойчивость. Русскій крестьянин должен выйти из всѣх исторических злоключеній — полноправным собственником обрабатываемаго им участка. Допустимо ли безконечное дробленіе крестьянских хозяйств — вопрос важный, на который, я полагаю, надо будет отвѣтить **ограничительно;** но сначала нужно выждать результатов новаго передѣла земли. Національная власть в крестьянском вопросѣ, должна подхватить оборванную войной и революціей нить Столыпинской реформы.

Задача водворенія в Россіи крестьянина - собственника может представляться, на первый взгляд, легкой. Стоит-де только отмѣнить принудительность колхозов, как они разсыплются прахом. Колхозная дѣйствительность, по совѣт-

ским же данным, и наблюденія вдумчивых иностранцев, как будто подтверждают правильность этого ожиданія. Однако, какая масса затрудненій должна быть преодолѣна при раздѣлѣ мертваго и живого инвентаря; как трудно будет учесть интересы сидящих на землѣ пришлых элементов и законныя претензіи прежних пострадавших хозяев! Правительству придется, внося, в мѣру своих сил, умиротворяющее начало в процесс новаго передѣла, считаться с фактическим разрѣшеніем вопроса мѣстными силами. Вѣдь государственная задача заключается в том, чтобы как можно скорѣе обезпечить сельскохозяйственному производству необходимую устойчивость.

Надо думать, что в крестьянском населеніи имѣются извѣстныя тяготѣнія к совмѣстной работѣ. Как ни печальна для деревенскаго жителя «тракторная эпопея» (один из самых дѣйствительных способов его порабощенія), но выгодность примѣненія машин для обработки почвы и снятія урожая не могла ускользнуть от вниманія земледѣльца. Отсюда вытекает необходимость всяческаго поощренія свободной кооперативной связи между хлѣборобами, обезпечивающей и облегчающей им пользованіе тракторными парками.

Хочется вѣрить, что процесс консолидаціи мелких трудовых крестьянских хозяйств не окажется слишком длительным, а потому я не столь опасаюсь отсутствія на долгое время в городах крестьянскаго сырья. Однако, с нѣкоторым перерывом снабженія продуктами питанія значительных масс населенія (особенно городского) считаться надо; и посему, я полагаю, національной власти придется в первые мѣсяцы — послѣ сверженія большевицкаго режима обезпечить продовольствіем наиболѣе угрожаемые районы. Как разрѣшит власть эту задачу, вопрос особый, выходящій за рамки моего отвѣта.

Національная революція передаст в руки правительства уцѣлѣвшіе от разгрома деревенским населеніем «совхозы». Было бы экономической ошибкой подвергать их простому передѣлу между наличными мѣстными крестьянами. От этого пострадали бы и общая хозяйственная культура страны, и отдѣльныя отрасли производства. Значительная часть крупных «имѣній» должна быть сохранена. Казенное веденіе совхозов, неизбѣжное на первых порах, должно постепенно уступить мѣсто системѣ сдачи в аренду, как отдѣльным индивидуальным предпринимателям, так и юридическим лицам. Желательно вовлеченіе в такую работу кооперативов.

Я думаю, что — при успокоеніи населенія — особенно

производительной оказалась бы дѣятельность частных концессіонеров, вкладывающих в дѣло личную энергію и свѣжій капитал. Думаю, что ничуть не страшно было бы привлеченіе иностранных средств. Полагаю, что оно даже необходимо, ибо при грандіозности потенціальных богатств Россіи, она первое время будет очень бѣдна капиталами, а к «принудительному сбереженію», по методу большевиков, національная власть принципіально прибѣгать не может.

Итак, я думаю, что русская с.-х. экономика, пережив неизбѣжныя потрясенія от переворота, скоро окрѣпнет и начнет выполнять плодотворную національную работу. При этом, ей не так скоро придется считаться с условіями мірового рынка, с колебаніями міровых цѣн на ея продукты, ибо ея ближайшая задача — внутренняго порядка: накормить досыта изголодавшійся русскій народ.

Соотвѣтственно этому, задача россійской индустріи — прежде всего — одѣть, обуть и создать сносныя жилищныя условія для милліонов россійских граждан. Отсюда, в области промышленной — перемѣщеніе (по крайней мѣрѣ, на первое время) центра тяжести из тяжелой индустріи в легкую. Ясно, что для власти, обремененной тяжелыми внутренними и внѣшними политическими проблемами, было бы весьма затруднительно собственными силами и средствами обезпечить надлежащій рост производства предметов широкаго потребленія. **В этой именно области особливо цѣлесообразно и прямо необходимо привлеченіе частной иниціативы и частных средств.** Мнѣ представляется, что власть широко откроет двери частному почину, поощряя насажденіе фабрик и возрожденіе различных видов кустарничества. Казенныя фабрики (за исключеніем имѣющих военно-политическое назначеніе) вообще слѣдовало бы постепенно переводить на систему сдачи в аренду, устанавливая наиболѣе выгодныя для національнаго хозяйства условія. Во всяком случаѣ, дѣло должно быть изъято из невѣжественных рук и предоставлено опытным техникам и практикам-экономистам. Если процесс развитія частной промышленности окажется слишком медленным (по различным причинам, особенно в силу соціально-политической неустойчивости), то можно испробовать смѣшанную систему управленія — представителями казны и частных интересов.

Особенное вниманіе правительства должно быть обращено на качество, а не на количество продукціи: всякаго рода «форсированные темпы» большевицкаго порядка должны быть раз навсегда отринуты. Это начало должно неуклон-

но проводиться, как в легкой, так и в тяжелой промышленности. Совѣтская власть, а за ней ей сочувствующіе иностранные элементы, чрезвычайно гордятся успѣхами послѣдней. Жизнь покажет, насколько совѣтская статистика искажает дѣйствительность (напримѣр, будто добыча угля с 35,5 млн. тонн в 1928 г. поднялась в 1937 г. до 128 млн., нефти с 11,5 млн. до 31, выплавка стали с 4,2 до 17,6 млн. тонн и т. д.)*). Однако, расширеніе тяжелой промышленности, повидимому, совершилось. Какой бы тяжелой цѣной ни досталось народному хозяйству это увеличеніе, не в интересах страны отказываться от поддержанія добывающей индустріи на высоком уровнѣ. Извѣстное пониженіе, конечно, произойдет — и вслѣдствіе отлива рабочих сил в процессѣ ломки совѣтскаго режима, и потому что прекращеніе неслыханной эксплоатаціи рабочих удорожит производство и, слѣдовательно, на первых порах сократит.

Одной из важнѣйших задач національной власти явится устроеніе рабочаго класса. Исходя из твердаго убѣжденія, что рабочіе являются полноправной стороной в національном производственном процессѣ, правительство должно — в то же самое время — самым рѣшительным образом бороться с идеей «классовой борьбы» — и «пролетарской диктатуры». Привѣтствуя подлинные профессіональные рабочіе союзы, как элемент «соціальной конституціи», власть не может, однако, допустить право стачек: их замѣнят разумно организованныя примирительныя учрежденія. Обстоятельства не позволят первое время примѣнять выработанныя западной жизнью сложныя нормы соціальнаго обезпеченія; но, по мѣрѣ успокоенія и обогащенія страны ,онѣ должны быть с извѣстной постепенностью осуществляемы. Но, прежде всего, — заботы должны быть направлены к тому ,чтобы рабочій нормально питался, одѣвался и жил в приличном помѣщеніи.

Когда освобожденная хозяйственная стихія возсоздаст «соціальную категорію предпринимателей» — частных хозяев, тогда можно будет подумать об организаціи самоуправленія, промышленнаго и торговаго, под контролем центральной власти. В какой мѣрѣ такая система хозяйства будет приближаться к корпоративному режиму Муссолини, покажет будущее.

III.

Мнѣ остается, в рамках этих общих сужденій — ска-

---

*) См. лондонскій «The Economist». 22. 4. 1939.

зать еще нѣсколько слов о регулированіи торговли, транспорта, кредита и о денежной системѣ. **Свобода внутренней торговли**, на мой взглядъ, **будет способствовать мощному обновленію страны** и соотвѣтствует пожеланіям изстрадавшагося от всяких нормировок населенія. В области внѣшней торговли — правительственная власть продолжительное время вынуждена будет играть роль главнаго агента, как в цѣлях покровительства туземному производству, так и вслѣдствіе сосредоточенія у нея массы экспортируемых товаров. Проблема построенія внѣшних торговых сношеній — неразрѣшима для одной страны: это — проблема международнаго характера. Вряд ли возможно в нынѣшней стадіи хозяйственной эволюціи возстановленіе совершенно свободнаго общенія частных предпріятій в международном обмѣнѣ: будущее принадлежит в этой области монопольным организаціям, с участіем в них правительства, или без него, но **под строгим его контролем**, в соотвѣтствіи с общими заданіями экономической политики.

Транспорт вообще остается в государственном вѣдѣніи и распоряженіи; но было бы чрезвычайно желательно привлеченіе частной инициативы в дѣлѣ развитія рѣчного и морского транспорта.

Обращеніе к свободной хозяйственной стихіи, образованіе подлиннаго рынка и отмѣна многих стѣснительных регламентацій — ставит на очередь вопрос о денежной системѣ. Трудно сказать, в какой мѣрѣ національная власть сможет воспользоваться наслѣдіем совѣтскаго режима в этой области. Для меня ясны два положенія: первое — в **принципѣ** россійская валюта должна быть золотой (фактическое установленіе послѣдней зависит от международнаго сговора); второе — неопредѣленное время она будет «замкнутой», бумажной, требующей техническаго искусснаго регулированія. В дѣлѣ организаціи кредита должны быть сдѣланы усилія к привлеченію частной инициативы и средств. Несомнѣнно, что возрожденіе подлинной кооперации потребует появленія соотвѣтствующей формы кредита.

Такой, в самых общих чертах, рисуется мнѣ картина возстановленія русскаго народнаго хозяйства; таковы начала, кои, по моему мнѣнію, должны лечь в основу національной экономической политики. Намѣченный путь, мнѣ кажется, имѣет еще то преимущество, что гармонирует с тенденціями міровой хозяйственной эволюціи и, таким образом, облегчает вступленіе національной Россіи в міровую экономику.

М. Бернацкій.

П. А. СТОЛЫПИН И ИМПЕРСКІЙ ПУТЬ РОССІИ.

«Мнѣ представляется, что когда путник направляет свой путь по звѣздам, он не должен отвлекаться встрѣчными, попутными огнями».

(Изъ рѣчи П. А. Столыпина 16-го ноября 1907 года).

Первый пятилѣтній министерскій період П. А. Столыпина (1906-10 год) несет на себѣ печать четких идей, которыя уже тогда, в самом разгарѣ смуты, были поняты многими современниками и побудили у многих волю к новой борьбѣ. Эти идеи, эти непосредственныя цѣли, вот онѣ:

1) Укрощеніе силою слѣпого, неистоваго мятежа и спасеніе традиціонной національной государственности от неминуемаго разгрома.

2) Укрѣпленіе низов, разшатаннаго фундамента государства Россійскаго (аграрная реформа, переселенчество, развитіе земщины).

3) Возсозданіе военной мощи Россіи.

4) Укрѣпленіе новаго правопорядка, возникшаго послѣ смуты 1905 года; подчиненіе этого новаго правопорядка высшим интересам націи и недопущеніе пошлой, безысходной реакціи.

Начиная с 1910 года, эти цѣли, пусть еще не вполнѣ достигнутыя, становятся все болѣе близкими, осуществимыми и, в большой долѣ, осуществленными. Начиная с этого года россійскій путь в будущее снова открыт.

С 1910 года начинается, если я могу так выразиться, «вторая столыпинская пятилѣтка»; она проникнута, правда, вытекающей из предыдущаго періода, но все же уже иной, новой государственной мыслью; она подчинена новым, ставшим на очередь, государственным необходимостям.

Многіе посторонніе зрители и даже участники всего

этого государственнаго переустройства запечатлѣли с фотографической точностью и до мельчайших подробностей все происшедшее в тѣ годы. Но, вѣроятно, почти всѣ упустили главное: духовный, національный смысл происходившаго, цѣлесообразную и необходимую смѣну эпох. Не усмотрѣли современники — главнаго. Все сдѣланное Столыпиным за первыя пять лѣт было, по их сужденію, не подготовительною стадіей, нужной для постройки новаго, невиданнаго зданія Имперіи. Все сдѣланное казалось им лишь мѣропріятіями, позволившими вернуть спокойствіе, царившее в Россіи когда то и нарушенное в смутную, революціонную пору.

Начиная с 1910 года Главѣ Правительства стало уже со многими не по пути. За зиму 1910-11 года от П. А. Столыпина отходит думская фракція октябристов, пропитанная идеями западнаго либерализма. Весною 1911 года у П. А. Столыпина происходит рѣзкій разрыв с крайне-правым парламентским крылом, слѣдствіем чего является изгнаніе из Государственнаго Совѣта двух самых ярких представителей русской реакціонной мысли. (Трепова и Дурново). По мнѣнію нѣкоторых современников престиж Премьера был подорван и «столыпинскій эксперимент» (так шептали в столичных кругах) подходил к концу.

Было тихое ,знойное лѣто 1911 года. Впервые со времени принятія власти, мой отец на цѣлых два мѣсяца — в отпуску в своей ковенской усадьбѣ. По порученію, и в полном согласіи с Государем, он составляет **программу государственнаго строительства Россіи, расчитанную на десять лѣт вперед.** Документ — начертанный на грани двух эпох... **В основу новаго десятилѣтняго плана строительства Россіи была положена идея новаго всероссійскаго національзма.** Систематически, из года в год, должны были развиваться реформы, начатыя за истекшія пять лѣт. Но главный упор новаго десятилѣтняго плана заключался в ином: в созданіи кадра новых, сильных людей, преодолѣвших внутренній недуг, приведшій Россію к внѣшнему пораженію и к революціи 1905 года. Главный рычаг, долженствовавшій поднять Россію за предстоявшее десятилѣтіе на невиданныя высоты. — был идеей возрожденнаго духа Націи. Под этим знаком должна была проводиться новая, столыпинская національная политика. Десятилѣтній столыпинскій план утрачен для нас навсегда в вихрѣ налетѣвшей смуты, и лишь кое-что о нем дошло до меня.

Все же, не вдаваясь в фантазіи и в предположенія, достаточно пересмотрѣть сказанное П. А. Столыпиным за пре-

дыдущіе годы, чтобы перед нашим внутренним взором открылся дальнѣйшій, оборвавшійся на время, Имперскій путь Россіи.

Конец открытаго бунта не есть еще конец смуты.

В 1907 году Столыпин заявляет в Думѣ:

«Для всѣх теперь стало очевидным, что разрушительное движеніе, созданное крайними лѣвыми партіями превратилось в открытое разбойничество и выдвинуло вперед всѣ противообщественные преступные элементы, разоряя честных тружеников и развращая молодое поколѣніе».

Одно подавленіе открытаго бунта не вытравило из организма Россіи проникшаго повсюду тлетворнаго яда: «Улучшить, смягчить нашу жизнь», говорит Столыпин, «возможно не уничтоженіем кары, не облегченіем возможности дѣлать зло, а громадной внутренней работою. Вѣдь, изнеможенное, изболѣвшееся народное тѣло требует укрѣпленія; необходимо перестраивать жизнь и необходимо начать это с низов... Не думайте, господа, что достаточно медленно выздоравливающую Россію подкрасить румянами всевозможных вольностей, и она станет здоровой».

Долг и отвѣтственность носителей россійской власти.

П. А. Столыпин знал, в чем бремя и величіе власти, в чем долг и отвѣтственность власть пріявших. Он выразился об этом думая, вѣроятно, не только про прошедшіе, но и про грядущіе годы:

«Россія сумѣет отличить кровь на руках палачей от крови на руках добросовѣстных врачей, примѣняющих самыя чрезвычайныя, может быть, мѣры с одним только упованіем, с одной надеждой, с одной вѣрой — исцѣлить трудно больного».

И еще: «Государство может, Государство обязано, когда оно находится в опасности, принимать самые строгіе, самые исключительные законы, чтобы оградить себя от распада... Это — состояніе необходимой обороны; оно доводило государство не только до усиленных репрессій, оно доводило государство до подчиненія всѣх одной волѣ, произволу одного человѣка, оно доводило до диктатуры, которая иногда выводила государство из опасности и приводила до спасенія.

Бывают роковые моменты в жизни государства, когда государственная необходимость стоит выше права и когда

надлежит выбирать между цѣлостью теорій и цѣлостью отечества...

Но такого рода временныя мѣры не могут пріобрѣтать постояннаго характера; когда онѣ становятся длительными то, во первых, онѣ теряют свою силу, и затѣм онѣ могут отразиться на самом народѣ, нравы котораго должны воспитываться законом. Временная мѣра — мѣра суровая; она должна сломить преступную волну, должна сломить уродливыя явленія и отойти в вѣчность».

Нація — единый организм высшаго порядка.

С самаго начала своего государственнаго творчества, еще в годы лихолѣтья, Столыпин неуклонно проводит мысль, представленіе о Государствѣ, как об едином организмѣ высшаго порядка. Он знал, что идею эту слѣдовало запечатлѣть немедля, еще в період полнаго разброда мыслей в мозгах современников, дабы спасти будущее:

«Нельзя, — пишет он, — укрѣплять больное тѣло, питая его вырѣзанными из него самого кусками мяса; надо дать толчок организму, создать прилив питательных соков к больному мѣсту, и тогда организм осилит болѣзнь. В этом смысл государственности, в этом оправданіе государства, как одного соціальнаго цѣлаго».

И далѣе: «Я совершенно понимаю точку зрѣнія моих противников, которые говорят, что в настоящее время надо поднять центр. Когда центр будет силен, будут сильны и окраины; но вѣдь лѣчить израненную Родину нашу нельзя только в одном мѣстѣ. Если у нас не хватит жизненных соков на работу зарубцеванія всѣх нанесенных ей ран, то наиболѣе отдаленныя, наиболѣе истерзанныя части ея, раньше чѣм окрѣпнет центр, могут, как пораженныя антоновым огнем, безболѣзненно и незамѣтно отпасть, отсохнуть, отвалиться. И мы будущими поколѣніями будем за это привлечены к отвѣту. Мы отвѣтим за то, что мы приравниваем пораженіе нашей арміи к пораженію и униженію нашей родины».

Каковы же отличительныя свойства, какова же сущность этого израненнаго, но сверхчеловѣческаго организма, обладающаго своей особой душой?

Россія — Имперія.

Как во дни головокружительнаго величія, так и во дни бѣдствій и смуты, Россія была и будет единственной в своем

родѣ Имперіей: «Не забывайте, — говорит Столыпин, — что русскій народ всегда сознавал, что он осѣл и окрѣп на грани двух частей свѣта. Это его сознаніе выражалось всегда в народных преданіях, оно выражается и в государственных эмблемах. Наш орел, наслѣдіе Византіи, — орел двуглавый. Конечно, сильны и могущественны и одноглавые орлы. Но отсѣкая нашему русскому орлу одну голову, обращенную на Восток, вы не превратите его в одноглаваго орла, вы заставите его только истечь кровью».

Что же прежде всего нужно для того, чтобы удержать это Имперское зданіе? Нужны новые кадры борцов, нужна полная перегруппировка всѣх живых сил страны, нужно появленіе людей новаго типа и преисполненных новою волей.

Ставка на разумных и сильных.

«Главное необходимо, — сказал Столыпин, — это, когда мы пишем закон для всей страны — имѣть в виду разумных и сильных, а не пьяных и слабых. Господа, нужна вѣра! Была минута, и минута эта не далека, когда вѣра в будущее Россіи была поколеблена, когда нарушены были многія понятія; не нарушена была в эту минуту лишь вѣра Царя в силу русскаго пахаря и русскаго крестьянина.

Это было время не для колебаній, а для рѣшеній. И вот в эту тяжелую минуту Правительство приняло на себя большую отвѣтственность... Оно ставило ставку не на убогих и пьяных, а на крѣпких и сильных... Не парализуйте дальнѣйшаго развитія этих людей и помните, законодательствуя, что таких людей, таких сильных людей в Россіи большинство». И далѣе: «В міровой борьбѣ, в соревнованіи народов почетное мѣсто могут занять только тѣ из них, которые достигли полнаго напряженія своей матерьяльной и нравственной мощи».

С того момента, как началась перегруппировка и новая кристаллизація національных сил, Столыпин указывает на тот свѣточ, который в теченіе вѣков освѣщал путь Россіи, на тот свѣт, который ни за что, ни в коем случаѣ не должен был потухнуть и который должны были с новой силой возжечь и нести вперед новые люди.

Монархическое призваніе Россіи.

«Проявленіе царской власти во всѣ времена, — говорил Столыпин, — показывало воочію народу, что историческая самодержавная власть и свободная воля Монарха

является драгоцѣннѣйшим достояніем русской Государственности, так как единственно эта Власть и Воля, создав существующія установленія и сохраняя их, призваны в минуты потрясеній и опасности для Государства к спасенію Россіи и обращенію ее на путь порядка и исторической правды». И далѣе: «...и если быть Россіи, то лишь при усиліи всѣх лучших сынов ея — охранять, оберегать эту Власть, сковавшую Россію и оберегающую ее от распада. Самодержавіе московских царей не походит на самодержавіе Петра, точно так же, как и самодержавіе Петра не походит на самодержавіе Екатерины Второй и Царя Освободителя. Вѣдь, Русское Государство росло, развивалось из своих собственных, русских корней и вмѣстѣ с ним, конечно, видоизмѣнялась и развивалась и Верховная Власть. Нельзя к нашим русским корням, к нашему русскому стволу прикрѣплять какой то чужестранный цвѣток».

Знал он, что случится непоправимое для многих поколѣній, если не оправдается ставка на разумных и сильных, если хоть на миг угаснет в лучших умах и сердцах сознаніе монархическаго призванія Россіи.

«Вѣдь тут, — говорит Столыпин, 2-ой Думѣ, — предлагают разрушеніе существующей государственности, предлагают нам среди других сильных и крѣпких народов превратить Россію в развалины — для того, чтобы на этих развалинах строить новое, невѣдомое нам отечество. Я думаю, что на втором тысячелѣтіи своей жизни Россія не развалится ... потому что гдѣ разложеніе — там смерть».

Нація — Душа Государства.

Многовѣковые, сильные, монархическіе корни Государства выдержали бурю революціи 1905 г., но из нѣкоторых политических кругов поднялась волна реакціи; к 1910 году эта реакціонная волна поставила все дѣло Столыпина под угрозу.

Как бы склонившись над Государством Россійским, над этим гигантским, но начавшим сохнуть деревом, Столыпин слушал, волнуемый то горьким сомнѣніем, то пламенной надеждою, слушал, поднимается ли вновь по этому россійскому стволу от корней к вершинѣ та таинственная, не всякому внятная, музыка, то теченіе новых, живых соков, которое является пробужденіем націи.

Дальнѣйшая десятилѣтняя столыпинская государственная программа, ставившая упор главным образом на окраи-

ны Имперіи, зависѣла от того, проснется ли, родится ли послѣ лѣт смут этот новый всероссійскій націонализм, этот многовѣковый, но вѣчно возобновляющійся и юный имперскій дух Россіи. 1909-10 года в матерьяльном смыслѣ столь обильные, были годами критическими; тогда выяснялось: переборет ли, перегонит ли новое динамическое русское національное чувство реакцію, или же реакція захлестнет, преградит пути к будущему?! В Государственной Думѣ 3-го созыва в рѣчи о Финляндіи Столыпин обращается со слѣдующими словами: «Забывают при этом одно, забывают что, с введеніем новаго строя, в Россіи поднялась волна реакціи — реакціи русскаго патріотизма и русскаго національнаго чувства...

Вы можете разорвать и с прошлым Россіи... Вѣдь один с морским флотом, построенным первоначально на прѣсной водѣ, с моряками, им самим обученными, без средств, но с твердой вѣрою в Россію и ея будущее — шел вперед Великій Петр. Не было попутнаго вѣтра, он со своими моряками, на руках, на мозолистых руках переносил из Рижскаго залива в Ботническій свои галеры, разбивал вражескій флот, брал в плѣн эскадры и награждал чернорабочаго творца новой Россіи Петра Михайлова скромным званіем адмирала. Господа, неужели об этой стремительной мощи, об этой геніальной силѣ наших предков помнят только кадеты морского корпуса, которые поставили на мѣстѣ Гангутской битвы скромный крест из сердобольскаго гранита? Неужели об этой творческой силѣ наших предков, не только силѣ побѣды, но и силѣ сознанія государственных задач, помнят только они и забыла Россія? Вѣдь кровь этих сильных людей перелилась в ваши жилы, вѣдь вы плоть от плоти их, вѣдь немногіе же из вас отрицают отчизну?... Да, господа, народы забывают иногда о своих національных задачах; но такіе народы гибнут, они превращаются в назем, в удобреніе, на котором выростают и крѣпнут другіе, болѣе сильные народы».

1911 год — первый год новой десятилѣтней эры.

Уже с 1910 года, несмотря на новыя тренія на верхах и на новыя сверхчеловѣческія трудности, Столыпин постепенно проникается радостной увѣренностью, что из умственнаго и духовнаго кризиса Россія выйдет побѣдоносно — что началась долгожданная пора зарожденія новаго живого націонализма. 1911 год — уже первый год другой десятилѣтней эпохи.

Когда то, еще в полном разгарѣ смуты, Столыпин говорил Думѣ:

«Децентрализація может идти только от избытка сил: могущественная Англія, конечно, даст всѣм составным частям своего государства весьма широкія права, но это от избытка сил. Если же этой децентрализаціи требуют от нас в минуту слабости, когда ее хотят вырвать и вырвать вмѣстѣ с такими корнями, которые должны связывать всю Имперію, вмѣстѣ, с такими нитями, которыя должны скрѣпить центр с окраинами, тогда, конечно, правительство отвѣтит: нѣт!».

Обращаясь к представителям окраин: «Станьте сначала на нашу точку зрѣнія, признайте, что высшее благо — это быть русским гражданином, носите это званіе так же высоко, как носили его когда то римскіе граждане; тогда вы сами назовете себя гражданами перваго разряда и получите всѣ права».

Постепенная, десятилѣтняя цѣпь полученія россійскими гражданами «всѣх прав» и началась 1911-ым годом. Введеніе земств на юго-западѣ (и в дальнѣйшем на сѣверо-западѣ) Европейской Россіи является актом завершающим все сдѣланное в первый період дѣятельности Столыпина; но одновременно эта реформа является и первым актом **новой** десятилѣтней эры, ибо им открывается во всей своей полнотѣ новая русская національная политика в центрѣ и на окраинах Имперіи.

Новая національная политика в центральных областях Имперіи.

Истоки новой національной политики в русских (или, если шире охватить: центральных) областях Имперіи установить и прослѣдить нетрудно. Начало этого «контр-наступленія» идей — надо искать в той ставкѣ на разумных и сильных, которую поставил Столыпин еще в самом разгарѣ первой революціи. Ставка оправдалась, родились первые элементы новых русских, національных кадров, и Столыпин был в правѣ утверждать в дальнѣйшем:

«Мы ничего насильно, механически не хотим внѣдрять в народное сознаніе — все это глубоко національно. Как в Россіи до Петра Великаго, так и в послѣпетровской Россіи, мѣстныя силы всегда несли служебныя государственныя повинности. Вѣдь сословія — и тѣ — никогда не брали примѣра с Запада, не боролись с центральной властью, а всегда служили ея цѣлям.

Поэтому наши реформы, чтобы быть жизненными, должны черпать свою силу в русских національных началах. Каковы онѣ? В развитіи земщины, в развитіи, конечно, самоуправленія, передачѣ ему части государственных обязанностей, государственнаго тягла — и в созданіи на низах крѣпких людей земли, которые были бы связаны с государственной властью».

Таким образом, тот мучительный сдвиг, который произошел в эпоху освобожденія крестьян и который сбил с государственнаго пути мелкое дворянство и значительныя массы крестьянства, тот сдвиг ,который не переборола Россія и который почти довел ее до крушенія, был бы постепенно изжит. В одном из циркуляров к губернаторам и к свѣдѣнію намѣстника Его Величества на Кавказѣ, Столыпин пояснял еще в 1907 году: «Приближеніе органов самоуправленія к населенію в видѣ установленія всесословной волости, как мелкой земской единицы, привлеченіе бо́льшаго числа лиц к задачам самоуправленія посредством уменьшенія цензовых норм и расширеніе компетенціи органов самоуправленія будут предложены правительством в цѣлях созданія устойчивых самоуправляющихся ячеек — основѣ децентрализаціи».

Столыпинскій десятилѣтній план предусматривал огромное развитіе желѣзных дорог и иных средств сообщеній по всѣм пространствам Имперіи, и, в связи с этим, медленную и весьма осторожную индустріализацію Россійскаго материка. Не имѣя возможности развить в этой статьѣ экономическую и техническую сторону тогдашних перспектив, отмѣчаю лишь, что рабочій класс, который появился бы на россійских просторах, не был бы бездомным пролетаріатом, нужным лишь Революціи. Столыпин хотѣл создать тип рабочаго, обладающаго чувством собственности, тип рабочаго-гражданина; и с появленіем такого новаго типа русскаго человѣка был связан план децентрализаціи, самоуправленія и вообще Новой структуры Имперіи. Но главныя трудности и главный центр тяжести были в ином.

Новая національная политика на окраинах.

Западныя Земства были введены Столыпиным весною 1911 года несмотря на сопротивленіе крайне праваго крыла Государственнаго Совѣта. Новая реформа, внося огромную свѣжую волну экономической и культурной дѣятельности в губерніях Малороссіи, являлась одним из самых сильных противоядій против сепаратизма и иностранных влія-

ній в этих обширных и богатых россійских областях. Но, все же, кое что в мѣропріятіях этих может показаться не соотвѣтствующим имперскому духу, если не знать, что **тогда уже было предрѣшено полное отдѣленіе Польши от Россійской Имперіи.**

Согласно десятилѣтнему государственному плану, Польша должна была стать государством совершенно независимым от Россіи к **1921 году.** Согласно закону о западных земствах, введенному в 1911 году, поляки должны были голосовать по особым куріям. К их правам к участію в экономической и культурной жизни западных областей (Малороссіи и Литвы) было оказано должное и даже чрезвычайное уваженіе, ибо в их пользу был введен культурно-образовательный признак при выборах. Но, все же, факт голосованія поляков — таких же имперских граждан, как и другіе — по особым куріям, можно было бы почитать не естественным и государственно не цѣлесообразным, если не предусмотрѣть, что уже через десят лѣт поляки должны были явиться выборщиками — иностранцами, пользующимися особым статутом в тѣх россійских областях, о коих идет рѣчь. Если поставить вопрос в эту плоскость, то все становится ясно и государственно понятно.

В теченіе своей работы, Столыпин за послѣдніе годы все больше проникался сознаніем, что Польша является тѣлом органически чуждым Россійской Имперіи. Польшѣ должна была быть возвращена ея самостоятельная жизнь. Еще 15-го октября 1909 года Столыпин разработал проэкт самоуправленія в городах Царства Польскаго и допускал в новых самоуправляющихся органах — для внутренняго дѣлопроизводства — польскій язык наравнѣ с русским. Потом — первая подготовительная мѣра к опредѣленію будуших имперских границ — православная Холмщина выдѣляется в особую губернію. Сплетеніе русских и польских интересов на пространствах Южной Россіи со всѣми своими острыми религіозными и политическими послѣдствіями должно было исчезнуть навсегда. Излагая закон о введеніи земств в Малороссіи Столыпин подчеркнул: «Законопроэкт дает законное представительство всѣм слоям мѣстнаго населенія, всѣм интересам, он только ставит предѣл дальнѣйшей многовѣковой племенной политической борьбѣ, он ставит этот предѣл, ограждая властным и рѣшительным словом русскія государственныя начала. Подтвержденіе этого принципа разрушит, может быть, немало иллюзій и надежд, но предупредит и немало несчастій и недоразумѣній, запечатлѣв от-

крыто и нелицемѣрно то, что юго-западный край есть и будет край русскій, навсегда, навѣки».

Вѣроятно, Столыпин чуял уже, что в теченіе десятилѣтней программы будет вырвано главное жало украинскаго сепаратизма, с постепенным отдѣленіем и, наконец, полной независимостью Польши, и, с другой стороны с пріобщеніе Малороссіи к общеимперскому экономическому, культурному и духовному возрожденію.

Постепенная децентрализація, связанная с невиданным раскрѣпощеніем человѣческой личности, должна была постепенно коснуться и Прибалтики и Кавказа и других окраин, по мѣрѣ того, как росло бы и крѣпло вновь россійское начало.

Десятилѣтній план, составленный Столыпиным в августѣ 1911 года, предрѣшал всѣ основныя россійскія проблемы, кромѣ, быть может, вопроса о Финляндіи... Лежа на одрѣ с простреленной грудью, помышляя в полузабытьѣ об одних интересах Россіи, Столыпин повторял упорно: «Самый важный, самый жгучій вопрос сейчас — это Финляндія».

Заключеніе.

Таковы основныя идеи Столыпина об Имперском пути Россіи. Рядом с историческим интересом, связанным с творчеством и чаяніями этой поры, идеи эти представляют интерес вѣчный, ибо главное в них является постоянным и свойственным Россіи во всѣ ея эпохи. Революціонным шквалом разрушены нынѣ національные, христіанскіе, монархическіе корни, основы Россіи. Но болѣе чѣм когда бы то ни было, понятны нам, несмотря на пропасть, отдѣляющую нас от прошлаго, главныя столыпинскія идеи. Идеи эти суть:

1) Сущность, власть Государства и Націи.

2) Необходимость, послѣ національной катастрофы, не только административных, экономических и соціальных реформ, но параллельно с этим, сразу послѣ прекращенія анархіи — контр-наступленіе идей, огромной умственной работы, огромнаго духовнаго напряженія.

3) Поэтому, в послѣ-революціонную пору нельзя топтаться на мѣстѣ, нельзя создавать застывшія формы, нельзя цѣпляться за отжившія понятія, нельзя задушить, а надо направить по иному, по творческому руслу неудовлетворенность русских сердец и умов.

4) И, дабы спасти все исконно русское, дабы возродить православное и историческое призваніе Россіи, нуж-

но, безжалостно отбрасывая все отжившее, обреченное и слабое, звать разумных и сильных, создавать новые обще-имперскіе, національные кадры и обхватить ими всю страну.

Все это, когда еще не оборвалась наша историческая линія, когда еще не было поздно, Столыпин пытался, начал осуществлять. Весь темный хаос, вызванный Революціей, всѣ анархическія силы, поднявшіяся на россійской землѣ, он обуздал и повел по иному пути. И если бы это было доведено до конца, то дѣло Столыпина было бы прежде всего побѣдой духа. Быть может ,помнил он изреченіе Фридриха Ницше, провидца новых времен:

«В человѣкѣ совмѣщается твореніе и творец. Человѣк представляет собой матерію, незаконченность, нагроможденность, глину, грязь, безуміе и хаос. Но в человѣкѣ живет одновременно тоже творец, скульптор, твердость молота и божественное созерцаніе седьмого дня».

Аркадій Столыпин.

ОБЛИКИ РУССКАГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА.

II. «Зависимая» интеллигенція.

В разгарѣ оформленія так называемой «идеи русскаго парламентаризма» одной из любимѣйших, крылатых цитат россійской интеллигенціи во всем ея огромнѣйшем діапазонѣ начала XX-го столѣтія была фраза, заимствованная у праотца русских историков, инока Нестора: — «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нѣт, — придите и княжите»...

Эти слова повторялись во всѣх случаях и при всѣх обстоятельствах — от Петрограда и Москвы до Усть-Сысольска, от модной гостиной общественнаго дѣятеля или мецената до малороссійской хаты сельской учительницы.

В общем, абсолютно всѣ сознавали печальный смысл древняго сказа, — конечно, каждый по разному, — и в тоже время в каком то непонятном и даже трагическом противорѣчіи неукоснительно слѣдовали «велѣнью старины глубокой»...

Интеллигенція на мѣстах **«призывала княжить»** столичных гастролеров из Литературнаго Фонда и Вольно-Эконо-

мическаго общества; послѣдніе раболѣпствовали перед Н. Ф. Анненским или с талмудическим благоговѣніем скандировали ряды каббалистических чисел, почерпнутые ими из записных книжек П. Б. Струве и Туган-Барановскаго; и, наконец, эта послѣдняя, жреческая инстанція независимой россійской интеллигенціи, в мистическом экстазѣ неофитов расчищала путь для интервенціи марксовскаго Капитала, шедевров Энгельса, Лассаля, Бланки, Прудона и прочих творцов абстрактнаго міозданья.

Всѣ, кто не соглашался пріобщиться к подобному духовному обогащенію и руководству, просто вычеркивались из неписанных списков интеллигентнаго общества, и, в зависимости от степени своего отвращенія, клеймились кличками — «дикій, «отщепенец», «крѣпостник» и, просто «предатель».

Вот безконечно печальная структура русской «независимой» или «свободной» интеллигенціи того періода.

Не болѣе отрадно обстояло дѣло и с другой половиной русской интеллигенціи, которая по тогдашней терминологіи называлась «зависимой» или «подневольной», т. е., другими словами, — находящейся на государственной службѣ.

И здѣсь, в первую очередь, необходимо обратить вниманіе на излюбленныя даже до наших дней утвержденія, в большинствѣ случаев исходящія из демократических источников, на, якобы, существовавшую в то время сословную преграду между двумя ея половинами.

Стоит только проявить нѣкоторую настойчивость для ознакомленія с біографическими данными о лицах, входящих в руководство оппозиціонным слоем, как предвзятость раскрывается с полной очевидностью.

Н. Ф. Анненскій — потомственный дворянин, П. Б. Струве, П. Н. Милюков, Потресов, Ленин, Плеханов, Кускова, Брешко-Брешковская, Петрункевич, Бакунин, Кокошкин, Родичев, Крапоткин, Петр Долгорукій, и пр. и пр., также дворяне. Можно утверждать, скорѣе, обратное, — что в общественно- революціонной интеллигенціи был весьма незначительный процент «прочих» россійских сословій.

Причина же внѣдренія в умы подобнаго утвержденія должна быть отнесена на долю, так называемаго «вводнаго элемента», без котораго нельзя было ни акклиматизировать многих западно-европейских политических ученій, ни утверждать историческую незыблемость «законов и процесса» великой французской революціи. В частном случаѣ по той же надобности для россійских соціал-демократов представилась необходимость созданія своеобразнаго научнаго

апокрифа о законченности процесса россійскаго капитализма.

Нельзя также обойти молчаніем установившееся тогда подраздѣленіе интеллигенціи на «свободных» и «подневольных».

Это утвержденіе несомнѣнно искусственно и ложно, ибо обѣ части интеллигентнаго общества были зависимы от своих руководящих слоев; причем слѣдует особенно подчеркнуть, что так называемая независимая часть подчас рабски управлялась произволом неписанных кодексов и **партійных** табу, другими словами, — психологическим гипнозом своих лидеров, иногда опиравшихся на весьма рѣшительный аппарат «революціонных профессіоналов» (боевыя организаціи и группы) и «профессіональных оппозиціонеров» — журналистов, адвокатов и прочих, чаявших общественнаго признанія и устраивавших таким путем свое матеріальное благополучіе.

Как слѣдствіе этого будет весьма небезинтересна степень отвѣтственности лидера перед своими «свободными» единомышленниками: достаточно вспомнить, что даже явное предательство лидера, напримѣр, в партіи соціалистов-революціонеров, Евно Азефа, было заклеймено только словами. И это при наличіи боевой организаціи, хладнокровно выносившей единый приговор — смертная казнь — даже мелким правительственным чиновникам, и иногда не останавливавшейся перед выполненіем своего приговора в общественных мѣстах, гдѣ жертвами их расправы становились женщины и дѣти (напр.: покушеніе на Аптекарском Островѣ на жизнь Столыпина, взрыв бомбы на паперти Морского собора в Севастополѣ)... Короче говоря, 6.310 жертв прохожих и правительственных чинов только за 1904-05 годы, стоившх жизни 270 революціонерам (доклад Стаховича в Государственной Думѣ).

Пагубность установившейся неписанной традиціи о неотвѣтственности лидеров, особенно ярко выявила себя в апофеозѣ русскаго парламентаризма, когда общественно-оппозиціонныя силы предстали в качествѣ единственных руководителей Россійскаго Государства.

До настоящих дней мало, кто знает, что получившій историческое признаніе «запломбированный вагон» с большевицкими вожаками на самом дѣлѣ был непомѣрно обширнѣе и, конечно, должен во всяком случаѣ принять множественное число, ибо за нѣсколько апрѣльских дней 1917 года через Германію было переброшено около 500 человѣк

(Бурцев. «Юбилей предателей и убійц»), и что преданные гласности два списка, вмѣщающіе в себя 188 фамилій (т. е. меньше половины переброшенных) представляют собой воистину партійно-политическій ноев ковчег: 65 членов россійской соціал-демократической рабочей партіи (включая в свои ряды значительный процент меньшевиков), 33 бундовца, 17 соціалистов-революціонеров и пр и пр.

Состоявшіе в правительствѣ с.-р.-ы А. Керенскій и Б. Савинков были прекрасно освѣдомлены (Никитин. «Роковые Годы»), что пріѣхавшій через Германію, т. е. таким порочным способом, один из основателей и член центральнаго исполнительнаго комитета партіи соціалистов-революціонеров, Натансон, а также и прибывшій иным способом другой член исп. ком. партіи с.-революціонеров В. Чернов — состояли на службѣ германскаго правительства, но ни А. Керенскій, ни Б. Савинков не почувствовали моральной отвѣтственности ни перед партійными своими кругами, ни перед всѣм русским народом, и не только не исключили их из своей среды, но допустили, чтобы В. Чернов занял пост министра в правительствѣ, а Натансон сдѣлался первым кандидатом в члены Учредительнаго Собранія от партіи соціалистов-революціонеров.

Таким образом, и былые независимые интеллигенты фактически были произвольно зависимыми, в отличіе от тѣх, кого они именовали подневольными, т. к. подчиненность послѣдних в большей или меньшей степени обуславливалась и ограничивалась, пусть несовершенным, но все-таки гласным законом.

В силу своей установленной законом подчиненности эта часть интеллигенціи должна быть подраздѣлена на руководящій слой, вмѣщавшій в себѣ всѣх, кто занимал должности главнаго управленія и руководства, а также и их предшественников и кандидатов, составлявших группу придворнаго и правительственнаго окруженія, и, наконец, всѣх остальных служащих государственнаго аппарата на мѣстах. В этой послѣдней категоріи ясно очерчивались три нѣсколько обособленных вида: юристы, военные и гражданскіе чиновники; каждой из этих групп законом предъявлялся особый научно-образовательный ценз, законом же воспрещалась их принадлежность к партійно-политическим организаціям.

Придворное и правительственное окруженіе, другими словами, — ведущій государственный слой по характерным своим признакам почти ничѣм не отличался от такового же слоя передовой россійской интеллигенціи, разница заключа-

лась, так сказать, в математических знаках, да в индивидуальном подходѣ при их разстановкѣ, т. е. какую из половин снабдить положительным, а какую надѣлить отрицательным.

Однако подобная оцѣнка (в просторѣчіи она называется пришпиливаніем ярлыка) являлась характерным и основным недугом всей интеллигентной среды того времени...

Но дѣло не в оцѣнкѣ, а в опредѣленіи абсолютной величины и, в особенности, в опредѣленіи ея дѣйствія.

Послѣднее увѣковѣчено разговором передового интеллигента Петра Верховенскаго с представителем власти губернатором Лембке: — «Вы нам прокладываете дорогу и подготовляете успѣх»... (Достоевскій. Бѣсы).

Конечно, эти слова не являлись бы столь убѣдительными, если бы они не были повторяемы **нѣсколько** раз на страницах передового журнала «Освобожденіе» за 1903 г., кстати без ссылки на Достоевскаго, а, слѣдовательно, в полновѣсном своем значеніи.

Ими же пользуется также безотносительно один из весьма характерных представителей того времени, по блестящему опредѣленію Е. Кусковой — «человѣк того времени» — Браудо.

Несмотря на трагическую согласованность усилій обѣих частей руководящаго слоя интеллигенціи ,один из виднѣйших представителей власти, гр. Витте, патетически восклицает: — «Негодяи из лѣвых, совершая гадкія дѣла, совершают их все-таки из принципа, из-за идеи, а негодяи из правых совершают гадкія дѣла всегда из корысти и из подлости.

(Витте. Воспом. Императ. Алекс. III).

Оставляя в сторонѣ классификацію всѣх вышеназванных «гадких дѣл», слѣдует все же признать нѣкоторую фатальность в том, что представитель высшей государственной власти склонен усматривать смягчающее обстоятельство, именно в идейной низости.

Допущеніе в круг своего обихода подлости ради идеи санкціонируется и в другой половинѣ интеллигентнаго общества, — «властитель дум» Лавров, дабы принудить Тургенева отмежеваться от офиціальной Россіи, 4-го августа 1883 года (за 19 дней до смерти писателя) помѣщает письмо во французской газетѣ «Justice», ,гдѣ свидѣтельствует, что Тургенев снабжал его в теченіе трех лѣт 500 фр. на изданіе в Лондонѣ русскаго революціоннаго журнала.

Из дѣйствія отдѣльных лиц складывается массовое по-

веденіе, в особенности это справедливо, если данныя лица являются видными представителями общественных кругов.

Чтобы подтвердить лишній раз справедливость подобнаго вывода, укажу на удивительную поспѣшность, с которою был подхвачен революціонными кругами этот малопривлекательный поступок Лаврова: — уже 25 сентября 1883 г. подпольный журнал «Народная Воля» помѣстил на своих страницах стихотвореніе в прозѣ «Порог» за полной подписью Тургенева.

Теперь можно представить себѣ, каким рѣзким диссонансом звучали с кафедры университета слова проф. Градовскаго о гражданском долгѣ: — «подавать примѣр жизни, состоящій в подведеніи ежедневных фактов под общія и твердыя начала»...

Именно эти то твердыя и общія начала гражданствености отсутствуют в руководящем слоѣ россійской интеллигенціи, и в рядѣ представителей и придворнаго, и правительственнаго руководства.

Фраза, поза и случайныя обстоятельства являлись главными факторами при волевом обнищаніи, а также при низведеніи основных идеалов твердаго управленія — справедливости и долга — до второстепенной роли.

— «Пройдут года, и потомки наши, посѣтив эти дикія горы с гордостью и торжеством скажут: здѣсь прошли русскія войска и воскресили славу суворовских и румянцевских чудо-богатырей» — так писал в своем приказѣ 19-го декабря 1877 года генерал Гурко послѣ взятія Ташкисенских позицій...

— «Варшавскій генерал-губернатор, генерал-адъютант Гурко пожелал, чтобы его старшій сын был назначен в качествѣ правителя его канцеляріи. Министр внутренних дѣл не согласился. Ген. Гурко явился к Государю в Петербург и в рѣзкой ультимативной формѣ поставил или сын назначается правителем канцеляріи или он генерал Гурко, подает в отставку. Государь принял послѣднее».

(Витте. Воспом. т. I, стр. 15).

Волею судьбы, и в нѣсколько иной обстановкѣ внуки ташкисенских героев, обездоленные, с печатью проклятія безподданных, но в безпредѣльном волненіи читали слова этого приказа на памятникѣ русским воинам у Арабаканакскаго перевала в Орханійских горах Болгаріи, и с особо острой болью из воспоминаній современника узнали, что впослѣдствіи, за этот подвиг вождь потребовал платы...

Своеобразный учет или предъявленіе подобных вексе-

лей за тѣ или иныя заслуги перед государством являлось самым распространеннѣйшим обычаем в руководящей правительственной средѣ: одни просили протекціи и назначенія на должности, другіе — просто денежных пособій...

Въ своих воспоминаніях гр. Витте с благородным негодованіем обвинял ряд сановников и приближенных в попрошайничествѣ, что, однако, не помѣшало ему самому при выходѣ в отставку обратиться к Государю с аналогичной просьбой о выдачѣ единовременнаго пособія в размѣрѣ 300.000 рублей. (Гр. Коковцев, Воспоминанія, т. I).

Если бы в поступкѣ гр. Витте можно было установить только личную противорѣчивость и непослѣдовательность (т. е. почти неотъемлемыя черты большинства ему современных интеллигентов) то этот акт из-за крайней его обыденности слѣдовало бы просто опустить, однако в нем скрывается гораздо болѣе сложное и весьма характерное явленіе.

В воспоминаніях сенатора Кони имѣется весьма образное выраженіе: — «закон сам по себѣ, а он сам по себѣ»...

Так вот такое самоисключеніе из общаго правила есть одна из самых основных черт, присущих всѣм интеллигентным современникам гр. Витте.

Самоисключеніе это являлось ничѣм иным, как вылощенным родственником россійскаго самодурства и полированным внуком Салтычихи...

— «Один из князей Шервашидзе во время своего вѣнчанія в Одессѣ явился в церковь в костюмѣ маркиза времен Людовика XV-го в напудренном парикѣ».. (гр. Витте. Царств. Императора Александра III).

— «Будущій министр иностранных дѣл кн. Лобанов-Ростовскій, будучи россійским послом в Константинополѣ, появлялся на православном церковном богослуженіи в халатѣ»... (там же).

Когда еще Витте, как администратор желѣзнодорожнаго участка был привлечен судом к отвѣтственности по дѣлу Тилигульскаго крушенія, стоившаго жизни болѣе 200 новобранцам, он исключил себя из общих правил о подсудности и не только не явился на суд, но и не считал необходимым послать своего повѣреннаго, на том-де основаніи, что «суд рѣшит дѣло так, как ему прикажут сверху» (там же).

— «Граф Шереметев, прочитав манифест Государя 17-го октября 1905 года, приказал портреты Государя в своем дворцѣ повернуть изображеніем к стѣнѣ, а один просто отнести на чердак (Витте. Воспоминанія, т, I, стр. 183).

Трудно изслѣдовать причину приведенной выше, так

сказать, гаммы подобнаго самодурства-самоисключенія не только благодаря слишком явной разнородности поступков, но, главное из-за степени и характера воспріятія окружающей среды.

Одни видѣли в этом пикантную приправу, создаваемую с цѣлью внесенія нѣкотораго разнообразія в строгую чопорность и монотонность великосвѣтских журфиксов, другіе расцѣнивали, как слѣдствіе умственнаго разложенія, обобщая и перенося зачастую с частнаго на цѣлое, и, наконец, третьи трактовали чисто юридически — подрыв авторитета религіи, прерогатив власти, суда и явное оскорбленіе Его Величества.

Безспорно одно — пользуясь словами Достоевскаго можно сказать: — «они готовили соус из зайца»... а от себя добавить, что зайцем для них была Россія.

— «Россія — страна удивительных контрастов и чарующей романтики» — так пишет с Кавказа к себѣ во Францію Дюма-отец; его слова возвратились в Россію и наполнили благородной, патріотической восторженностью великосвѣтскіе салоны.

Возраженій быть не может. Романтическое кружево с лихорадочной поспѣшностью и удесятиренной энергіей плелось, заплеталось.

Никому в голову не приходило, что Дюма-отец, пріѣхав на Кавказ, тотчас же нарядился в черкеску, и его с кунацким радушіем возили из духана в духан (Витте. Царств. Имп. Александра III), гдѣ с простодушной откровенностью джигитов-кутил, молодые офицеры повѣдали ему поэтическую сагу о том, как намѣстник Кавказа, свѣтлѣйшій князь Барятинскій похитил у своего адъютанта Давыдова жену и умчался с нею в благословенную Францію.

Несомнѣнная стопроцентная чарующая романтика, да и романтическій контраст налицо: принц царственной крови и Золушка.

И дѣйствительно романтика поглотила весь государственный руководящій слой.

Мелькают фамиліи балерин, их число пополняется именами адъютантских жен, разведенных и просто увезенных...

Отрава ширится и из придворной сферы переходит в правительственную среду: — генерал-губернатор Чертков собственной властью развел с женой своего подчиненнаго, Новороссійскаго полицмейстера, и женился на ней; многоудѣляющій вниманія и громкоосуждающій подобное паденіе, Витте, тоже самое продѣлывает с женой своего подчи-

неннаго по министерству путей сообщенія. Министр внутренних дѣл П. Н. Дурново, по выраженію С. Д. Сазонова, — «сломил себѣ шею, благодаря инциденту романтическаго свойства, гдѣ голос страсти заглушил у него разум» (С. Д. Сазонов. Воспоминанія).

...И в маревѣ романтическаго угара яснѣй и грознѣй вырисовывается демоническая физіономія Маккіавели — **«Пусть знают правители, нарушающіе закон, что они потеряют государство».**

С. В. Іегулов.

(Продолженіе в слѣд. №).

ОФИЦЕРЫ*).

Если была великая и сложная драма простого русскаго солдата, захваченнаго революціей вдали от родины в чужих траншеях на Западном фронтѣ, то неизмѣримо болѣе страшную драму пришлось пережить русскому офицеру.

Особыя бригады переживали все то же, что выпало на долю пережить всей великой русской арміи, всему ея офицерскому корпусу.

Трагедія русскаго офицерскаго корпуса, начавшаяся вмѣстѣ с февральской революціей и достигшая своей крайней напряженности послѣ октября, — трагедія небывалая в исторіи всѣх армій, когда-либо существовавших. Позднѣе германскому офицерству пришлось пережить нѣчто подобное, но в гораздо болѣе смягченной формѣ и кратковременно.

Воспитанный в безконечной и жертвенной преданности Вѣрѣ, Царю и Отечеству, в священном почитаніи родных знамен, на которых были начертаны названія самых славных русских побѣд, начиная от Полтавы, офицер вдруг увидѣл, что все, что было ему дороже жизни, чему он служил, для защиты чего он провел четыре года в окопах, у него отняли,, знамена безславно свернули, понятія долга и чести осмѣяли и его самого стали злобно травить, как «золотопогонника», «контрреволюціонера», преслѣдовать, мучить и убивать.

Русскій офицер знал и любил русскаго солдата. Он относился к нему, как отец, как старшій брат. Война, общія лишенія и страданія особенно сблизили офицеров и солдат. Исторіи полков во время Великой Войны сохранила множество примѣров их взаимной выручки и поддержки, их взаимнаго само-

---

*) Глава из книги **«Легіон Чести»**, выходящей в рижском издательствѣ журнала «Для Вас».

пожертвованія, многих подвигов солдат, рисковавших добровольно жизнью, чтобы вынести из боя своего убитаго офицера. И даже послѣ революціи, когда солдат всячески натравливали на офицеров, сколь многих из них спасли от гибели и мучительной смерти их преданные солдаты...

С революціей офицер терял не только свои эполеты, эмблему чести и долга, свои боевые ордена, за которые он пролил столько крови и явил столько героизма, он терял и своего младшаго брата — солдата, его любовь, его преданность, его уваженіе.

Но там, в Россіи, офицеры были, хотя и в объятом пламенем домѣ, но все же у себя, среди русских людей, вмѣстѣ с ними так или иначе переживавших то же горе, тот же позор и то же униженіе. Там или друг друга ненавидѣли и преслѣдовали, или же сочувствовали и жалѣли. Там никто не мог офицера презирать, никто не ставил ему в вину преступленій его обезумѣвших и ослѣпленных свѣтом революціонных пожаров солдат.

Там, наконец, испив до дна чашу горечи, униженій и позора, офицерство в лучшей части своей вновь развернуло національный трехцвѣтный флаг и начало борьбу с врагами Россіи. В Добровольческой арміи оно вновь надѣло погоны, но не для того, чтобы командовать и повелѣвать, а для того, чтобы замѣстить отступившихся солдат и умирать с солдатской винтовкой в руках и кровью своей смыть позор революціоннаго безсилія с полотнищ боевых знамен старой русской арміи. Там у каждаго право быть офицером старой императорской арміи, стать солдатом, «штыком» арміи Добровольческой. Право не потонуть в революціонном большевицком хаосѣ, а стать в ряды молодых добровольческих полков, отважно и безстрашно бросивших вызов коммунизму.

Этой послѣдней и смертельной борьбѣ русскій офицер отдал в рядах добровольческих армій в Россіи всѣ свои послѣднія силы, весь свой послѣдній порыв. Для него было только два исхода: побѣда или смерть...

Побѣда была почти недосягаема, коммунистическія арміи повсюду давили на добровольцев огромными массами, неизсякаемым резервуаром людских пополненій насильно мобилизованных красных солдат. И все же добровольцы в теченіе нѣскольких лѣт одерживали блистательныя побѣды.

Из прежняго императорскаго офицера гражданская война выковала поистинѣ стального солдата. И батальоны таких офицерских штыков побѣждали и гнали перед собою красные дивизіи и корпуса.

...У себя на родинѣ, в Россіи, офицерство, оставшееся до послѣдняго вздоха вѣрным старым россійским боевым знаменам, нашло выход из своего невыносимаго положенія. Выход этот был только один — сражаться. Сражаться, побѣдить или умереть. И именно в гражданской войнѣ офицерство показало всю свою жертвенность, доказало, что служило Россіи не ради чинов, орденов и тщеславія. От всѣх привилегій, от всѣх чинов и крестов отказался офицер, кромѣ деревяннаго... И когда не стало солдат, — офицеры добровольно замѣстили их в полковых рядах.

В Россіи, для послѣдней и рѣшительной борьбы с коммунизмом, нашлись кадры вѣрных офицеров и солдат, нашлись и вожди, поведшіе их в страшные и безпрерывные бои за честь и свободу отечества. Один из них, генерал Михаил Гордѣевич Дроздовскій, смертельно раненый во 2-мъ Кубанском походѣ, в своем дневникѣ кратко и ясно выразил всѣ чувства, руководившія россійским офицерством, которое, пожертвовав всѣм личным, рѣшило до конца бороться для спасенія Россіи.

Генерал Дроздовскій писал:

«Только смѣлость и твердая воля творят большія дѣла. Только непреклонное рѣшеніе дает успѣх и побѣду. Будем же и впредь, в грядущей борьбѣ, ставить себѣ смѣло высокія цѣли, стремиться к достиженію их с желѣзным упорством, предпочитая славную гибель позорному отказу от борьбы.

Голос малодушія страшен, как яд... Нам осталась только дерзость и рѣшимость. Россія погибла, наступило время ига. Неизвѣстно, на сколько времени. Это иго горше татарскаго. Пока царствуют комиссары, нѣт и не может быть Россіи, и только когда рухнет большевизм, мы можем начать новую жизнь, возродить свое отечество. Это наш символ вѣры.

Через гибель большевизма — к возрожденію Россіи. Вот наш единственный путь, и съ него мы не свернем.

Я весь в борьбѣ. И пусть война без конца, но война до побѣды. И мнѣ кажется, что вдали я вижу слабое мерцаніе солнечных лучей. **А сейчас я обрекающій и обреченный...»**

Ведя бѣлую борьбу, русское офицерство сохранило завѣт своего погибшаго Императора, — завѣт вѣрности союзникам по великой войнѣ. Даже в ущерб себѣ, добровольцы отказывались от помощи германских войск, в то время оккупировавших часть россійской территоріи.

Вот свидѣтельство исторіи:

«На походѣ мы встрѣчали эшелоны германцев и австрійцев, тянувшіеся к югу. Под Каховкой германцы предложили нам свою помощь. Отличный германскій взвод, с пулеметом на носилках, уже подошел к нам по глубокому песку. Германских пулеметчиков поблагодарили, но сказали, что огня открывать не надо»...

На Западном фронтѣ, равно как и на Македонском, русскіе офицеры само собой не могли начать непосредственную борьбу с коммунизмом. Но они могли смыть незаслуженный позор с русскаго оружія, могли непріятіем большевицкаго Брест-Литоскаго мира и своим участіем в рядах союзников до конечной побѣды показать всему міру, что нѣт ничего общаго между ними, сынами старой русской арміи, и предателями Брест-Литовска.

И если даже добровольцы Дроздовскаго отказом от помощи германскаго оружія подчеркивали свою рыцарскую вѣрность общему дѣлу союзников, то тѣм болѣе естественно было проявить эту вѣрность и офицерству особых бригад.

Вопросу о судьбѣ русских офицеров французское правительство посвятило не мало совѣщаній, он разсматривался в спеціальных комиссіях, но широкаго рѣшенія, к сожалѣнію, принято не было.

Русскій военный агент в Парижѣ писал французскому военному министру о массовых заявленіях русских офицеров о желаніи их вступить в ряды французских частей *).

Как общее мѣропріятіе, такое вступленіе не было признано возможным. Исключеніе было сдѣлано только для авіаторов и нѣкоторых категорій военных спеціалистов.

Почему-то оказалась закрытой также возможность поступленія русских офицеров в американскія и даже сербскія войска.

Оставалась запись в 1-ю категорію (для формированія добровольческих легіонов). Но в эти легіоны офицеры могли поступать только на офицерскія должности. Легіонов был не много ,слѣдовательно, и офицерских вакансій тоже было мало. Желающіе были столь многочисленны, что приходилось прибѣгать к метанію жребія.

Оставалась еще также ограниченная запись в полки Иностраннаго Легіона, чѣм часть офицеров и воспользовалась. Очень многим пришлось удовольствоваться записью на офицерскія должности в солдатскія рабочія роты. Главная же масса вполнѣ боеспособнаго и вѣрнаго союзническому дѣлу офицерства оставалас за флагом.

*) Письмо его от 18 дек. 1917 г. № 4741.

Теперь, в исторической перспективѣ, сравнивая положеніе офицерства в добровольческих арміях и на Западном фронтѣ, остается искренне пожалѣть, что во Франціи не было допущено, подобно тому, как это было сдѣлано в добровольческих арміях, — формированіе офицерских полков, гдѣ и командный, и солдатскій состав, был сплошь из офицеров.

Этого не было сдѣлано. Многіе и многіе офицеры принуждены были перейти на положеніе демобилизованных и искать себѣ заработка во Франціи и в других странах. Коекому удалось своими силами и средствами добраться до русских добровольческих армій и вступить в их ряды. Сам генерал Лохвицкій прибыл в распоряженіе адмирала Колчака. Часть молодежи перебралась в Америку, чтобы там закончить высшее образованіе. И только небольшая часть всего офицерскаго корпуса особых бригад получила возможность вступить в ряды формирующагося Русскаго Легіона.

На них легла отнынѣ высокая честь, и почетная, но трудная задача — смыть незаслуженный позор с молодых знамен особых бригад, возстановить боевую репутацію русскаго оружія и окончательно уничтожить то предубѣжденіе и даже презрѣніе, которыя породила во французском общественном мнѣніи — в отношеніи русских офицеров и солдат — плохо понятая трагедія особых бригад во Франціи и всей русской арміи вообще.

Для того, чтобы достигнуть всего этого, недостаточно было просто хорошо драться, быть боевой частью, равной всѣм прочим хорошим и боеспособным частям.

Русскому Легіону надлежало совершить исключительные подвиги, проявить не только воинскую доблесть, но показать сверх-доблесть, выдержать сверхчеловѣческое напряженіе, показать исключительную воинскую жертвенность, сумасшедшую отвагу, полное безстрашіе перед смертью, непоколебимую твердость, мужество и хладнокровіе, в самом испепеляющем, самом губительном боевом огнѣ...

Офицеры Русскаго Легіона не знали только слов, сказанных генералом Дроздовским. Но каждый из них, без сомнѣнія, носил их в своем сердцѣ... Каждый из них мог повторить за Дроздовским:

— Нам осталась только дерзость и рѣшимость...

И каждый из них, подобно ему, мог сказать про себя:

— Я обрекающій и обреченный...

Е. Тарусскій.

ДВА ПИСЬМА ИМП. АЛЕКСАНДРА III К КНЯЗЮ В. П. МЕЩЕРСКОМУ.

Князь Владимір Петрович Мещерскій (1839-1914), извѣстный публицист, долголѣтній издатель еженедѣльной ультра-реакціонной газеты «Гражданин», долгое время пользовался личным довѣріем и даже дружбой сначала императора Александра III, а потом — в період с 1902 по 1905 гг. — императора Николая II.

Наиболѣе близкими были его отношенія к Александру в період с 1865 по 1872 гг., когда стоявшій в рѣзкой оппозиціи к политикѣ своего отца, Александр охотно воспринимал критику этой политики со стороны Мещерскаго. Мещерскій мечтал тогда стать «маркизом Позой» при «дон-Карлосѣ» — Александрѣ, и в момент вступленія наслѣдника на престол, оказаться, так сказать автоматически, самым могущественным в Россіи человѣком. К счастью для Россіи, у хитраго и даже умнаго, но морально недоброкачественнаго Мещерскаго на это не хватило вѣса: очень быстро его смѣнил при Александрѣ человѣк гораздо болѣе значительный — К. П. Побѣдоносцев, и потом, как до так и послѣ 1881 г., Мещерскій, сохранив остатки своей былой дружбы с царемъ, не пользовался никаким особым вліяніем. Слава его, как всемогущаго временщика, сильно раздута как им самим, так и его многочисленными врагами.

Публикуемыя письма — только небольшая часть той обширной переписки имп. Александра III и имп. Николая II с Мещерским, которая, благодаря ряду счастливых случайностей, дошла до нас. В настоящее время письма эти, снабженныя обширными коментаріями и вступительной главой, готовятся к печати.

Письма печатаются с сохраненіем орѳографіи подлинников.

В. С. Франк.

I.

Фреденсборгъ.[1]

1867 года, 7-го (19-го) Іюня.

Любезный Князь, благодарю Васъ очень за Ваши 2 письма, въ особенности за второе, которое меня очень интересовало, именно гдѣ Вы говорите о Славянахъ. — Я почти ничего не слышалъ о нихъ и очень радъ былъ узнать хоть что-нибудь о ихъ пребываніи въ Москвѣ. —[2]

Да, любезный Владиміръ Петровичь, хорошо было наше

пребываніе въ Парижѣ. — Если теперь я вспоминаю наше пребываніе тамъ, у меня дѣлается лихорадка и если еще бы недѣлю мы остались въ Парижѣ, то навѣрное я бы заболѣлъ отъ постояннаго страха за жизнь Государя. — Да, тяжелое время провели мы въ Парижѣ, который оставилъ мнѣ самое грустное и тяжелое воспоминаніе. — Я не могъ не веселиться, не проводить время спокойно ни на одну минуту. — Нельзя было ручаться за каждый новый день, что не повторится снова, тоже самое, что было 5-го Іюня (26-го Мая).[3] Парижъ, въ особенности въ настоящее время, такъ переполненъ всякимъ народомъ. — Однихъ поляковъ, скотовъ, до 25000 человѣкъ. — Меня такъ и тянуло вонъ изъ Парижа, несмотря на всѣ его прелести и увеселенія. — Къ чорту все лишь-бы нашъ Государь былъ не вридимъ и вернулся бы въ матушку Россію поскорѣе. — Вы не можете себѣ представить, какъ я былъ печаленъ тѣмъ, что Государь не перемѣнилъ свой маршрутъ и всетаки отправляется въ Варшаву, гдѣ встрѣчается съ Императрицей. — Жаль, очень жаль, что послѣ этого печальнаго происшествія Государь даже не былъ хоть въ одномъ русскомъ городѣ, а прямо поѣхалъ въ враждебную намъ Польшу.[4] — Я не знаю можно-ли хоть, что-нибудь ожидать послѣ этой поѣздки Государя въ Варшаву, хоть какое нибудь сближеніе Россіи съ Польшей. — Я увѣренъ, что нечего ожидать и, въ особенности, теперь, когда каждый русскій еще больше возненавидитъ Поляка послѣ атентата Парижскаго. — Я не понимаю цѣли поѣздки Государя въ Варшаву и къ чему торопились такъ, дать амнистію всѣмъ этимъ подлѣцамъ.[5] — Я увѣренъ, что это работа Валуева[6] и Шувалова[7], иначе быть не можетъ. — Я старался заговаривать съ Государемъ о его поѣздкѣ въ Варшаву и даже спрашивалъ, не перемѣнитъ ли онъ свой маршрутъ, но Государь сказалъ, что не намѣренъ. — Я просилъ тоже Адлерберга[8] и Горчакова[9], но ничего не помогло. — Нечего дѣлать; вѣдь мы не знаемъ, что можетъ произойти послѣ посѣщенія Государя Польши, можетъ быть и къ лучшему (фатумъ, все фатумъ!). — Странное было чувство попасть вдругъ въ Парижъ и сидѣть въ одной коляскѣ съ Наполеономъ.[10] — Непріятное чувство сидѣть возлѣ такого человѣка, хотя онъ былъ любезенъ, какъ нельзя больше, и въ особенности къ русскимъ. — Императрица[11] мнѣ очень понравилась. — Она тоже была очень любезна съ русскими и умѣетъ себя держать. — Разговорчива и весела; она еще очень хороша собою и совсѣмъ не такъ перемѣнилась, какъ я думалъ. — Вообще, знакомиться и разговаривать съ Французами было легко, потому что они умѣютъ говорить. — Вы

скажите слово, а они Вамъ отвѣтютъ 20, такъ, что разговоръ идетъ, какъ по маслу. Много было въ Парижѣ коронованныхъ особъ и всевозможныхъ Принцевъ и Принцессъ. —[12]

Какое было счастье, когда я выбрался наконецъ изъ этого вертепа и попалъ на вольный воздухъ милой Даніи въ которой теперь отдыхаю и наслаждаюсь спокойствіемъ. —

Вы просите меня написать Вамъ изъ Англіи.[13] — Я еще не рѣшилъ, когда поѣду въ Англію и, во всяком случаѣ, меня эта поѣздка всегда больше интересовала, чѣмъ поѣздка въ Парижъ. —

Странно, что до сихъ поръ въ Даніи все было свѣжо и только второй день, что теплѣе. — Въ Финскомъ заливѣ еще до сихъ поръ стояли льды такъ, что суда насилу проходили въ Кронштадтъ. —

Здѣсь ждутъ въ Іюля мѣсяцѣ пріѣзда В(еликаго) К(нязя) Константина Николаевича[14] съ Супругою[15] и съ невѣстою[16]. — Король Греческій[17] гостилъ здѣсь не долго, всего недѣли полторы и снова улетѣлъ къ своей невѣстѣ въ Петербургъ, въ которую влюбился не на шутку. —

Владиміръ[18], какъ Вы навѣрно знаете отправляется изъ Варшавы въ Эмсъ на воды, потому, что до сихъ поръ еще кашлитъ съ самой масленицы. —

Какъ идутъ теперь дѣла Московскаго Университета, все-ли спокойно и всѣ-ли довольны.[19] — Пишите мнѣ пожалуйста о губернаторахъ тѣхъ губерній, въ которыхъ Вы будете. — Это меня очень интересуетъ, тѣмъ болѣе, что у насъ такъ мало хорошихъ. — Къ стати о губернаторахъ: я видѣлъ въ Парижѣ Черткова, бывшаго губернатора въ Кам(енцѣ) Под(ольскомъ) — и познакомился съ его женою, она очень не дурна собою и кажется не глупая женщина.[20]

Тоже пишите о Земствѣ и какъ они идутъ, это одно изъ нужнѣйшихъ и лучшихъ учрежденій, которое было сдѣлано у насъ и я сильно стою за него. — Вообще, письма изъ Россіи, получать за границею очень пріятно и всякій разъ это мнѣ доставляетъ большое удовольствіе; въ особенности, Ваше послѣднее письмо о Славянахъ меня очень интересовало и я давалъ читать его Козлову[21] и Оому.[22] — Если увидите Графиню Бобринскую[23] кланяйтесь ей от меня и тоже Гагарину Предвод(ителю) Дв(орянства)[24] и Щербатову[25] съ женой тоже. — Наше пребываніе нынешній годъ въ Москвѣ оставило мнѣ самое пріятное воспоминаніе.[26] — Я видѣлся часто съ Воронцовыми[27] въ Парижѣ и часто разговаривалъ съ нимъ; онъ даже пріѣхалъ проводить меня на желѣз(ную) дорогу, когда я уѣзжалъ изъ Парижа, что меня очень тро-

нуло. Его жена тоже была съ нимъ въ Парижѣ. — Видѣлся тоже часто съ Кн(язємъ) Орловымъ.[28] —

Прощайте, Любезный Владиміръ Петровичь, благодарю Васъ еще разъ, за Ваши письма. — Пишите сюда-же, потому что надѣюсь остатся здѣсь по дольше.

Вашъ Александръ.

---

1) Фреденсборг — замок в Даніи, построенный в 1720 г., в 8 км. СВ от Фредериксборга, на островѣ Зеландѣ, на берегу Эсрома; лѣтняя резиденція датской королевской фамиліи.

2) В связи с Всероссійской Этнографической Выставкой с 23 апрѣля по 18 іюня 1867 г., в Москвѣ был организован Славянскій съѣзд, превратившійся, в силу присутствія многих извѣстных славянских дѣятелей, во внушительную политическую демонстрацію.

3) С 20 по 30 мая 1867 г. импер. Александр II в сопровожденіи великих князей Александра и Владиміра Александровичей и многочисленной свиты, в состав которой входил кн. Горчаков, пребывал, по приглашенію Наполеона III, в Парижѣ, для осмотра парижской всемірной выставки. 25 мая, при возвращеніи Императора со смотра французских войск, поляк Березовскій выстрѣлил из пистолета в коляску, в которой ѣхали имп. Александр II, Наполеон и оба великихкнязя. Пуля, пролетѣв мимо, ранила лошадь ѣхавшаго возлѣ императорскаго экипажа французскаго штальмейстера.

4) 30 мая имп. Александр II выѣхал из Парижа и, заѣхав по пути в Баден-Баден, Штуттгарт, Дармштадт и Потсдам, 6 іюня прибыл в Варшаву, гдѣ его встрѣтила императрица с младшими дѣтьми. Татищев пишет в своей книгѣ «Император Александр II», СПБ. 1903, т. 2, стр. 22-23: «Выстрѣл Березовскаго нимало не измѣнил великодушных намѣреній государя в отношеніи к польским его подданным. В Варшавѣ он подписал два указа на имя намѣстника: первым прекращены разысканія имуществ, принадлежащих преступникам, принимавших участіе в мятежѣ, и подлежавших конфискаціи..., вторым даровано вспомоществованіе оставшимся за штатом польским чиновникам упраздненных учрежденій».

5) 3 іюня 1867 года была обнародована амнистія участникам польскаго возстанія 1863 г.

6) Петр Александрович **Валуев** (1814-1890), 1861-1868 министр внутренних дѣл. Извѣстен своими либеральными и полонофильскими тенденціями.

7) Граф Петр Андреевич **Шувалов** (1827-1889), 1866-1874 — шеф корпуса жандармов. Один из вліятельнѣйших людей в первую половину царствованія имп. Александра II.

8) Граф Александр Владимірович **Адлерберг** (1818-1888), ген.-м., близкій друг имп. Александра II, сопровождавшій его во всѣх путешествіях и исполнявшій отдѣльныя порученія.

9) Князь Александр Николаевич **Горчаков** (1798-1883), 1856-1883 министр иностранных дѣл.

10) **Наполеон** III (1808-1872), 1852-1871 император французов.

11) **Евгенія** (1826-1920), франц. императрица, дочь испанскаго графа Мануэля-Фернандо де-Монтихо.

12) Наряду с другими коронованными особами в Парижѣ присутствовал, между прочим, и прусскій король.

13) В Англію в 1867 г. Наслѣдник не поѣхал.

14) Вел. Кн. **Константин Николаевич** (1827-1892), второй сын имп. Николая I; 1865-1881 — предсѣд. Госуд. Совѣта.

15) Вел. Княгиня **Александра Іосифовна** (1830-1912), дочь герцога Саксен-Альтенбургскаго.

16) Т. е., с дочерью своею, вел. княжной **Ольгой Константиновой** (1851-1926), невѣстой греческаго короля Георга I.

17) **Георг I** (1845-1913), 1863-1913 король Эллинов, второй сын датскаго короля Христіана IX (т. е. брат цесаревны Маріи Федоровны). С 26 іюня 1867 г. в бракѣ с Ольгой Константиновной.

18) Вел. Князь **Владимір Александрович** (1847-1909), третій сын Имп. Александра II.

19) Періодически повторявшіеся в Московском и других университетах безпорядки вызвали необходимость усилить за ними надзор, и правилами 1861 г. для всѣх высших учебных заведеній вмѣнено полиціи в обязанность извѣщать учебное начальство о проступках учащихся, совершаемых ими внѣ заведеній, а начальству учебных заведеній — исполнять тоже самое по отношенію к полиціи и т. д.

20) Михаил Иванович **Чертков** (1829-1905), 1864-1867 Волынскій военный губернатор и управляющій гражданской частью.

21) П. А. **Козлов,** адъютант Наслѣдника, друг Мещерскаго.

22) Федор Адольфович **Оом** (1826-1898), секретарь Наслѣдника.

23) Вѣроятно, жена графа Алексѣя Павловича **Бобринскаго,** близкаго к имп. Александру II, человѣка.

24) Князь Лев Николаевич **Гагарин** (1828-1868), 1862-1868 московскій губернскій предводитель дворянства.

25) Князь Александр Алексѣевич **Щербатов** (1829-1902), в 60-х г. г. московскій городской голова.

26) С 20 апрѣля по 2 мая 1867 г. император с наслѣдником и его супругой посѣтил Москву, гдѣ молодая Цесаревна посѣщала московскія святыни и историческіе памятники и осматривала этнографич. выставку.

27) Граф Илларіон Иванович **Воронцов-Дашков** (1837-1916) с 1862 г. флигель-адъютант, близкій друг вел. кн. Александра Александровича.

28) Князь Николай Александрович **Орлов** (1827-1885), генерал-адъютант, 1859-1869 посланник в Брюсселѣ.

II.

Бернсторфъ, 9-го (21-го) Августа 1870 г.

Благодарю Васъ, Любезный Владиміръ Петровичь, за Ваше интересное письмо. — Грустно, очень грустно и тяжело все, что вы пишете, и много правды въ вашихъ словахъ, и часто приходятъ мнѣ въ голову подобныя-же мысли и будьте увѣрены, что не смотря на нашу спокойную и тихую жизнь

здѣсь, часто я думаю о положеніи Россіи въ скоромъ будущемъ. —

Я очень радъ, что вы мнѣ будете писать, но мы не долго остаемся здѣсь и 20 или 21 августа нашего стиля уже выѣзжаемъ обратно въ Россію. — Теперь отвѣчаю вамъ на наши вопросы. — Я постоянно, въ продолженіи всего года былъ очень доволенъ какъ вы себя держали въ отношеніи ко мнѣ и большаго рѣшительно желать и не могу. —

Довѣрія я всегда имѣлъ къ вамъ, но было время, гдѣ мы съ вами разошлись, причины вамъ извѣстны. — Теперь-же кажется мы совершенно съ вами помѣрились и по этому конечно и довѣріе снова вернулось. —

Я въ полнѣ согласенъ на подарокъ Г-ну Каралли[1] часовъ съ надписью, какъ вы предпологали и увѣренъ, что онъ совершенно заслуживаетъ этого вниманія за его труды. — Жизнь наша здѣсь самая пріятная, какъ всегда и совершенно семейная — ложимся въ 11 ч(асовъ) и встаемъ въ 8½, а потомъ проводимъ день разнообразнымъ образомъ. —

Здѣсь всѣ очень интересуются войною и слѣдятъ постоянно по картѣ за движеніемъ обоихъ армій. — Конечно Датчанѣ очень сожалѣютъ о неудачѣ французовъ,[2] но вмѣстѣ съ тѣмъ счастливы, что война миновала ихъ и что теперь они могутъ остатся нейтральными.[3] —

Что за несчастная участь Франціи и до чего довелъ ее Наполеонъ III это ужасно! — По неволѣ приходится серьезно подумать о нашей родинѣ и до ее скоро доберутся поганые Пруссаки и до сихъ поръ есть люди, которые увѣрены, что она[4] наша союзница. —

Не понимаю рѣшительно образа дѣйствій нашего правительства и что за ослѣпленіе. — Да покажутъ намъ пруссаки, что значитъ ихъ союзъ и дружба и увидимъ мы тогда, что за дураки мы были все время. —

Все имъ дѣлали угодное, во всемъ имъ помогали тогда, когда они намъ ровно никогда и никакой услуги не оказали.[5] —

Здѣсь рѣшительно никто не можетъ понять нашей дружбы къ пруссакамъ и не вѣрятъ этому, какъ дѣлу невозможному. — Да грустно, очень грустно видѣть какъ мы сами приготовляемъ для себя неизбѣжную опасность и заботимся только о томъ, чтобы по возможности облегчить пруссакамъ занять наши балтійскія провинціи, а, можетъ быть, и дальше. —

10-го (22-го) Августа.

Наше военное министерство къ несчастью очень мало сдѣлало, чтобы поставить нашу армію на военную ногу и въ

какомъ видѣ! Это страшно подумать. — Ружей нѣтъ, патроновъ не хватаетъ и половины даже для мирного времени. — Главное, это то, что назначютъ Богъ знаетъ кого Главнокомандующимъ; человѣка, который будетъ въ совершенной зависимости отъ военнаго министерства и креатура Милютина; это навѣрное такъ и будетъ.[6] — Но не смотря на все это я не теряю духъ и надѣюсь на русскаго Бога, который всегда насъ спосалъ и вывозилъ изъ бѣды или устраивалъ все къ лучшему. — Интересное время мы теперь переживаемъ и кто могъ бы подумать еще мѣсяцъ тому назадъ о такомъ переворотѣ въ странѣ, которая столько вѣковъ считалась одной изъ первыхъ державъ и теперь вдругъ осаженной на одну изъ послѣднихъ ступеней мелкихъ и ничтожныхъ государствъ. —

Но мнѣ не вѣрится, чтобы это былъ-бы конецъ, а я увѣренъ что французы еще дадутъ себя знать свиньямъ пруссакамъ. — О! какъ я былъ бы счастливъ!

Но довольно о войнѣ, надо теперь перейти къ мирнымъ занятіямъ. — Что дѣлаетъ ваша работа описанія выставки,[7] подвигается ли она? вообще кажется наша выставка не много принесла пользы странѣ и посѣщалась весьма лѣниво; да и время не такое, чтобы съѣзжались теперь въ Петербургѣ. — Что дѣлаетъ милое Царское, меня ужъ тянетъ туда и, хотя здѣсь хорошо и пріятно, но время такое, что хочется быть дома и видѣть поближе, все, что дѣлается у насъ и какъ думаютъ и размышляютъ на родинѣ. —

Я думаю, что вы врядъ ли успѣете отвѣтить мнѣ, на это письмо, но я надѣюсь получить еще одно письмо отъ васъ до нашего отъѣзда, хотя осталось намъ всего 10 дней оставаться въ милой Даніи. — Теперь кончаю мое письмо и еще разъ благодарю Васъ за ваше отъ всего сердца. —

Обнимаю Васъ крѣпко!

Искренно любящій Васъ

Александръ.

Если увидите Владиміра[8] кланяйтесь ему. —

---

1) Купец **Корали**, один из первых сотрудников В. П. Мещерскаго по работѣ в дѣтском пріютѣ памяти Цесаревича Николая Александровича, покойнаго брата Александра Александровича.

2) Уже 6-го августа (н. ст.) пруссаки одержали значительную побѣду над арміей Мак-Магона при Вертѣ, а исход битвы при Мар-ля-Турѣ 16-го августа обусловил их окончательную побѣду.

3) В началѣ франко-прусскаго конфликта датское правитель-

ство склонялось к заключенію военнаго союза с Франціей. но объявленіе Россіей и Англіей строгаго нейтралитета, а также угрозы из Берлина, вынудили его отказаться от этой мысли.

4) Т. е. Пруссія.

5) В іюнѣ 1870 г. Александр II встрѣтился с королем Вильгельмом в Эмсѣ и обѣщал поддержать Пруссію сохраненіем нейтралитета; в случаѣ выступленія какой-нибудь третьей державы на сторонѣ Франціи, Россія обязывалась поддержать Пруссію силой. Занятая Россіей позиція доставила Пруссіи возможность двинуть всѣ свои силы на запад.

6) Реформы военнаго министра Д .А. Милютина, в частности его преобразованіе центральных военных учрежденій, вызвали в концѣ 60-х гг. рѣзкую критику со стороны цѣлаго ряда военных спеціалистов.

Извѣстна записка фельдмаршала князя А. И. Барятинскаго, представленная им в 1869 году Императору, в которой Барятинскій, между прочим, указывал на то, что новым положеніем умаляется власть и должность главнокомандующаго, поставленнаго в полную зависимость от центральнаго военнаго управленія.

7) С 15-го мая по 15-ое іюля 1870 г. в Петербургѣ состоялась мануфактурная выставка.

8) Вел. кн. Владимір Александрович, брат Наслѣдника.

ПОНЯТІЕ « A PRIORI » У КАНТА И ШОПЕНГАУЭРА.

(КРАТКОЕ ВВЕДЕНІЕ В КРИТИЧЕСКУЮ ФИЛОСОФІЮ).

(Продолженіе).

КАНТ.

§ 2.

Как я уже говорил, ссылаясь на слова Канта, смысл его ученія об апріорных элементах нашего познанія, как и вообще любую часть его ученія, можно познать только из идеи цѣлаго; эта же послѣдняя открывается из той цѣли, которую преслѣдовал Кант при написаніи Критики, именно, из намѣренія доказать невозможность метафизики в видѣ теоретическаго познанія, или невозможность примѣнять апріорныя синтетическія основоположенія (и вообще элементы) разума внѣ предѣлов опыта.

Предварительное опредѣленіе понятія a priori Кант дает в Критикѣ чистаго разума. Там он обращает вниманіе на то, что хотя всякое познаніе и начинается с опыта, который служит как бы поводом к примѣненію нашего разсудка, но не все оно возникает из опыта. Это нужно понимать в том смыслѣ, что даже в опытном по-

знанія не все, что заключается в результатах нашего опыта, выводится непосредственно из опыта. Опыт, располагаясь во времени, благодаря этому ограничивается им в том смыслѣ, что дает только относительную (эмпирическую) всеобщность и может облекать свои сужденія лишь в ассерторическую форму. Между тѣм, у нас есть всеобщія и необходимыя познанія. Таким образом, является необходимость различать два вида познанія, из которых один имѣет источником непосредственно опыт, а другой не зависит от него ;первое познаніе есть познаніе **a posteriori** а второе — **a priori** — Вот кантовское опредѣленіе познанія **a priori** : «Под познаніем **a priori** мы будем понимать не такое, которое не зависит от того или другого опыта, но такое, которое не зависит ни от какого опыта». (Критика ч. р., Введеніе, стр. 28). Сюда он прибавляет, что апріорное познаніе чисто, если в нем нѣт ничего эмпирическаго. Понимая затѣм под метафизикой апріорное синтетическое познаніе (Пролегомены, стр. 16), т. е. такое познаніе, которое, не завися от опыта ,не ограничивается одним расчлененіем наших понятій, для выясненія их содержанія **éxplicité**, но дѣйствительно расширяет наше познаніе прибавляя к понятію то, что, хотя и не мыслится в нем, однако, дѣйствительно заключается в предметѣ, подводимом под это понятіе (как несущественный признак), — понимая метафизику таким образом, онъ задается вопросомъ, возможна ли она в видѣ спекулятивнаго познанія? И вопрос этот он разрѣшает двумя способами: въ Пролегоменах — аналитическим или регрессивным, въ Критикѣ — синтетическим или прогрессивным (Пролегом., стр. 13 и 32). Под первым способом нужно понимать такой, который, исходя из даннаго, поднимается к условіям возможности этого даннаго, чтобы из этой возможности вывести и все остальное; под синтетическим же способом — когда мы все считаем одинаково неизвѣстным. В примѣненіи к данному вопросу о возможности метафизики или, как выражается Кант, о возможности апріорных синтетических сужденій, он в Пролегоменах, исходя из безспорнаго существованія синтетическаго познанія — математики и естествознанія — старается узнать, как оно возможно, чтобы отсюда вывести возможность или невозможность метафизики; в Критикѣ-же он изслѣдует все поле чистаго разума, стараясь вскрыть в нем всѣ апріорные элементы, чтобы узнать, примѣнимы ли они в метафизическом смыслѣ, т. е. внѣ условій чувственности и опыта. Таким об-

разом, второй способ болѣе соотвѣтствует моей цѣли — выведенію апріорных элементов познанія, с цѣлью пояснить, что каждый из философов подводил под понятіе **a priori** чтобы из такого номинальнаго перечня извлечь элементы для поясненія реальнаго опредѣленія понятія **a priori** Второму порядку изложенія я и буду слѣдовать.

§ 3.

На стр. 167 Пролегомен Кант говорит: «Критика разума должна представлять всю совокупность понятій **a priori** раздѣленіе их по различным источникам: чувственности, разсудку и разуму». Но, так как под разумом он понимал способность, не могущую саму по себѣ давать объективных познаній, способную задавать только цѣли, и существующую лишь в интересах болѣе успѣшнаго примѣненія первых двух, — то я о ней говорить не буду и не буду перечислять ея элементы, как не имѣющіе объективнаго значенія. Таким образом, видно, что Кант хотѣл достигнуть полноты выведенія апріорных принципов прежде всего посредством идеи цѣлаго познанія. Эта идея заключается в том взглядѣ Канта, что можно познавать только тогда, когда дано то, что может быть познано. Способность давать матеріал для познанія и способность его мыслить, т. е. судить, принципіально различны, и если первую Кант называет чувственностью, то вторую он называет, в отличіе от первой, разсудком. Вот его слова (Крит., Транс. анал., стр. 49):

«Посредством чувственности предметы нам даются; посредством разсудка они мыслятся и из них возникают понятія». Наше познаніе он понимал так, что предметы, дѣйствуя на нашу чувственность, дают нам созерцанія, которыя затѣм подводятся нашим разсудком под понятіе. Но это «затѣм» нельзя понимать во временном смыслѣ; это нужно понимать в смыслѣ логической послѣдовательности: нельзя подводить под понятія то, что еще не дано. Раздѣлив таким образом наше познаніе по источникам, Кант сперва обращается только к чувственности и задается вопросом, что, может быть, не все в созерцаніи, поскольку оно дано, может быть объяснено из эмпирическаго источника, т. е., может быть, не все входит в созерцаніе извнѣ ,через ощущеніе. На это он отвѣчает, что если матерія созерцанія привходит в нас извнѣ, т. е. эмпи-

рически, то то, чѣм эта матерія упорядочивается, т. е. форма, должно находиться в нашей душѣ, как тот способ, коим мы получаем ощущеніе извнѣ, через чувственность. Эту форму он называет чистым созерцаніем **a priori** В Пр о л е г о м е н а х он подходит к этому с другой стороны и из существованія математики приходит к тому, что подобное чистое созерцаніе должно существовать. Вѣдь математика, говорит Кант, есть апріорное синтетическое познаніе, но при этом, в отличіе от апріорнаго познанія из понятій, оно есть познаніе из конструкціи понятій в созерцаніи. Об его апріорности говорят его всеобщность и необходимость которыя никогда не могут быть взяты из опыта. В этом он сходится с философами, бывшими до него; что же касается синтетичности математическаго познанія, то он с ними расходится. Лейбниц, напр., полагал, что математика имѣет логическую истинность, и пытался даже доказать из понятій математическія аксіомы. Кант же доказал, что сколько бы мы, напр., ни расчленяли понятіе суммы двух опредѣленных чисел (напр., 5 + 7), мы из понятій не сможем узнать, чему равна эта сумма: тут нужно, как он выражается, призвать на помощь созерцаніе. Оно дает возможность синтетических сужденій в математикѣ. Под созерцаніем же, в отличіе от понятія, нужно понимать предмет, разсматриваемый со стороны не только существенных (как в понятіи), н о и н е с у щ е с т в е н н ы х п р и з н а к о в. Вѣдь синтетическим сужденіем называется такое, в котором мы к субъекту присоединяем признак (предикат), который, хотя и не мыслится в его понятіи, о д н а к о, з а к л ю ч а е т с я в п р е д м е т ѣ, подводимом под данное понятіе. Из этого очень легко понять возможность эмпирических синтетических сужденій, так как в опытѣ предмет нам дается во всем его многообразіи, как с существенными, так и несущественными признаками. Но как понять то, что в математикѣ подобныя (синтетическія) познанія являются еще и апріорными? На это Кант отвѣчает, что предметом математики является созерцаніе **a priori** О том, каково это созерцаніе, говорит трансцендентальная эстетика, или ученіе об апріорных формах чувственности; она говорит, что это созерцаніе есть пространство для внѣшняго чувства и время — для внутренняго; но, так как даже внѣшній предмет полагается в душѣ как представленіе, то время есть апріорная форма всѣх созерцаній вообще. Пространство он характеризует по четырем пунктам, из которых одни характеризуют его как в о о б щ е элемент нашего познанія a priori а

другіе — в его специфических особенностях, поскольку оно отличается от других апріорных элементов.

1) Оно не заимствовано из опыта, но сам опыт *дѣлается возможным* только потому, что у нас **a priori** находится представленіе пространства. Это оно раздѣляет с другими апріорными элементами нашего познанія.

2) Никакое внѣшнее созерцаніе не может быть без пространства, хотя само пространство может быть представлено и не наполненным. *На этом основывается возможность геометріи*, как отдѣльной науки, которая говорит о вещах, как созерцаніях, не постольку, поскольку онѣ различны между собой (в их матеріи), но поскольку онѣ схожи, т. е. об их формѣ.

3) Пространство — созерцаніе, а не понятіе, так как только таким образом объясняется возможность выводить из него *синтетическія* познанія об его отношеніях. Оно содержит многообразіе не под собой (как понятіе), а в себѣ. Оно дает возможность, благодаря этому, *конкретно* представлять предметы.

4) Оно характеризуется безконечностью. В діалектикѣ это свойство выступает как лишній аргумент в пользу *трансцендентальной идеальности* всего, расположеннаго в пространствѣ, так как только благодаря этой идеальности является возможность разрѣшить противорѣчія, возникающія из этого свойства пространства. Время Кант характеризует тоже с этих четырех сторон, но в трансцендентальном отношеніи, т. е. в отношеніи возможности выведенія из него синтетическаго познанія **a priori** он указывает, что время дает возможность счета, т. е. арифметики. Теперь он задается вопросом: каким образом мы можем имѣть о вещах воззрѣніе (созерцаніе) **a priori** т. е. до того, как их получаем через ощущеніе? На это он отвѣчает (*Пролег.*, стр. 41): «Если бы в нашем созерцаніи должны были бы представляться вещи так, как онѣ существуют сами по себѣ, тогда не было бы совсѣм созерцанія **a priori** а было бы только эмпирическое, ибо то, что содержится в предметѣ самом по себѣ, — я могу узнать только тогда, когда он мнѣ дан». Когда он сейчас же прибавляет, что и эмпирическое воззрѣніе вещей в себѣ нельзя объяснить, так как созерцаніе по своему матеріалу субъективно, то он совсѣм напоминает Берклея. Замѣчаніе Канта на стр. 53 *Пролегомен*, что красный цвѣт не может имѣть сходства со свойством киновари, возбуждаю-

щим во мнѣ это ощущенiе, тоже поразительно сходно с замѣчанiем на ту же тему Берклея, на стр. 65 Трактата (пер. Дебольской, гл. I, § 8), — что идея может быть схожа только с идеей. Но Кант пошел дальше: он объявил субъективной и форму созерцанiя. Созерцанiе **a priori** может предшествовать дѣйствительному предмету только тогда, когда оно есть только форма чувственности, т. е. тот постоянный способ, коим мы получаем представленiя через ощущенiе. Отсюда слѣдует: во-первых, что познанiе, основанное на возможности имѣть чистое созерцанiе **a priori** т. е. математика, касается только предметов наших чувств; во-вторых, что то, что нам дается только при помощи апрiорной, субъективной формы чувственности, есть не вещь въ себѣ, а явленiе.

Таким образом, изслѣдовав в эстетикѣ апрiорную сторону того, как предмет нам дается, Кант пришел к тому, что предмет может быть дан только потому, что у нас **a priori** имѣются представленiя пространства и времени. Все же другое, даже движенiе, заключая в себѣ измѣненiе, предполагает эмпирическiй источник. Уже из всего того, что было мною сказано до сих пор, мы можем сдѣлать нѣкоторыя наблюденiя относительно того, как Кант мыслил понятiе **a priori**

Говоря о том, что только благодаря апрiорным представленiям пространства и времени опыт дѣлается возможным, Кант — что очень важно — отнюдь не хочет сказать, что эти формы во времени предшествуют опыту. Если пространство и время предшествуют опыту, то только въ логическом смыслѣ, так как без них опыт не может быть дан. Кант отлично понимал, что нельзя в данном случаѣ спрашивать, что чему предшествует и что дается одновременно, так как сами эти «предшествовать» и «даваться одновременно» уже предполагают время. Затѣм — что очень важно само по себѣ и может кромѣ того пояснить предшествующее — это то, что Кант не понимал под чувственностью способность нашего тѣла испытывать воздѣйствiе от других тѣл, и вообще не прiурочивал нашу познавательную способность к какому-либо тѣлу. Понимая под пространством и временем тот способ, коим мы получаем воздѣйствiе от предметов, ему, если бы он под чувственностью понимал свойство нашего тѣла получать воздѣйствiе, — пришлось бы тогда пространство, как свойство, способ, поставить в зависимость от нашего тѣла, что нелѣпо,

т. к. само по себѣ наше тѣло и вообще всѣ предметы уже предполагают пространство и находятся по отношенію к нему, как к своему условію, в зависимости. Собственно, потому он и не предполагает, что время и пространство во времени предшествует опыту. Это было бы необходимо только в том случаѣ, когда чувственность отождествлялась бы со свойством нашего тѣла. Тогда пространство и время, как свойство (способ получать воздѣйствія) нашего тѣла (которое само расположено в пространствѣ и времени), должны были бы во времени предшествовать этим воздѣйствіям. Одним словом, апріорный не значит у Канта прирожденный, и он вообще этот вопрос о происхожденіи нашего познанія оставляет в сторонѣ, имѣя в виду только его состав.

§ 4.

Опредѣлив, таким образом, пространство и время как апріорные элементы нашей чувственности, т. е. того, посредством чего предмет нам конкретно дается, Кант переходит к разсудку, с цѣлью опредѣлить и в его дѣятельности апріорные элементы. Постараюсь теперь в кратких словах описать Кантово ученіе о них, как я его понимаю.

Чувственность дает нам предметы, разсудок же эти предметы мыслит, т. е. создает из них понятія. Но разсудок Кант опредѣляет не только как способность к понятіям, но и как способность к сужденіям (К р., Транс. анал., кн. I, стр. 86); но это объясняется не двусмысленностью въ понятіи разсудка, а двусмысленностью в понятіях «сужденіе» и «понятіе», между которыми Кант не выставляет рѣзкой границы. Понятія упрощают дѣйствительность, так как в каждом из них познается много представленій, данных в созерцаніи, которыя объединены между собой по сходству в каком-либо отношеніи. Но так как и понятія могут имѣть сходство между собой, то и они объединяются в болѣе высшія понятія и т. д. Таким образом, получаются системы субординированных понятій, из которых одни могут познаваться посредством других. В данном случаѣ Кант как бы отожествляет ту функцію, посредством которой различныя представленія (созерцанія) подводятся под одно понятіе (способность понятій), и ту, посредством которой понятіе познается при помощи болѣе высшаго понятія (способность къ сужденіям). В этом отношеніи он создает нѣкоторую неясность, так как

сужденіе уже вѣдь предполагает понятіе, в виду того, что относительно воззрѣній (не понятій) судить нельзя. Воззрѣніе (созерцаніе), которое берется с существенными и несущественными признаками, не дает возможности судить о себѣ ни при помощи аналитических, ни при помощи синтетических сужденій:аналитически о нем судить нельзя, так как в данном случаѣ требуется субъект (понятіе) с строго опредѣленными признаками (чего нѣт в воззрѣніи), которые ему в сужденіи приписываются на основаніи закона противорѣчія (в отрицательном сужденіи — наоборот); синтетическія же сужденія основываются на том, что мы субъекту, мыслимому лишь со стороны нѣкоторых признаков, приписываем другіе, которые извлекаем не из понятія, а из того предмета, который мы подводим под это понятіе. Таким образом, в первом случаѣ требуется одно понятіе, а во втором—понятіе и соотвѣтствующее ему воззрѣніе. Об одних же воззрѣніях судить нельзя. Выходит, значит, что понятіе отличается от сужденія, так как второе уже предполагает первое. Тѣм не менѣе Кант, опредѣлив предварительно разсудок, как способность понятій, на стр. 87 Критики (Трансц. анал., кн. I) опредѣляет его как способность к сужденіям и думает, что сужденіе и есть тот ключ, с помощью котораго можно притти к открытію чистых разсудочных понятій, т. е. таких понятій, которыя не содержат в себѣ ничего эмпирическаго, а выражают в себѣ форму мышленія о предметѣ вообще. Постараюсь изложить вкратцѣ, как Кант приходит к опредѣленію этих апріорных элементов нашего мышленія, и укажу, что его метод в данном случаѣ такой же, как и при опредѣленіи апріорных форм чувственности. Пространство и время были познаны как апріорные элементы чувственности только потому, что они, будучи примѣняемы к опыту, — в противном случаѣ они не имѣли бы содержанія, которое может даваться только в опытѣ, — сами не могут быть выведены из опыта; другими словами, они, благодаря своей всеобщности (математика), не выражают содержаніе того или другого опыта, но содержат в себѣ выраженіе формы опыта вообще, разсматриваемаго со стороны того, как он нам дается. В этом смыслѣ, они являются условіями возможности опыта. Поэтому, если слѣдовать такому же методу при опредѣленіи апріорных элементов нашего мышленія, эти элементы должны быть познаны как дѣлающіе возможным опыт со стороны мышленія, т. е. как выра-

жающіе форму опыта вообще, разсматриваемаго со стороны того, как он мыслится. Такому методу и слѣдовалъ Кант.

Если каждое познаніе, выражая содержаніе опыта, возможно только в формѣ сужденія, то для того, чтобы опредѣлить, что дѣлает возможным опыт со стороны мышленія, нужно изслѣдовать, что дѣлает возможными сами сужденія. Результаты этого изслѣдованія уже теперь можно характеризовать слѣдующими признаками:

1) Эти элементы будут апріорными, т. е. не могущими быть заимствованными из опыта, так как каждый опыт, поскольку мы его высказываем в формѣ сужденія, их уже предполагает.

2) Они должны быть названы понятіями, так как относятся не к чувственности (тому, посредством чего предмет нам дается), а к разсудку (тому, посредством чего он мыслится). Эти элементы Кант опредѣляет слѣдующим образом. Он задается вопросом: на чем основана возможность сужденій, во всем разнообразіи их видов? На том, что в основѣ каждаго вида лежит понятіе, на котором основано отличіе этого вида от других. Это понятіе и есть апріорный элемент познанія со стороны разсудка и называется Кантом категоріей. С другой стороны, дѣйствіе разсудка есть сужденіе, а сужденіе есть функція единства для наших представленій (Крит., Трансц. анал., кн. I, стр. 87); всякое же единство в многообразіи возможно только при помощи синтеза. Значит, различные виды сужденій суть различные виды синтеза (дѣйствія разсудка), а эти различные виды синтеза, разсматриваемые как понятія, суть чистыя разсудочныя понятія, или категоріи. Опираясь, таким образом, на различные виды сужденій, Кант извлекает слѣдующія категоріи:

1.

Количество.

Единство.
Множество.
Всеобщность.

2.

Качество.

Реальность.
Отрицаніе.
Ограниченіе.

3.

Отношеніе.

Принадлежн. — самостоят.
Причинность — зависим.
Общеніе (взаимодѣйствіе между дѣятельным и страдательным).

4.

Модальность.

Возможность — невозможность.
Существованіе — несуществованіе.
Необходимость — случайность.

Но ко всему этому нужно еще прибавить самый высшій апріорный элемент нашего мышленія, на котором Кант основывает даже возможность самих категорій. Это трансцендентальное единство апперцепцій. Под этим единством Кант понимает самую возможность соединенія вообще (синтеза), а потому отожествляет ее с самим разсудком. Эта возможность соединенія основана на том, что каждое представленіе является как данное мнѣ, так как сопровождается сужденіем «я мыслю». И это «я» или «я мыслю» и является тѣм фоном, на котором и можно соединять представленія в понятія, а понятія — в сужденія, которыя и есть отдѣльныя выраженія данной способности. Но при этом он отличает это единство апперцепціи, как объективное, от субъективнаго, которое объединяет представленія по законам репродуктивнаго воображенія и ассоціаціи, т. е. случайно. Но, когда он на этом различіи основывает различіе сужденій с объективным и субъективным значеніем, то, клянусь Зевсом, тут начинается одно из темнѣйших мѣст его системы, так как в поясненіе субъективности он говорит, что эти сужденія имѣют значеніе только для н а ш е г о субъекта (здѣсь заключена мысль о существованіи других субъектов), а для поясненія объективности они приводит всеобщее признаніе, т. е. признаніе этого сужденія другими людьми — мысль, на которую отнюдь нельзя опираться в теоріи познанія. Из ученія по этому поводу проф. Введенскаго можно вывести то, что, благодаря отсутствію объективных признаков одушевленности, рѣчь, напр., других людей, выражающая согласіе с данным суждніем, должна быть только эмпирическим фактом, и больше ничѣм. Таким образом, апріорными элементами нашего мышленія являются категоріи, а сама их возможность основана на трансцендентальном единствѣ апперцепціи. Характерно для Канта то, что он считал эту таблицу категорій полной, т. е. системой, а не аггрегатом, о чем будет сказано ниже. Что же касается сферы их примѣненія, то Кант ограничивал ее предметами возможнаго опыта. Это он объясняет тѣм, что познаніе осуществляетя только тогда, когда помимо категоріи, как формы мысли, предмет нам дан. В противном случаѣ это (категорія) будет мысль, ли-

шенная содержанія. Но, так как предметы нам даются только посредством наших чувств, т. е. всякое созерцаніе чувственно, то познаніе может осуществиться только в примѣненіи к предметам возможнаго опыта, в котором предмет нам только и дается.

Из всего этого выходит, что всякое наше познаніе, будучи субъективным и по матеріалу, и по формѣ, относится только к явленіям, а не к вещам в себѣ. Даже сам познающій субъект, Я, не может быть познан как вещь в себѣ; всякое познаніе, кромѣ категоріи, требует многообразія, а в данном случаѣ всякое многообразіе может являться только в формѣ внутренняго чувства, т. е. времени, а значит, как явленіе. Теперь укажу на особенность ученія Канта о категоріях, которая характерна для его отличія от Шопенгауэра. Она заключается в слѣдующем: раз все содержаніе категорій основано на их отношеніи к нашему познанію, к предметам возможнаго опыта, — они и мыслятся только со стороны этого отношенія и не допускают никаких других вопросов относительно себя, так как отвѣты на эти вопросы, претендуя быть познаніями, уже предполагают примѣненіе категорій. В одном мѣстѣ Критики (Трансц. анал., кн. I, гл. III, стр. 118) он указывает на невозможность узнать, почему категоріи осуществляют наше познаніе именно в таком числѣ (12), а не в другом. Дѣйствительно, каким образом можно задаваться вопросом, кромѣ того, напр., о происхожденіи апріорных понятій, если всякое происхожденіе, будучи извѣстным опредѣленіем во времени, требует для своего познанія категоріи? Прирожденность, наприм., есть свойство феномена, т. е. того, что является во времени; поэтому категоріи, будучи условіями возможности познанія всякаго феномена, сами не могут быть прирожденными, т. е. не могут быть поставлены в отношеніях времени: прирожденность, вѣдь, и есть одно из опредѣленій по времени. Но есть ли данныя в ученіи Канта, чтобы приписать категоріям предикат прирожденности? Замѣтим, что апріорность обозначает «до опыта» в логическом смыслѣ, прирожденность же — «до опыта» во временном смыслѣ. Апріорность дѣлается прирожденностью только тогда, когда мыслится возможность возникновенія опыта во времени (по Канту это нелѣпо: опыт не может имѣть начала во времени, так как всякое начало — в опытѣ; это будет показано ниже). Если опыт имѣет начало во времени, то «до опыта» пріобрѣтает временное значеніе, т. е. значеніе прирожденности. Но есть ли

указаніе у Канта, что возникновеніе опыта есть процесс, т. е. совершается во времени? Да, но не в самой мысли, а в способѣ выраженія. Кант в нѣкоторых мѣстах так описывает познаніе, как будто бы сперва, благодаря воздѣйствію вещей, нам дается многообразіе чувственности, которое потом выливается в форму пространства и времени, и лишь затѣм, будучи отнесено к трансцендентальному единству апперцепціи, т. е. будучи подведено под категоріи, становится опытным познаніем. Если теперь такой способ выраженія принять за сущность дѣла, то понятіе «до опыта» пріобрѣтает временный смысл, т. е. смысл прирожденности. Говоря о чувственности, я указал, что «апріорный» дѣлается «прирожденным» только тогда, когда ее (чувственность) понимают как свойство нашего тѣла получать причинныя воздѣйствія от предметов. Теперь это поясняется еще болѣе, так как если чувственность есть свойство нашего тѣла получать причинныя воздѣйствія от предметов, — было время, когда этого воздѣйствія не было; значит, опыт возникает во времени и «до опыта» имѣет временный характер. Правда, Кант дает нѣкоторыя основанія для подобнаго пониманія. Он так объясняет (правда, не во всѣх мѣстах) наличность представленій, как если бы предметы (в данном случаѣ вещи в себѣ) дѣйствовали на нашу чувственность; но, с другой стороны, по Канту причинная зависимость может быть только между явленіями, которыя расположены в пространствѣ и во времени. В первом случаѣ невольно напрашивается такое пониманіе познанія, какое существует у физіологов: пространственные предметы, путем физическаго воздѣйствія на нашу чувственность, производят ощущенія. Здѣсь очевидно, чувственность понимается как свойство (способность) нашего тѣла. Кромѣ того, первая аналогія опыта подталкивает на такое пониманіе чувственности и разсудка (как локализованных, связаных с нашим тѣлом): познаніе совершается во времени, а время само восприматься не может, а может быть воспринято только устойчивое во времени, которое расположено в пространствѣ (Крит., стр. 206). Но, с другой стороны, в процессѣ познанія постоянными условіями, т. е. устойчивым, являются способности: чувственность и разсудок. Отсюда может возникнуть мысль о пріурочиваніи их к нашему пространственному тѣлу. Я, таким образом, указал на различные способы пониманія Канта. Резюмэ такое: «апріорный» можно считать за «прирожденный» только тогда, когда мы считаем по-

знаніе процессом, т. е. мыслим возможность возникновенія опыта (во времени); а это послѣднее необходимо только тогда, когда мы понимаем чувственность как свойство нашего тѣла получать причинныя воздѣйствія от предметов.

По-моему же, мысль самого Канта лежала совсѣм в другом направленіи: познаніе не есть процесс, чувственность не есть свойство тѣла, категоріи и разсудок не имѣют для своего опредѣленія других предикатов, кромѣ тѣх, которые опредѣляют их отношеніе к предметам возможнаго опыта (т. е. того, что они дѣлают их возможными, сами ничего не заимствуя из опыта).

§ 5.

Найдя всѣ чистыя разсудочныя понятія, Кант задается вопросом: каким образом они примѣняются к опыту? На этот вопрос он отвѣчает отчасти в ученіи о схематизмѣ чистых разсудочных понятій, гдѣ он говорит о тѣх условіях, при которых они примѣняются, отчасти — в ученіи об апріорных основоположеніях чистаго разсудка, гдѣ указывается на тот способ, коим они примѣняются к опыту. Дѣйствительно, как примѣняются к опыту эмпирическія понятія, понятно: в них мыслится то, что в опытѣ может быть созерцаемо. Но как примѣняются чистыя понятія? На это Кант отвѣчает, что должно быть нѣчто третье, которое было бы с одной стороны чувственно, а с другой — разсудочно. Это третье он называет трансцендентальной схемой; возможность же примѣненія этих схем видит во времени. Время, будучи апріорной формой чувственности ,содержится во всяком явленіи. Если бы его теперь можно было опредѣлить сообразно с категоріями, то это опредѣленіе и было бы схемой. Кант говорит, что схема постольку однородна с явленіем, поскольку содержит в себѣ время, и постольку однородна с категоріями, поскольку основывается на правилѣ a priori Эта же схема, высказанная в видѣ сужденія, есть апріорное основоположеніе чистаго разсудка. Таким образом, эти основоположенія Кант разбивает на четыре группы, сообразно четырем группам категорій:

I.
Аксіомы созерцанія.

II.
Антиципаціи
воспріятія.

III.
Аналогіи опыта.

IV.
Постулаты эмпирическаго
мышленія вообще.

Первая группа подводит всѣ явленія под понятіе величины и дѣлает возможной математику со стороны разсудка (в эстетикѣ ея возможность объяснялась лишь со стороны чувственности).

Вторая группа подводит реальное вообще, т. е. ощущеніе, под понятіе тоже величины, но не экстенсивной, как в первой группѣ, а интенсивной. Она указывает, что форма каждаго ощущенія заключается в том, что оно имѣет степень, т. е. может быть больше или меньше.

Третья группа указывает на то, что временныя опредѣленія только тогда объективны, когда основываются на общем правилѣ.

Четвертая группа указывает на отношеніе явленій к нашему разсудку и как бы устанавливает степени в самом познаніи реальности вещи, т.е. ея дѣйствительности.

На этом я заканчиваю разсмотрѣніе того, что Кант подводил под понятіе **a priori** так как то, что может служить к характеристикѣ понятія **a priori** — в реальном отношеніи, уже сказано. Идеи разума я разсматривать не буду, так как онѣ не имѣют объективнаго значенія и служат лишь в интересах болѣе успѣшнаго примѣненія разсудка с его категоріями (как регулятивные принципы).

Резюмирую все сказанное о Кантѣ слѣдующим образом: апріорность у Канта не значит прирожденность, так как прирожденность, как временное опредѣленіе, не может касаться того, что дѣлает возможным то, к чему только и примѣнимы временныя опредѣленія (т. е. опыт).

Д-ръ фил. Н. А. Реймерс.

(Окончаніе в слѣд. номерѣ).

Библіографія

С. Л. ФРАНК. Непостижимое. (Онтологическое введеніе в философію религіи). Русская Научная Библіотека. Книга І-ая. Изд. Дом Книги и Соврем. Записки. Париж.

Первая книга «Научной Библіотеки» дает нам новый труд С. Л. Франка — крупнѣйшее явленіе современной философской мысли, не только русской.

С. Л. Франк достаточно извѣстен, достаточно дал ощутить себя своими прежними работами, но давно — очень давно — мы не видѣли столь глубоких, «вѣсомых» книг.

Хотя автор расцѣнивает свой труд, как только попытку, «посильно намекающую, лепечущую об истинѣ подлинной, неизъяснимой, неизрѣченной Реальности», нам кажется, что этот «лепет» так близок лепету самого міра, так точно передает «неба содроганье», что через эти страницы мы дѣйствительно соприкасаемся реальности міра, а, может быть, и «міров иных».

Я бы добавил, что эта книга **необыкновенно «современна».** Конечно, в ней ничто не отражает смятенія повседневности, но она необычайно созвучна психикѣ и исканіям нашей новой эпохи, и может быть, предвѣщает и предуказывает и дальнѣйшій путь обновленнаго духа.

Давая сейчас об этой значительнѣйшей книгѣ отзыв в нѣсколько строк, мы в слѣдующем № посвятим ей особую статью.

И. Я. С.

И. БУНИН. Жизнь Арсеньева. II. Лика. Изданіе **Петрополис.** Брюссель.

Молчат гробницы, муміи и кости,
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на міровом погостѣ,
Звучат лишь письмена.
И нѣт у нас иного достоянья!
Умѣйте же беречь
Хоть в мѣру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар безсмертный — рѣчь.

Эти стихи — стихи Бунина. Они могли бы служить лучшим эпиграфом к его творчеству. На фонѣ безсильной подсовѣтской литературы, искаженной русской рѣчи, на ряду съ молодым эмигрантским творчеством, зачастую превращающимся в «чехарду» соревнованія, в погоню за новшествами, теряющим связь с традиціей русской литературы, «слово» Бунина звучит всегда властно и, поистинѣ, является нашим «достояніем», свидѣтельством о могуществѣ нашей рѣчи, ея лучшим образчиком! Его образы владѣют нами, не вспыхивают и тухнут только, как мимолетное и случайное, но покоряют наше вниманіе, заставляют нас перенестись в мір автора. С какой радостью перечитываешь страницы, в которых он «воскрешает» видѣнія Россіи, показывает ея природу. В ней чувствуется не только контур близкаго нам пейзажа, а вся его атмосфера. Это не «описаніе», не смѣна декорацій. Это —

мастерство большого художника, в котором все пріобрѣтает значеніе и каждая деталь составляет нужную черту в картинѣ. — Как прекрасен, напримѣр, вечер в Витебскѣ, гдѣ на фонѣ города — «пейзажа», — живописно выступает гуляющая толпа — «перваго плана»!

Книга Бунина названа «Лика», именем героини романа, которому посвящено ея содержаніе. Но не в этом романѣ главный смысл и значеніе произведенія. Центральной фигурой остается всегда сам автор, а этот роман, сама Лика, другіе люди, впечатлѣнія, ощущенія — только встрѣченныя им на жизненном пути «поводы» помогавшіе найти, узнать и выявить самого себя. — В этом смыслѣ в ней можно видѣть элемент автобіографіи, которую склонны вообще усматривать в «Жизни Арсеньева». Бунин в «Ликѣ», во всяком случаѣ, приближает нас к себѣ,, дает ключ к пониманію своего творчества. Он показывает, как работал над ним, как развивал в себѣ художественное зрѣніе, накапливал образы, складывал их в картины... С этой точки зрѣнія, книга пріобрѣтает особую значительность, открывает новую страницу.— Но, разставаясь с ней, испытываешь также, как и при чтеніи других его произведеній, нѣкоторое чувство грусти, вызванное не столько ея содержаніем, сколько лежащее в сущности творчества Бунина.

Бренность всего земного, недолговѣчность его, власть гибели и смерти — тѣм болѣе остро ощущаемая, чѣм сильнѣе мы привязаны к этому міру, — сопутствует даже самому радостному настроенію в его произведеніях. Недаром ,так много мѣста удѣлено в них мотиву смерти. Смерть у Бунина не неизбѣжное завершеніе земного существованія, а катастрофа, которая, по его словам, «разом и вдруг» лишает нас всего, чѣм мы жили, что мы любили. Этой непримиримостью и «непріятіем міра в цѣлом» — Бунин нарушает гармоничность своего міроощущенія, которой он достигает, приближаясь на большой художественной высотѣ — к постиженію тайной красоты Бытія.

Б.

ИВ. ЛУКАШ. Вѣтер Карпат. Изданіе Возрожденіе. Париж. 1938 г.

В книгѣ Лукаша «Вѣтер Карпат» — «разсыпана золотая дорожная пыль», об исчезновеніи которой скорбѣла его героиня Елена Гичи...

В основѣ этой, скорѣе, повѣсти, нежели романа, легли эпизоды, разсказанные ему энтузіастом-карпаторуссом Іосифом Оласом.

С большим мастерством И. Лукаш создал из них народный карпаторусскій узор, настолько тщательно и любовно, что над всѣми «шестнадцатью разными узорами» — «на звѣздочки», «на зерницы» и «завѣйхвостики» — в скорбном протестѣ встал единый облик карпаторуссов с их древней (особой карпаторусской) молитвой:

— Богородице ,Диво, Мати Русскаго Краю,
На небеси и на земли Тя величаю,
Ты грѣшников в тяжкой муки
Через Твои спасаешь руки.
Не дай пропасти...

Появленіе в нашей литературѣ таких произведеній цѣнно, ибо они свидѣтельствуют о том, что просыпаются націи. С. I.

И. А. ИЛЬИН. Основы художества. (Русское академическое издательство в Ригѣ). 1) Что такое искусство. 2) Кризис современнаго искусства. 3) О духовности в искусствѣ. 4) Талант и его соблазны. 5) Творческое созерцаніе. 6) Идея творческаго акта. 7) Проблема художественности. 8) Критерій художественнаго совершенства. 9) О художественном предметѣ. 10) Примѣненіе критерія. 11) Школа художественности. 12) Борьба за художество.

Точно и ясно написанная, доступная пониманію даже очень неискушеннаго читателя, книга проф. Ильина является плодом послѣдовательнаго и цѣльнаго стремленія к раскрытію божественных глубин художества.

В основѣ ея лежит сознательная религіозность философа, научившагося четко отличать матеріальныя и внѣшнія явленія от предлежащих им духовных «обстояній». Отсюда цѣльность, глубина и законченность, небольшой по размѣру, но исключительно богатой по содержанію книги.

Не все, что нравится, — хорошо; не все, что красиво — художественно; не все талантливое достойно; не все оригинальное и необычайное — цѣнно и нужно.

«Искусство есть служеніе и радость», начинает проф. Ильин свой труд. Радость творческаго созерцанія и служеніе художественному предмету, передающему в матеріально изображенных образах невѣдомую духовную сущность. Возвѣщеніе ея есть подлинная задача искусства. Точность ея воспроизведенія, и соотвѣтствіе ей образных и матеріальных (словесных, звуковых и т. д.) средств, подлинный критерій художественнаго совершенства.

Художнику и любителю искусства, особливо же художественному критику, книга может быть очень интересна и полезна, ибо, если в области художества и не всегда можно научить, то большею частью, все же, можно остеречь, не давая впадать в ошибки и соблазны, которыми так богато современное нам искусство.

Предостереженіем и наставленіем творящему и воспринимающему художество звучат слова проф. Ильина, упорно призывающія нас, оставив поверхностное наслажденіе гармоническими сочетаніями художественной матеріи, обратиться к глубинному содержанію искусства, к раскрываемому им царству Духа.

Ув.

ЕВГЕНІЙ ЗАМЯТИН. Бич Божій. Роман. (Изд. «Дом Книги». Париж).

Недавно вышел сборник посмертных произведеній Замятина («Бич Божій» и другіе, впервые печатаемые разсказы). Он сопровождается прекрасным предисловіем, дающим біографическій очерк, анализ творчества Замятина и комментирующій его послѣднюю книгу.

«Бич Божій» — не законченное произведеніе, это — ряд картин, подготовка к роману. Тема посвящена эпопеѣ завоеваній Атиллы и паденію античнаго міра. Автор стремится дать новое толкованіе легендарной личности завоевателя и возстановить эпоху, в которой протекает дѣйствіе. — «Есть историческое основаніе полагать, — говорит Замятин в своих замѣтках к этому труду, — что Атилла вовсе не был таким диким, безсмысленным раз-

рушителем, каким изображали его римскіе историки. Это был человѣк, несомнѣнно, огромной воли и темперамента, для своего времени хорошо образованный (в молодости он был заложником в Римѣ и там учился). Это был тонкій политик, причем его политика очень напоминает чью-то современную тактику. Он подымал в Галліи возстанія рабов против Рима, он дѣйствовал против Рима в контактѣ с римскими колоніями. Это был непримиримый враг Рима, поставившій своей задачей— разрушить Имперію. Ради этой цѣли он не останавливается ни перед какой жестокостью — и, все же, его подданные любили его настолько же, насколько боялись его враги»*). — Замятин видит извѣстное сходство нашей эпохи с «эпохой величайших міровых войн, эпохой столкновенія западной, уже старѣющей культуры с волной свѣжих, варварских народностей — готов и славян». «Ибо наши руки уже подобны потерявшим крѣпость рукам стариков, и нашу судьбу держат в руках другіе народы» — говорит римскій лѣтописец, в романѣ Замятина. Он, по выраженію писавшаго предисловіе к его книгѣ, «пожелал устроить нѣкую перекличку времен», так как «на протяженіи исторіи человѣчества есть параллельныя, одинаково звучащія эпохи».

Несмотря на заданіе — его книга не может быть названа историческим романом. Это ряд импрессіонистически исполненных картин, не документальной обоснованностью, а силой таланта автора, переносящих нас в эпоху. Она звучит для нас по новому, и нѣкоторыя сцены и образы исполнены большой силы. Самый язык произведенія нов. Достаточно сравнить его с языком остальных, характерных для обычнаго Замятинскаго творчества разсказов, чтобы понять, что новая тема потребовала преображенія его творчества и показала новыя его возможности. Смерть оборвала его работу и лишила русскую литературу новаго, значительнаго произведенія.

Б.

Георгій ИВАНОВ. Распад Атома. Изд. «Дом Книги». Париж. 1938 г.

«Россія — страна неограниченных возможностей», — не так давно это было модной фразой и не только среди чопорнаго англійскаго общества, но даже среди русской эмиграціи.

В монографіи «Декабрист Кривцов» Гершензон воскликнул: «Мір все терпит в человѣкѣ: пороки и преступленія, глупость и бездарность, одного не может простить — метафизическаго отщепенства»...

Вот тѣ мысли, которыя невольно во мнѣ возникали при чтеніи этой книги.

Попробовали прочесть втроем, и вдруг всѣм стало как-то безсознательно стыдно, стыдно всѣм существом, и отнюдь не потому, что в самобичующих мыслях автора отразились капельки на-

*) Оцѣнка личности Атиллы Замятиным находит подтвержденіе в мнѣніи французскаго знатока этой эпохи Марселя Бріона, который видит в нем также не только главу варварских полчищ, а настоящаго государственнаго человѣка.

шей собственной души..., а затѣм припомнились слова Достоевскаго из Идіота: — «знайте, что есть такой предѣл позора в сознаніи собственнаго ничтожества и слабосилія, дальше котораго человѣк уже начинает ощущать в самом позорѣ своем громадное наслажденіе...».

Книга, вѣроятно, найдет свой заслуженный интерес в качествѣ клинико-патологическаго случая для опытнаго психіатра. В острой формѣ негодованія возникает вопрос о цѣли и назначеніи подобнаго не произведенія, а просто страннаго литературнаго преступленія. **С. І.**

ЛЕВ ЛЮБИМОВ. Тайна Императора Александра І. (Изд. Возрожденіе).

Книга Л. Любимова, вышедшая в 38 году, посвящена темѣ, которая не может «устарѣть» и интерес к которой не ослабѣвает. Тайна смерти Александра I и жизнь старца Федора Кузьмича, в котором склонны видѣть ушедшаго от міра императора, до сих пор является неразгаданной. Автор книги не претендует также на ея разрѣшеніе. Он собирает новые матеріалы, говорящіе в пользу этой возможности и приводит прежніе аргументы — ея сторонников и противников.

Им, в условіях нашего эмигрантскаго существованія, продѣлан огромный и нелегкій труд, тѣм болѣе сложный, что даже извѣстная, оффиціальная версія, утверждающая смерть Государя в Таганрогѣ, не проливает достаточно свѣта на появленіе старца Федора Кузьмича — в Сибири и не разрѣшает вопроса о его происхожденіи. Интересно отмѣтить, что внося своим появленіем «легенду» такой значительности, старец никогда не был преслѣдуем законом, который не стремился разсѣять тайну, окружавшую его личность.

Несмотря на богатый матеріал, который удалось собрать Любимову и так интересно сгруппировать, не смотря на психологически тонкій анализ душевнаго строя Александра I и историческій — содержанія эпохи его царствованія, внѣшних и внутренних побужденій, могущих склонить его к уходу из міра, — главными аргументами в книгѣ остаются, все же, «слухи», «ощущенія», «свидѣтельства» отдѣльных (приближенных ко двору) лиц, гипотезы сторонников той и другой версіи.

В этой гипотетичности аргументов и лежит возможность и невозможность окончательнаго разрѣшенія вопроса. М. б. самым сильным, приводимым автором аргументом, является его утвержденіе, что большевики, несомнѣнно владѣя скрываемыми прежде секретными документами по этому вопросу, не нашли нужным опубликовать их.

«Если бы тайна Александра I была всего лишь легендой, очень вѣроятно — они бы их предали гласности. Но, конечно, они вряд-ли бы пожелали дать неопровержимое доказательство того, что один из русских императоров дѣйствительно удостоился сіянія святости», — заключает автор. **Б.**

НИКОЛАЙ ОЦУП. «Беатриче в Аду». Издательство Дом Книги. Париж. 1939 г.

Автор — писатель старой формаціи, и это обстоятельство удерживает меня, чтобы сказать, что его роман насыщен соцзаказом.

По старому в таких случаях, кажется, говорили — «роман с тенденціей»...

Фон романическаго дѣйствія — монпарнасская «братія» русских эмигрантов. писателей и художников.

Главных героев трое: Ртищев — художник и непобѣдимый ловелас, в концѣ концов, укрощенный героиней — талантливой артисткой, Джени Лесли, которая ради этого укрощенія «на время» пожертвовала собой, т. е. будучи невѣстой другого (англичанина), сошлась с Ртищевым, а затѣм — («я не хочу быть все время в роли воспитателя учителя, мнѣ нужно самой опереться на сильную руку»), — рѣшила возвратиться к жениху, считая, что Ртищев достаточно ею «укрѣплен» для дальнѣйшей самостоятельной жизни, (кстати, вопреки ея увѣренности он, все же, покончил самоубійством); наконец, третье главное дѣйствующее лицо, — писатель Вадим Бобров. На его долю кромѣ платоническаго поклоненія Джени Лесли (быть может, он — Данте по замыслу автора) выпала роль, так сказать, выразителя «умственной стороны» романа.

— «Евреи моего типа», пишет Бобров: — «обрѣтают іудейское, как находку, не прямо, а через славянское...», — «через Русь и Византію — мы попадаем в античный Рим и в Элладу, и... в Іудею».

Ему же вторит и германскій эмигрант — еврей Шредер: — «если все, что происходит сейчас в Палестинѣ и вызывает мое глубокое уваженіе, я не мог бы и помыслить своего переселенія туда иначе, как вопіющее насиліе над собою.»

В общем, «умственная тенденція» романа цѣликом отвѣчает недавно появившейся брошюрѣ Бикермана: «К самопознанію еврея».

Во Франціи всѣм хорошо знаком писатель, киноартист и присяжный критик «всѣх искусств», Саша Гитри. Он сам пишет, сам режисирует и играет, а злые языки добавляют, что и сам оплачивает трижды собственные кино-фильмы... Что же касается широкой публики, то, не смотря на подчас затѣйливую внѣшность, его фильмы она не любит.

«Беатриче в Аду» почему-то напомнила именно эти кино-продукціи Саши Гитри. **С. I.**

І. М. БИКЕРМАН. К самопознанію еврея. (Чѣм мы были, чѣм мы стали, чѣм мы должны быть). Париж. 1939. Склад изданія: «Дом Книги».

Язык этой книжки настолько далек от русскаго языка, что казалось бы неумѣстным давать о ней отзыв на страницах русскаго журнала; однако, если мы включаем ее в наш обзор, не оставляя только в перечнѣ полученных редакціей книг, то дѣлаем это потому, что находим в ней — независимо от того, каким языком рѣшил злоупотреблять переводчик, ряд характерных утвержденій. І. М. Бикерман слывет за «праваго» еврея. Не знаем, что точно значит сіе: «правое» и «лѣвое», вообще, весьма устарѣвшіе и ненужные в XX вѣкѣ термины; что же касается еврейских тем, то сперва слѣдовало бы опредѣлить, что значит «правое» или «лѣвое» міровоззрѣніе еврея: относится ли эта «правизна», или «лѣвизна», к Россіи, жителями которой они были, или «правизна» и «лѣвизна» опредѣляется по отношенію к еврейскому государству в Палестинѣ, гражданами котораго они должны были бы быть? Однако, «признанія» Бикермана весьма интересны: «в большом политическом строительствѣ мы себя не проявили, у евреев отсутствует политическое пониманіе». «Мы бредим о про-

грессѣ... Сіонизм — несостоятелен при обсужденіи европейско-азіатских вопросов... Коммунистическая власть внушает им симпатію и «безчисленны евреи, ставшіе сторонниками коммунистической власти» (стр. 70).

Эти покаянныя мысли — единственно интересное в попыткѣ самооправданія автора. Еврейскій вопрос — вопрос весьма существенный для мысли XX вѣка, и мы своевременно к нему вернемся. Бикерман — болѣе или менѣе откровенно высказывается в пользу участія еврейства в жизни культурных народов Европы. Он, впрочем, опасается, что останется «неуслышанным» и заключает свои разсужденія: «тѣм хуже для меня, тѣм хуже для всѣх нас».

Т.

Бенито **МУССОЛИНИ. Доктрина фашизма.** Перевод с итальянскаго **В. Н. Новикова,** с приложеніем Хартіи Труда. Книгоиз-во «Возрожденіе».

Чрезвычайно полезно, что В. Н .Новиков перевел на русскій язык статьи Муссолини «Доктрина фашизма», с примѣчаніями самого автора. Нынѣ слово «фашизм» обладает уже двумя различными значеніями. Под этим словом понимается, во первых современное динамическое итальянское міровоззрѣніе, созданное самим Муссолини, отражающее и особый темперамент итальянскаго народа, и самую личность его вождя.

Во вторых, словом «фашизм» обнимается вся совокупность новых идей — «идей XX-го вѣка», включающая в себя не только идеи итальянскаго возрожденія XX-го вѣка, но и аналогичныя движенія в других странах.

Слово «фашизм» в этом, втором своем смыслѣ («универсальном», по терминологіи Муссолини) стало родовым понятіем, в которое входят разные виды и подвиды «фашизмов», и которое может включать даже, напримѣр, національ соціализм.

Этих двух оттѣнков слова не слѣдует путать, что дѣлается столь часто, ибо поскольку всѣ новыя теченія мысли глубоко сродны фашизму во втором смыслѣ слова, постолько итальянскій фашизм (локальный) является, как правильно отмѣчает переводчик, **неповторимым** явленіем:

> «Всякій народ имѣет свой націонализм и сам творит формы своего бытія: никакое подражаніе, **даже лучшим образцам,** — недопустимо» (Муссолини).

Изученіе фашизма (или «фашизмов»), учет его опыта, оправданнаго уже долголѣтней практикой, необходимо и полезно для широких слоев русской эмиграціи, поскольку они отказываются от простого, нетворческаго подражанія, тѣм болѣе, что мысли Муссолини являются цѣльной, неподражаемой, **творческой** системой, отвѣчающей на запросы итальянскаго народа.

Политическая мысль русской эмиграціи часто столь обывательски - примитивна, что прельщается лишь внѣшними формами фашизма, не стремясь понять самой сути его; и много русских, по имени «фашистов», не уразумѣвших, что фашизм — прежде всего **доктрина;** им полезно призадуматься над смыслом слов Муссолини:

> «Под страхом смертной казни, во «избѣжаніе самоубійства», — необходимо создать основу **доктринальных** по-

ложеній, **философію** итальянскаго фашизма. Фашизм — не только дѣйствіе, но и мысль».

Второе, над чѣм слѣдует остановиться обывателям, претендующим быть «фашистами», это то, что фашизм движеніе **революціонное**: бунт духовный против старых идеологій. «Нѣт возврата к прошлому!». Особенно глубок соціальный, революціонный смысл фашизма, что, конечно, всячески затушевывается псевдо-сторонниками фашизма. К этому мы еще вернемся, говоря о «Хартіи Труда».

Третье, что необходимо усвоить «русским фашистам», это то, что фашизм появился в Италіи в борьбѣ против нарождающейся большевицкой болѣзни. Итальянскія боевыя дружины (носящія жестокое, металлическое названіе: фашіо), путем революціоннаго дѣйствія преодолѣли большевизм. А в Россіи, нынѣ наростающее, грядущее національно-революціонное движеніе имѣет задачей преодолѣть большевизм, послѣ 20-лѣтняго его владычества над страной.

Отсюда ясно, что задачи итальяскаго фашизма и русскаго революціоннаго движенія наших дней весьма отличны друг от друга. Поскольку фашизм нес с собой оздоровленіе государственнаго аппарата, «разслабленнаго и захлороформированнаго блудодѣйствіем» соціалистов, масонов и либералов, поскольку задачей Россійскаго освободительнаго движенія является уничтоженіе самовластья Сталина и созданіе вольнаго, новаго строя.

Поход на Рим 1922 года и грядущій наш «поход на Москву» произойдут в разных условіях.

Русскому читателю, полезно, конечно будет отмѣтить то, что Муссолини — глашатай идей нашего вѣка — ясно высказывается о **несущественности форм правленія**: фашизм преодолѣл противоположеніе демократической мысли: «монархія — республика», ибо «теперь видно», пишет Муссолини, «что имѣются реакціонныя республики и монархіи, пріемлющія смѣлые соціальные опыты». «Вопрос о формѣ правленія — не является существенным».

Все это — элементарныя положенія фашистской доктрины, знакомство с которой не останется без пользы для русских политиков, углубит их мысль и утвердит их в том, что именно основы фашизма требуют не простого подражанія, а глубокой самостоятельной работы по созданію ученія россійскаго національнаго движенія.

Что же касается «Хартіи Труда», то перевод ея тѣм болѣе своевременен, что в этом вопросѣ нѣкоторые русскіе политики доходят до предѣла абсурда, обвиняя новыя русскія движенія в заимствованіях — в вопросѣ об организаціи труда — не то у соціалистов, не то у «народных фронтов». Им достаточно раскрыть глаза и прочитать Хартію — о **коллективном договорѣ** труда, чтоб понять, насколько «лѣнива и нелюбопытна» их мысль, мысль тѣх, кто полагает еще, что может быть что либо общее между безплодной «безъидейной» реакціей и творческой соціальной революціей фашизма.

Чѣм шире разойдется русскій перевод книги Муссолини — тѣм лучше: необходимо неустанно повторять основныя истины нашего революціоннаго XX-го вѣка, хоть это, быть может безнадежно для послѣдних могикан правых, или лѣвых отмирающих теченій, но, за-

то, необходимо и полезно для наростающих теченій обновленной русской мысли. По существу, Россійская національная доктрина своеобразно и самостоятельно рождалась тогда, когда П. А. Столыпин говорил:*)

> «Бывают роковые моменты в жизни государств, когда государственная необходимость стоит выше права... Но такого рода **временныя** мѣры не могут пріобрѣтать постояннаго характера. Временная мѣра — мѣра суровая. Она должна сломить преступную волну — и отойти в вѣчность. Нельзя к нашим **русским корням,** к нашему **русскому стволу** прикрѣплять какой то чужестранный цвѣток... Наши реформы должны черпать свою силу **в русских національных началах».**

Мощь Россійской національной доктрины — не в заимствованіи даже у лучших образцов, а в естественном ростѣ из русской почвы, а также в дѣлах и мыслях сильных и крѣпких духом русских людей. **И. Я. Савич.**

Курс національно-политической подготовки. Н. Т. С. Н. П. 2-ое изданіе, III части. (Соціальная, экономическая и политическая жизнь).

III часть этого курса Н. Т. С. Н. П., единственнаго курса національно-политической подготовки, полностью уже разошлась, и мы привѣтствуем появленіе новаго изданія. К этой части, (включающей главы о либерализмѣ, соціализмѣ, земельном и рабочем вопросах, о коопераціи, солидаризмѣ и об устройствѣ центральной и мѣстной власти), своевременно присоединен перевод «Хартіи Труда» и сдѣлан ряд добавленій и исправленій, придающих новому изданію характер вполнѣ современнаго, необходимѣйшаго пособія. **Т.**

В. ШУЛЬГИН. «Le plus grand mensonge du XX siècle : l'Ukraine». Изд. О-ва Друзей Національной Россіи. (С. А. Р. Н.). Париж.

Брошюра В. Шульгина — на французском языкѣ. Было бы полезно, если она дошла до журналистов и политиков всѣх стран, которые — из-за незнакомства с русским языком и с исторіей Россіи — пишут столько нелѣпостей об «Украинѣ», и своею неграмотностью служат часто дѣлу сепаратистов. **А.**

А. БАРМИН. .20 лѣт на службѣ СССР. (Изданіе Альбин Мишель. 1939.) Париж.

Вышла из печати на французском языкѣ книга бывшаго секретаря посольства СССР в Афинах — А. Г. Бармина.

Эта книга новое из первоисточника свидѣтельство о глубинѣ трагедіи вчерашняго ведущаго слоя СССР, нынѣ лишеннаго всѣх своих привиллегій и поставленнаго в условія сѣрой скотинки краснаго диктатора.

Автор неоднократно говорит о своем желаніи избѣжать всего того, что может принести вред «высшим» интересам соціалистиче-

---

*) См. выше статью А. П. Столыпина.

скаго государства, которому он столько лѣт служил. Увы, вопреки столь похвальному желанію, немногія, но яркія строки осужденія, в связи с такой оговоркой, звучат еще болѣе убійственно. Да и вся книга — смертный приговор догнивающему режиму.

Красной нитью в книгѣ проходит и другое желаніе автора — не причинить вреда никому из немногочисленных оставшихся в живых друзей и сотоварищей. В этом автор преуспѣвает легко — говоря только о покойниках, благо процентная норма сталинской двухлѣтки в этой области почти достигает рекордной цифры в 100%, как по вѣдомству военных, так и по вѣдомству иностранных дѣл.

Бармин знакомит нас с совѣтским Олимпом вчерашняго дня, который, как извѣстно, в массовом порядкѣ перекочевал в царство тѣней. На фонѣ россійскаго разгрома это коммунистическое кладбище поневолѣ (и вопреки, вѣроятно, желанію автора) наводит мысль на закономѣрную неизбѣжность возмездія. Каким то древним, неумолимым законом вѣет от всей этой картины. Мнѣ возмездіе и Аз воздам!

Через книгу Бармина мы получаем возможность, чуть ли не впервые, взглянуть на все происшедшее глазами правовѣрнаго коммуниста, вчера еще строившаго соціализм «по пуп в крови». Пружины, толкавшія молодую ленинскую гвардію (Бармину всего лишь 36 лѣт) на путь кроваваго эксперимента, оказываются при таком ближайшем разсмотрѣніи лишенным и той «достоевщины» и «ам слав», о которых еще говорят заграницей нѣкоторые изслѣдователи большевизма, ищущіе глубину душевных переживаній в «титаническом размахѣ» соціалистическаго строительства.

Для него и его друзей даже коммунистическая доктрина — является скользкой и темной матеріей. Молодые коммунисты не смыслят «ни уха, ни рыла» в дискуссіях своих старших товарищей и неуклонно голосуют за ЦК партіи и Сталина, дабы избѣжать раскола партіи. И это, несмотря на романтическую привязанность к Троцкому — герою гражданской войны. Романтикой жертвуют во имя болѣе низменных интересов — сохраненія службы и постов. Глухая внутренняя оппозиція Сталину тоже разшифровывается чрезвычайно прозаически — вѣдь всякое усиленіе Сталина было ущербленіем власти молодых коммунистов, привыкших дѣйствовать на первых порах революціи безконтрольно. Зажим внутри-партійной демократіи вызывает искреннее возмущеніе Бармина, он с негодованіем описывает засѣданіе оргбюро партіи в 1932 году, на котором Каганович выносит рѣшенія, почти не считаясь с мнѣніем присутствующих высоких сановников.

Аналогичными причинами шкурнаго характера вызвано было в свое время и недовольство НЭП-ом. В тѣ времена нэпманы имѣли деньги, а молодые коммунисты, получавшіе сравнительно низкіе оклады, должны были затягивать кушаки, глядя на пиршества новых буржуев. Зависть и желаніе власти — таковы, собственно говоря, вскрытые Барминым пружины коммунистическаго пафоса молодых дѣятелей ВКП(б). Вообще глубинный смысл вещей от автора скрыт.

В заговор Тухачевскаго автор не вѣрит. Для него всѣ три процесса — грубѣйшая подтасовка и подлог, неспособные обмануть сколько нибудь свѣдущаго в совѣтских дѣлах человѣка. Он приводит большое количество примѣров, из которых явствует, что саботаж, шпіонаж и прочія вещи совершенно недоступны высшим

саботаж, шпіонаж и прочія вещи совершенно недоступны высшим сановникам, находящимся под неусыпным контролем ГПУ и принужденным исполнять слѣпо и без разсужденій чрезвычайно «жестокія» указанія политбюро. Ни о каких контр-революціонных настроеніях автор не пишет, На всем протяженіи книги вы **ни разу** не встрѣтите слово «Россія» в нашем его пониманіи. О бѣдствіях русскаго народа Бармин скорѣе догадывается, чѣм знает. Лишь в послѣдній год своего пребыванія в Москвѣ (когда его собственное положеніе пошатнулось) он вдруг замѣчает, что рабочим не на что жить.

Книга Бармина новое и авторитетное указаніе на близость сроков паденія режима. В этом цѣнность книги — пожалуй, единственная.

В. П.

ЖУРНАЛЫ.

«Казачій Альманах». 1939 г.

Как не привѣтствовать выпущенный Кружком казаков-литераторов «Казачій Альманах» за его здоровый дух, за здоровое національное чувство, за то чувство родины которое, к сожалѣнію, в эмигрантской литературной средѣ нечасто приходится встрѣчать? Провинціальный патріотизм? Но вѣдь это и есть источник истинной любви к родинѣ. По Пушкину: «любовь к родному пепелищу»... Такіе источники-ключи, сливаясь, текут широкими, полноводными рѣками. Только искусственно отгороженный плотиной обращается ключ в загнивающее болото. Но прочтите эту книгу и вы убѣдитесь, что какой-либо сепаратизм ей совершенно чужд.

Прочитав названіе сборника, естественно прежде всего спросить себя: что это — собраніе произведеній казаков? или — о казаках? На этот вопрос приходится отвѣчать разно, в зависимости от того, идет ли рѣчь об отдѣлѣ прозы или о стихах. Отдѣл прозы можно опредѣлить так: казаки (и их друзья) — о казаках. Здѣсь казаки и сюжет, и цѣль (предмет служенія). Поэтому и оцѣнка этого отдѣла строится на вопросѣ: что **цѣннаго** сказано о казаках или казачествѣ? **Что сказано** здѣсь значительнѣй того, **как сказано.** (Только большой талант мог-бы измѣнить это соотношеніе). Поэтому и отвѣт напрашивается сам собой. Очерки и статьи здѣсь цѣннѣй литературных произведеній. Их служеніе предмету непосредственнѣй. Очерки П. Н. Краснова, И. Г. Акулинина, Д. И. Ознобишина и статья-справочник Николая Туровѣрова, служащая дополненіем к интереснѣйшему собранію иностранных гравюр, изображающих казаков, это и есть ядро сборника. Цѣнность его безспорна. Близко к ним стоит чисто бытовая сцена С. Сулина «Проводы казака на службу», своего рода фонографическая пластинка с записью для казачьяго архива. Что же касается произведеній, имѣющих беллетристическое построеніе, то из них надо отмѣтить разсказ Александра Туровѣрова (не смѣшивать с Николаем Т.), сумѣвшаго передать тот воздух, которым дышали юные партизаны в начальные дни гражданской войны на Дону. Но и всѣ прочіе авторы в прозѣ, худо-ли, хорошо-ли, пишут только о казаках, казачествѣ или казачьих краях.

Иначе обстоит дѣло со стихотворным отдѣлом Альманаха. Здѣсь эти темы не являются обязательными (около половины стихотвореній — внѣ казачьих тем). Отдѣл этот должно опредѣлить как собраніе стихов поэтов-казаков и поэтес-казачек: т. ск. смотр поэтических дарованій казачества. Тут естественно в пер-

вую очередь исходить из поэтической цѣнности произведенія. И надо сказать, что и с этой точки зрѣнія, общее впечатлѣніе довольно отрадное. Правда, много нечетких, неувѣренных в себѣ стихов, но вѣдь литературный стаж их авторов, по большей части, не очень велик. Зато вполнѣ увѣренно звучат стихи Н. Туровѣрова. Чувствуется, как легко они ему даются. И как мало он над ними работает. Конечно, нѣкоторая доля небрежности простительна в том жанрѣ «цыганщины», в котором написаны первое, второе и послѣднее его стихотворенія. Все-таки, никак нельзя сказать «но поплачь-ка». Частица **ка** совершенно исключает возможность поставить **но** перед словом **поплачь.**

Одним из наиболѣе удачных надо признать стихотвореніе И. Поляковой, посвященное Ив. Серг. Шмелеву. Самое посвященіе это весьма характерно и свидѣтельствует о ея чуткости. Стихи о Россіи, о родинѣ, которую невозможно забыть, которая «всюду с нею», — кому же их посвятить, как не Шмелеву, единственному из больших наших писателей, который Россіей живет и дышет. Пусть стихотвореніе это не отличается оригинальностью, своему поэтическому заданію оно вполнѣ отвѣчает. А это само по себѣ достиженіе.

Признаем, что поэт в выборѣ своего поэтическаго заданія самодержавен. Но в осуществленіи этого заданія он связан самим заданіем, ему подчинен. Относится это и к формѣ, и к содержанію, и к соотношенію формы и содержанія (схема упрощенная для рамок небольшого отзыва). Это и есть закон гармоніи, ибо в идеалѣ власть заданія должна привести к гармонической цѣльности. Поэтому легко себѣ представить случай, когда менѣе яркое стихотвореніе болѣе отвѣчает этому закону, чѣм болѣе талантливое, но не нашедшее нужных ему слов, или вообще должнаго своего выраженія. Несомнѣнно одаренная М. Волкова, взявшая вѣрную мѣру пафоса (ибо в ея стихах рѣчь идет о «легендарных» казаках), не находит именно нужных слов и вѣрных образов (**угрюмы** лица, а не шрамы; **могучи** богатыри, для казаков это не характерно; **вояки** — из другого словаря, в этом стихотвореніи им нѣт мѣста; **прямыя плечи широки, они всѣ были таковы,** — это даже для «легендарных» казаков звучит неправдиво).

Но вот И. Воинов не нашел выраженія для самой сущности своего стихотворенія и не замѣчает, что сны, которые «снятся **только** дѣтям, да мудрым, жизнь познавшим старикам» и не могут сниться нам, не принадлежащим к этим двум категоріям, хотя бы мы и не проглядѣли безпутно, что дважды два — четыре. И еще: если «уже не снятся», то раньше они нам снились. Но тогда вообще нельзя утверждать, что такіе сны снятся **только** вышеуказанным группам.

Но это — частности. Возвращаясь к цѣлому, отмѣтим в заключеніе и у авторов поэтическаго отдѣла их здоровый, чуждый наркотиков, в общем лишенный болѣзненной дряблости, творческій дух. Не знаменательна ли эта параллельность здоровья в области національнаго чувства и в области поэтическаго творчества? Не взаимная ли это обусловленность? Р—

ПУТЬ, № 59, 1939 г. Орган русской религіозной мысли. Под редакціей Н. Бердяева.

Странный номер «Пути»: редакція отрекается от статьи Н. А. Бердяева «Существует ли в православіи свобода мысли и совѣсти?»

Автор берет исключительно на себя отвѣтственность за эту статью. Эта отвѣтственность не распространяется ни на «Путь» в цѣлом, ни на отдѣльных сотрудников «Пути». — Подписано — «Редакція». Мы бы охотно не судили «Пути» по статьѣ сотрудника, однако подпись «редакція» оказывается подписью самого Бердяева. Выходит что-то вродѣ — «я не я, и лошадь не моя», а, вѣрнѣе, вродѣ утвержденій совѣтскаго правительства о том, что оно — не Коминтерн, а Коминтерна о том, что он ничего общаго не имѣет со Сталиным.

Слишком похоже на это и похоже, повидимому, не случайно.

Наступают времена — когда излишня всякая недоговоренность. Надо прямо опредѣлить мѣсто писаніям Бердяева; это уже не философ, не лектор академіи, а слуга, уже не невольный, нашего врага.

Как дошел он до этого? Запутался ли, в лучшем случаѣ, в эмоціональном туманѣ псевдо-христіанства, или А. Н. Клепинин (скрывшійся послѣ похищенія ген. Миллера, но все еще фигурирующій в спискѣ сотрудников «Пути»), повліял на совѣсть Бердяева? Или? Бердяев в своей статьѣ подтасовывает факты, лжет и пользуется явно аргументаціей ГПУ.

Он выступает в защиту Федотова по поводу его статьи, в которой высказаны его совѣтскія симпатіи, о чем мы говорили в прошлом номерѣ. Федотову никто и никогда не предъявлял обвиненій по поводу его «лѣвизны», обвиненіе было в том, что он ведет Сталинскую пропаганду. Нынѣ Бердяев пытается подтасовкой приписать то, о чем не говорили и в чем Федотова не упрекали.

Бердяев раздѣляет, таким образом, вину Федотова. Вот высказыванія самого Бердяева:

«Франко предал свое отечество иностранцам, утопил свой народ в крови. Он вел истребительную войну против своего народа».

Эти строки могли бы свободно быть печатаемы в «Юманитэ». Ново только явленіе, когда богослов выступает в защиту безбожничества. Если бы Бердяев был честен, он бы, все же, отмѣтил то, что отмѣчают испанскіе католики.

«Испанская Совѣтская Революція, в первую очередь, поставила себѣ цѣлью **уничтоженіе** христіанской традиціи» — подводит в газетѣ «Журналь» итоги ущерба, нанесеннаго христіанству в Испаніи владычеством красных, священник Франциско Паллас. — «Жизнь одного **республиканца** значительно цѣннѣе, чѣм всѣ монастыри Мадрида» заявил один испанскій красный министр (Федотов и Бердяев считают, повидимому, это гуманизмом). А во что цѣнилась жизнь не республиканцев? «**12 000** священников были уничтожены красными». Гуманизм Бердяева замалчивает этих 12 000 священников!

Все это преподносится Бердяевым в формѣ нападенія на націонализм. «Нѣт ничего отвратительнѣе самаго выраженія «національно-мыслящій» — говорит он.

Быть національно-мыслящим — это значит быть «безчеловѣчным, корыстолюбивым, насильником, провокатором войны».

Он требует, чтобы христіанин «не имѣл права исповѣдывать какія-угодно политическія идеи». Какія же убѣжденія разрѣшаются христіанину — нам теперь ясно из его статьи.

Моральное паденіе Бердяева вызовет, надо надѣяться, единодушную оцѣнку.

С.

Бѣлая Идея. №3 (на правах рукописи).

До сих пор за рубежом были извѣстны многочисленныя изданія республиканцев: «Послѣднія Новости» (орган Р. Д. О.), «Соціалистическій Вѣстник», «Новая Россія» (орган А. Ф. Керенскаго), а также всяческая возвращенческая и оборонческая печать, безусловно республиканская, ибо С. С. С. Р. — республика.

К этой серіи республиканских органов слѣдует теперь причислить и «Бѣлую Идею»...

В статьѣ В. Насанова , «Націонализм и Монархія» категорически заявляется:

— «Мы отвергаем монархію, как по существу, так и по формѣ»...

Вообще же, журнал политически неграмотен, хотя издается отнюдь не зеленой молодежью. **Т.**

Третья Россія. «Орган осуществленія новаго синтеза». № 9. Париж.

Традиція туманной фразеологіи всецѣло владѣет мыслью редакціи. Злоупотребленіем иностранными словами пытаются создать иллюзію наукообразности.

Одним словом — типичное декаденство (дословно: упадочность).

Кое-гдѣ в этих джунглях слов прорывается кое-что интересное, поскольку оно выражает не собственныя мысли авторов, а является перефразировкой других теченій русской мысли.

Авторы преодолѣли коммунизм и марксизм, но Сталин для них только «условный враг» (стр. 33), и они мечтают, повидимому, что «оріэнтаціонную линію» («генеральную»?) третьей Россіи будет создавать Сталин, не то наслѣдник Іоанна Грознаго, не то ученик Петра Великаго...

Они дают поэтому наивные совѣты совѣтской власти «взяться за ум-разум» (статья С. Никулина), хотя, по их мнѣнію (стр. 32), нельзя преуменьшать уже того, что Сталиным сдѣлано: патріотизм, консолидація Россіи, нормализація и очищеніе быта и т. д. Сам Сталин де, войдет в исторію в качествѣ второго собирателя Россіи (стр. 32).

Капля сталинскаго дегтя может испортить цѣлую бочку антикоммунистическаго меда... Третья Россія — типичный продукт смуты умов и разложенія душ.

Т.

ГАЗЕТЫ.

Редакція дает отзывы **лишь** о газетах, **регулярно** высылаемых на адрес секретаріата «Грани».

Нація. Орган Р. Ф. С. Харбин (газета, выходящая три раза в мѣсяц).

В № 11-12 помѣщено начало статьи Ю. фон Зиберга: «Идейной тропой к Христовой Россіи» (опыт религіозно-философскаго обоснованія фашистской идеологіи).

Пока отмѣтим в ней интересное по вопросу о трудѣ.

Считая недостаточным, «односторонним и матеріалистическим» фашистское опредѣленіе труда, как созданіе духовных и матеріальных цѣнностей, автор указывает, что это опредѣленіе не заключает в себѣ нравственнаго мѣрила труда, предполагающаго и отвѣт на вопрос о побужденіях и о цѣли его. Назначеніе человѣка в трудѣ — служеніе Богу, и автор приводит положительные евангельскіе примѣры такого служенія — в практикѣ повседневной жизни.

К этой статьѣ мы еще вернемся. **И. Я. С.**

ЗА РОДИНУ. **Орган Н. Т. С. Н. П.** (выходит два раза в мѣсяц).

В полученных нами №№ 76—82 мы отмѣчаем прежде всего доклад В. М. Байдалакова: **«Иллюзіи и дѣйствительность»**, перепечатанный затѣм в «Націи» (Харбин) и отмѣченный в рядѣ органов русской и иностранной прессы. Доклад этот, послѣ обстоятельнаго и яркаго изложенія положенія в СССР, опредѣляет основы тактики Н. Т. С. Н. П. в зарубежьи.

Остановимся также на статьях М. А. Георгіевскаго под общим заглавіем: **«На далеком пути»**, (начало в № 73). В этом циклѣ, касающемся и «программных положеній» Союза, и нѣкоторых «соблазнов» (№ 75) нашей эмигрантской политики, очерчены тѣ основныя мысли, которыя помогли небольшому вначалѣ кружку молодежи создать активное, широкое современное движеніе и подвести его к непосредственной борьбѣ за Россію. Исключительно блестяща, и по формѣ, и по содержанію, статья Ю. Герцога (№ 79) **«Отвѣт по существу»** (эмигрантскій формализм), вносящая луч свѣта в сонное царство заплѣсневѣвших политиков и политиканов.

Т.

РУССКАЯ НАЦІОНАЛЬНАЯ ПРОПАГАНДА ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Прошло время, когда приходилось только доказывать недовѣрчивым иностранцам, что большевизм является величайшим злом и ограничивать нашу работу лишь борьбой против коммунистической заразы. За двадцать лѣт большевизма, сущность его в большей или меньшей степени осознана руководящими кругами всѣх націй. Желаніе сблизиться с СССР, принимающее порою и принявшее еще недавно особенно уродливыя и нелѣпыя формы, не является тому противорѣчіем. Эта несостоятельная дипломатическая игра не раз спасавшая большевизм, но всегда больно ударявшая по ея зачинщикам, может лишь ненадолго отсрочить крушеніе СССР. Русскій вопрос на очереди. То или другое его разрѣшеніе с точки зрѣнія русских національных интересов зависит в извѣстной мѣрѣ и от нас. Отсюда ясно в каком направленіи должны быть сосредоточены всѣ наши силы и устремленія. Не ограничиваясь пропагандой против большевизма, центр тяжести нашей работы переходит на борьбу за Національную Россію.

Перечислим главнѣйшія трудности, которыя нам нужно преодолѣвать, независимо от препятствій, чинимых большевиками и их агентами.

1. — Ложное представленіе о царизмѣ и Императорской Россіи, как результат вѣковой работы революціонеров и клеветников Россіи всякаго толка.

2. — Смѣшеніе понятій СССР и Россіи. Не слѣдует забывать, что молодое поколѣніе иностранцев узнало Россію лишь под личиной СССР и потому приходится наблюдать парадоксальное, но, до нѣкоторой степени, понятное явленіе, которое выражается в том, что самые ярые антибольшевики являются зачастую самыми злостными ненавистниками Россіи, отожествляя русскій народ с большевиками или считая его безнадежно пассивным и отвратительным быдлом.

3. — Вліяніе совершенно сознательных недругов Россіи, которых, напримѣр, во Франціи немало среди правых и католических кругов. Конечно, «бердяевщина» является для них огромным подспорьем. В других странах наблюдается то же самое явленіе, может быть даже в болѣе грозных масштабах. Работа большевиков и большевизанов, работа сепаратистов и всѣх тѣх, кто хотѣл бы использовать русское несчастье в своих узко національных или партійных цѣлях и в ущерб нашим національным интересам, является этим самым облегченной и как бы получает нѣкое псевдо-идеологическое обоснованіе.

Наше главное орудіе борьбы — **политическая пропаганда.** Пропаганда нужда среди сочувствующих нам кругов, но ее особенно важно вести там, гдѣ враг оперирует безнаказанно и увлекает в сферу вліянія враждебных нам идей нейтральную обывательскую среду.

Немного болѣе года тому назад в Парижѣ возникло Общество Друзей Національной Россіи. Во главѣ его стал бывшій министр юстиціи, сенатор Анри Лемри ,непримиримый враг большевизма и искренній и вѣрный друг Россіи. В момент своего основанія общество намѣчало слѣдующія цѣли:

1. — Созданіе информаціоннаго центра для правильнаго освѣдомленія о Россіи.

2. — Правдивое ознакомленіе французскаго общественнаго мнѣнія с прошлым Россіискаго государства, с его историческим развитіем и с подлинным духом Русской Націи.

3. — Содѣйствіе борьбѣ русских національных сил для освобожденія Россіи и всего міра от большевицкой заразы.

Указанные три пункта содержат программу максимум. Само собой разумѣется, что за сравнительно недолгое существованіе общества ему эту программу еще не удалось провести в жизнь цѣликом. Однако, выполненіе того, что можно назвать программой минимум, превзошло всѣ ожиданія.

Почва для большой политики подготовлена и расчищена.

Нам удалось осуществить слѣдующее:

1. — Помѣстить большое количество статей, интервью, сообщеній и справок во французской и в иностранной печати;

2. — выпустить нѣсколько листовок и три исключительно удачных брошюры;

3. — устроить нѣсколько собраній, которыя обильно комментировались печатью;

4. — образовать цѣлый ряд секцій во Франціи и подготовить образованіе аналогичных обществ заграницей.

При наших еще скромных возможностях, главную дѣятельность нужно было сосредоточить на печати. Одно несомнѣнно: благодаря нашему существованію и нашей дѣятельности, удѣльный вѣс Національной Россіи и русской національной эмиграціи значительно возрос, как во Франціи, так и заграницей, что уже является большим положительным достиженіем. Но мы, может быть, еще лучше

преуспѣли в области достиженій, так сказать, негативнаго характера. Благодаря громкимъ и высоко-авторитетным именам членов наших комитетов, нашей литературѣ, а иногда и личным вмѣшательствам, нам удалось пресѣчь в корнѣ немало злостных, клеветнических кампаній и статей, которыми особенно изобиловала нѣкоторая часть даже правой французской печати до созданія нашего общества.

Приведем теперь нѣсколько отрывок из послѣдняго сообщенія общества, разосланнаго им в сотни газет:

«Большевизм толкает к войнѣ, так как он надѣется, что в результатѣ страшных военных бѣдствій, народы созрѣют для міровой революціи... Заключеніе союза с большевиками было бы истинным безуміем. Нельзя призывать холеру на помощь — сам станешь первой ея жертвой».

— «Как бы то ни было, если начнется европейская война, союзники большевиков представят своему противнику опаснѣйшее подкрѣпленіе: так как, либо большевики, въ страхѣ, цинично им измѣнят, дабы удержать свою тиранническую власть, либо угнетаемые ими сметут их и встрѣтят нападающих, как освободителей».

«Націи, заботящіяся о мирѣ и о свободѣ, должны были бы в первую очередь позаботиться о ликвидаціи отвратительнаго строя, который есть стыд и величайшая опасность для Европы... Абсурдно с их стороны игнорировать усилія русских національных сил в СССР и внѣ СССР к освобожденію их родины...»

«Наше общество недавно настаивало на созывѣ международной конференціи для разрѣшенія русскаго вопроса в интересах Россіи и всѣх стран. **Почему бы «новой лигѣ мира»**, о которой говорит президент Рузвельт, **не примкнуть к пакту антикоминтерна,** ни одна из статей котораго не противорѣчит ея принципам?»

Небезинтересно привести хотя бы одно сужденіе врага об Обществѣ. Упомянув о большом количествѣ статей против СССР, появившихся во французской печати за это тревожное время и процитировав нѣкоторыя из них, **Техническое Агентство Печати,** обслуживающее всю лѣвую французскую прессу, пишет в своем выпускѣ от 3-го мая: «постоянныя возбужденія против Совѣтов исходят главным образом из очага антисовѣтской пропаганды Soc:eté des Amis de la Russie Nationale. Это Общество, якобы, работающее на возрожденіе сильной, свободной и счастливой Россіи, ведет на самом дѣлѣ бѣшеную агитацію против Совѣтскаго Союза и стремится всѣми средствами, коими оно располагает, всячески помѣшать сговору с Совѣтами».

А. Гулевич,
Генеральный Секретарь
Общества Друзей Національной Россіи.

От Редакціи.

В редакцію поступила рукопись нашего сотрудника д-ра фил. Н. А. Реймерса: **«О правом и лѣвом міровоззрѣніях»**. Печатать ее в одном № невозможно (4 печатных листа), а раздѣлять этот труд на нѣсколько № журнала подорвет ея цѣльность. Мы рѣшили поэтому изыскивать средства и возможности для изданія этой **научной книжки,** которую считаем очень цѣнной для русскаго національнаго дѣла. Выпуск этой книги значительно облегчился бы, если б заранѣе знать приблизительное количество экземпляров, могущих

быть проданными; мы просим всѣх наших читателей, пожелавших бы имѣть эту книгу, сообщить нам об этом на адрес нашего секретаріата. Надѣясь также, что наши читатели помогут нам своими совѣтами, мы печатаем ниже доводы самого автора в пользу изданія.

Редакція.

Соображенія д-ра фил. Н. А. Реймерса об объективной желательности изданія его новой работы: «О «правом» и «лѣвом» міровоззрѣніях», опыт политической силлогистики (четыре печатных листа).

Хотя и существует обширная «бѣлая» литература на всѣх языках, но нужно признать, что почти нѣт чисто-научных «бѣлых» работ, — понимая под послѣдними такія, которыя аппелировали бы **не к чувству, а к чистому разуму** и пытались бы философски осмыслить и обосновать самое логическую структуру «праваго» мышленія вообще. А это большой недостаток, вслѣдствіе котораго массы, хотя и сочувствуют «бѣлым», но в глубинѣ души продолжают думать, что наука все-таки на сторонѣ «красных», (старинная формула «офицер — глупый», «студент — умный». Современный варіант: отказ оксфордских снобов, т. е. интеллектуальной черни, послать делегацію на юбилей в Геттинген). Как это ни странно, но мнѣ кажется, что даже в Германіи, странѣ философов, нѣт соотвѣтствующих работ. А это очень грустно, т. к. вѣдь борьбу нужно вести во всѣх «этажах жизни». В самом дѣлѣ, если «внизу» достаточно краткой формулы, в стилѣ «инакомыслящим — в морду!», если в «средних этажах жизни» можно аппелировать к національному чувству и историческим аналогіям, заполняя пробѣлы мистикой, — то нужно все-таки умѣть дать «интеллектуальной фармацевщинѣ» отпор и в тѣх высоких сферах, гдѣ господствуют законы строгаго мышленія. Вѣдь каждый поистинѣ любознательный человѣк хочет не только побѣды своей идеи, но и сознанія того, что за этой побѣдой — будущая и объективная правота...

Моя скромная работа и есть, во всяком случаѣ, попытка подняться на эти высоты.

Должен к этому прибавить, что, вообще, по моему наблюденію широкіе слои національно настроенных русских людей интересуются абстрактными и доктринальными вопросами политики значительно больше, нежели это принято думать.

Кромѣ того, они, мнѣ кажется, вообще нѣсколько обижены тѣм, что их упорно разсматривают как дѣтей, и кормят литературой в стилѣ той, которую в прежней Россіи называли «солдатской».

Я замѣтил, сверх того, что очень часто за желаніем приспосабливаться к «пониманію публики» и говорить «простым языком» скрывается просто неспособность сказать что-либо болѣе серьезное. Нужно, конечно, стараться быть понятным, но можно и от читателя требовать интеллектуальнаго усилія, которое, в концѣ концов, имѣет и моральное значеніе.

Париж. **Николай А. Реймерс.**

П. С. Хотя моя работа трактует вопросы так сказать под углом вѣчности, но содержаніе ея **настолько актуально,** что желательно было бы издать ее возможно скорѣе.

Зарубежная жизнь

Закрытое собраніе общества «Замкнутое Звено».

«Диктатура и свобода личности» — доклад и пренія, имѣвшія мѣсто в Парижѣ на собраніи объединенных групп соединеннаго соціалистическо-демократическаго сегмента лѣваго сектора передовой общественности.

— «Диктатор — свободен только один», начинает докладчик «и он навязывает всѣм свою волю. Мы же каждый хотим свободно диктовать — каждый каждому — свое собственное мнѣніе. Диктатура, и идущій с ней об руку націонализм, съуживает предѣлы этих возможностей до предѣлов одного государства (иногда вмѣщающаго только одну націю). — Мы же стремимся расширить эти рамки до интернаціональных размѣров и уничтожить тренія, существующія между отдѣльными народами. Тогда, естественно, отпал бы цѣлый ряд вопросов, в частности, о границах государств, и не висѣла бы угроза страшной войны, вызываемая посягательствами бѣлых и желтых узурпаторов. Примѣр порабащенной Чехіи доказал, что народы иногда могут отказаться от своего націонализма. Не лучше ли сдѣлать это добровольно, а не в пользу спекулирующих на этом и злоупотребляющих этим диктатур?»

— Как предохранить наше государство от возможности появленія подобных настроеній? Надо же, наконец, уяснить себѣ, что судьба русской демократіи болѣе тревожна, чѣм судьба Россіи? Россія (не дай Бог, націоналистическая!) будет существовать, а русская демократія может при этом исчезнуть!»

— При единодушном сочувствіи аудиторіи, первый же выступавшій оратор, поставил вопрос на реальную почву: «Какою силою можно добиться в Россіи учрежденія демократическаго правленія и какими мѣрами обезпечить возможность его безопаснаго существованія?»

— «В случаѣ недостаточной поддержки внутри страны, всегда остается возможность обращенія к дружественным демократіям и не было примѣра, чтоб онѣ в лицѣ своих лучших представителей не согласились аппелировать к авторитету культурнаго міра специальной нотой протеста» — находит разрѣшеніе вопросу докладчик. Рѣзким диссонансом единодушію собранія звучат слова непредвидѣнно выступавшаго представителя Бѣлоруссіи. «Мы 300 лѣт страдали под гуннами, 300 лѣт под поляками, 300 лѣт под Россіей — неужели нам 300 лѣт еще придется страдать под демократіей?»

Предсѣдатель пытается его успокоить, отмѣчая, что націонализм угнетенных и угнетателей, разная вещь и обѣщает автономію даже индусу, проживавшему всего 30 лѣт в Россіи и отстаивающему громко с мѣста свою независимость.

— «Т. к. содержаніем собранія является вопрос о свободѣ и диктатурѣ, — возвращается к прежней темѣ слѣдующій оратор, — то надо прямо сказать, что тѣ, кому по нашему свободу нужно было дать — в СССР. ее получили.

Мы, поэтому, не можем допустить, чтобы так, как это произошло на наших глазах в Испаніи — они и там ее снова лишились. Вѣдь в Совѣтской Россіи подвергались гоненіям наши враги, а в Испаніи гибли наши друзья — братья!»

Этот тон христіанскаго братолюбія поддерживается и слѣдующим оратором: «Косвенныя гоненія в СССР на православную церковь принесли ей прямую пользу». — «Чѣм ночь темнѣй, тѣм ярче звѣзды, чѣм глубже скорбь, тѣм ближе Бог!» — патетически восклицает он. «Преступно угашать это вспыхнувшее пламя уничтоженіем режима, который его питает».

— «Употребляя термин «диктатура» — заключает собраніе докладчик, — «мы не должны забывать о разном смыслѣ, который в это слово вкладывается. Выступая против диктатур — мы никоим образом не подразумѣваем диктатуру пролетаріата (не угрожающую нашей свободѣ) и не хотим бросить тѣнь на личность и репутацію Сталина».

За поздним временем, предсѣдатель закрывает собраніе, выражая надежду, что слѣдующее засѣданіе состоится при болѣе благопріятной и отвѣчающей нашим надеждам политической коньюнктурѣ. **X.**

П. С. Возможно, что нѣкоторым читателям печатаемое сможет показаться (также, как и отмѣченное нами в предыдущем №) недостаточно веселым, или недостаточно заслуживающим осмѣянія. Дѣйствительно, далеко не весела работа наших противников, но не на все должно отвѣчать серьезно.

Редакція.

ОТ РЕДАКЦІИ.

I. — **Редакція не придерживается правила:** «непринятыя рукописи — не возвращать» и **отказывается** от традиции «по поводу их не вступать в переписку». Редакція будет возвращать рукописи и вступать в переписку с авторами — по мѣрѣ своих сил — и при условіи приложенія почтовых марок (во Франціи) или международных купонов. Редакція отвѣчает лишь за рукописи, присланныя заказными письмами и возвращает их только заказным же порядком, что слѣдует учесть при присылкѣ марок или купонов для обратной пересылки.

II. — Увеличив с 64 до 96 стр. второй № нашего журнала, цѣну на него увеличиваем лишь незначительно:

Цѣна отдѣльнаго № (без пересылки):

Во Франціи —	7 фр.
Въ Югославіи —	8 дин.
Въ других странах —	25 амер. центов.

(На пересылку слѣдует добавлять 15 % стоимости заказа).

Для лиц, подписавшихся с № 1 — условія подписки остаются без измѣненій.

Продолжается пріем подписки, на четыре №, начиная с № 2.

Условія (с пересылкой): во Франціи —	28 фр.
в других странах —	1 амер. доллар.
в Югославіи —	32 дин.

III. — Всѣ денежные расчеты по журналу (почт. переводы и т. п.) слѣдует посылать **исключительно** на адрес казначея журнала:

Monsieur Stephan Chabratzky.
17, rue Gauthey, Paris XVIIe, France.

IV. — Принимаются **объявленія** в № 3 журнала. Об условіях справляться в секретаріатѣ.

V. — Рукописи, всю переписку, почтовыя марки, международные купоны для отвѣта, а также книги, брошюры, газеты и журналы для отзыва слѣдует посылать на адрес **секретаріата журнала:**

Mlle E. Tamansky.
153, avenue Foch, Herblay (S. et O.), France.

КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ДЛЯ ОТЗЫВА.

Станица. (Орган Парижской студенческой Казачьей станицы). № 30. Апрѣль 1939 г. Париж.
Владимір Дагестан. Сердце. Париж. Скл. изд. Дом Книги.
Тучи над Россіей. Шанхай. (Ни автор, ни издательство не указаны).
К. Коровин. Шаляпин. Изд. «Возрожденіе». Париж.
Ф. Цевловскій. Церон. Роман. Бѣлград. Скл. изд.: «Дом Книги».
Ф. Цевловскій. Черная Рѣка. Роман. Бѣлград 1939. Скл. изд.: «Дом Книги». Париж.
Анна Полярная. Сказка жизни. Скл. изд. «Возрожденіе».
Владимірскій Сборник. Русск. кн. склад Державной комиссіи. Бѣлград.

Le Gérant : Nicolas Sergueeff.

Imprimerie VAL, 124, rue Compans. Paris 19.

ЦѢНА ОТДѢЛЬНАГО № (без пересылки):

ВО ФРАНЦІИ:	7 фр.
В ЮГОСЛАВІИ:	8 дин.
В ДРУГИХ СТРАНАХ:	25 амер. центов.

(Пересылка — 15 % стоимости заказа).

СКЛАД ИЗДАНІЯ:

LIBRAIRIE « LA RENAISSANCE »
73, AV. DES CHAMPS - ELYSEES
PARIS 8e.